Ю.М. ИВАНОВ

ОЧЕРКИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ТОТАЛИТАРНОГО СОЦИАЛИЗМА

Московский философский фонд

МОСКВА 1997

ИВАНОВ Ю.М.

Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М.: Московский философский фонд, 1997. - 144 с.

В настоящее издание вкючены статьи, опубликованные в журнале «Философские исследования» в 1996-1997 гг.

ISBN 5-85133-015-5

Лицензия ЛР № 030358 от 13 апреля 1992 г.

ОТ АВТОРА

Проклятия в адрес тоталитарного социализма сегодня уже стали модой. Если раньше славословия его реальных и мнимых достижений считались среди обществоведов признаком хорошего тона, то теперь таким же тоном стало развенчивание. Провозглашавшийся прежде в качестве основного ориентира прогресса рост промышленного производства сменили показатели производительности труда, жизненного уровня масс и демократии, достигнутые развитыми странами Запада. В глазах всего мира тоталитарный социалистический строй по этим показателям окончательно проиграл соревнование с ними.

Современные призывы (открытые и закамуфлированные) к отказу от рыночной экономики и возврату к прежней системе командно-административной организации производства не находят соответствующей поддержки. Слишком свежа память о нищенском уровне масс и террористическом беспределе, существовавшем в годы тоталитарного социализма. Вряд ли могут сегодня обмануть и байки коммунистов об уравнительном распределении благ, якобы существовавшем в те годы. Жизненный уровень номенклатурных чиновников всегда был неизмеримо выше жизненного уровня рядового рабочего и колхозника. Именно коммунисты под лозунгом борьбы с уравниловкой вели тогда решительную борьбу с теми, кто добивался ликвидации номенклатурных привилегий.

Громадные изменения, происходящие в странах бывшего социалистического лагеря, заставляют по новому взглянуть на тоталитарный социализм и присущие ему закономерности. Его возникновение нельзя отнести к разряду случайностей. После Октябрьской революции в тоталитарно-социалистических оковах оказалась почти четверть населения планеты. До сих пор, несмотря на крах во всемирном масштабе, этот строй продолжает существовать в некоторых государствах, не говоря уже о его сторонниках, которых не трудно обнаружить в большинстве стран мира.

Каким бы бесчеловечным не был с точки зрения современного гуманизма тоталитарный социализм, он несомненно способствовал ускорению экономического развития многих государств. За примерами не стоит далеко ходить. В 1913 г. Россия по объе-

му промышленного производства занимала 5-е место в мире. СССР же, без Польши и Финляндии, входивших до революции в ее состав, многие десятилетия занимал 2-е место. Сказанное, разумеется, не исключает того, что доставшаяся нам от тоталитарного строя экономика причудливо сочетает признаки несомненного прогресса и обескураживающей отсталости, что в ней многое решалось за счет расточительного использования дешевого неквалифицированного труда, компенсировавшего ограниченное использование новейшей техники.

После краха тоталитарного социализма в России осталось множество нерешенных проблем. Их теоретическое осмысление сопряжено с рядом трудностей. И дело не только в том, что в нашей стране новое поколение исследователей, никогда не воспевавших тоталитарных ценностей, еще только формируется, но и в том, что вместе с тоталитарным социализмом огульной критике подверглось и его теоретическое обоснование — классический марксизм, представленный трудами Маркса, Энгельса и Ленина. С такой же страстью, с какой в прошлом маститые ученые доказывали непогрешимость для всех времен и народов каждой буквы классического марксизма, с такой же страстью многие из них сегодня бездумно охаивают все достижения этой научной мысли, внесшие вклад в развитие мировой науки, в отличие от вульгарных писаний ее жалких позднейших последователей.

До сих пор нет попыток научно объяснить подлинную природу тоталитарного социализма. Как правило, старые марксистские догмы либо не преодолены, либо подменяются идеалистическими объяснениями возникновения указанного феномена. Для многих исследователей Октябрьская революция всего лишь порождение козней большевиков, а ее детище — тоталитарный социализм — результат внутриполитической борьбы за власть, в которой победителями оказались Сталин и его сторонники. Как и несколько столетий назад, в их представлениях исторические судьбы человечества определяются общественным разумом, подвергающимся манипуляциям политиков. Подобный Подход, от которого лишь шаг до признания провидения, уже в значительной мере вытеснил из исторической науки представления об экономическом детерминизме, формациях и т.д.

Приступая к написанию Очерков теории и практики тоталитарного социализма, автор этих строк опирался на разработанный марксизмом материалистический метод объяснения исторического процесса. А это означает, что в предлагаемой читателю книге рассматриваемый феномен анализируется прежде всего под экономическим углом зрения. В то же время сказанное не исключает ни критического отношения к тоталитарному социализму, теоретическими основоположниками которого были Маркс, Энгельс и Ленин, ни критического отношения к их научным выводам, обусловленным состоянием науки середины XIX — начала XX веков, ни критического отношения к их претензиям быть выразителями интересов рабочих.

Историческое развитие убедительно доказало, что классический марксизм выражал не интересы пролетариата, который в борьбе с капиталом сплошь да рядом поддерживал коммунистов, а тоталитарные интересы директората, распоряжавшегося средствами производства и рабочей силой предприятий не по праву собственности, а по праву должности. Именно этот социальный слой оказался у власти в результате победы Октябрьской революции и создал общественный строй, от ужасов которого содрогнулся весь цивилизованный мир.

Происходящий сегодня демонтаж тоталитарно-социалистической системы отнюдь не означает демонтаж господствующего положения директората. Оно продолжает сохраняться, принимая более мягкие, либеральные формы, обусловленные развитием рыночных отношений. Тоталитарный социализм — лишь первоначальная фаза посткапиталистического общества, характерная для отсталых стран с неразвитой рыночной экономикой. Изучению этой фазы и посвящена представленная книга, которую автор выносит на суд читателей.

В ходе подготовки рукописи к публикации бесценную помощь оказали Татьяна Борисовна Дегатькова и Людмила Ароновна Краснянская. Автор приносит им глубокую благодарность.

16 апреля 1997 г.
Ю. Иванов

ГЛАВА 1

КЛАССИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ — ТОТАЛИТАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ДИРЕКТОРАТА

Марксизм как политическое течение сформировался в середине XIX в., в эпоху, когда крупное машинное производство, синонимом которого была фабрика, еще только начинало развиваться. Даже в Англии — родине промышленной революции — его история исчислялась десятилетиями, поскольку ткацкий станок стал широко применяться лишь в 20-30-е годы XIX в. и лишь в хлопчатобумажной промышленности, в других текстильных отраслях это произошло еще позднее. Только к середине века Англии удалось механизировать производство самих машин и фабрика стала ведущей формой индустриального развития, тогда как на континенте фабричное производство находилось на значительно более низком уровне. Соответствующие преобразования общества, включавшие ликвидацию остатков феодализма и натуральных связей, еще только предстояли. Они означали наступление нового этапа развития капиталистического способа производства.

Иначе виделись перспективы развития капитализма Марксу и Энгельсу. По их мнению, капитализм, породив крупное по тогдашним меркам машинное производство, тем самым создал предпосылки для своей немедленной гибели. Они полагали, что уже в середине XIX в. «с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.436), что в Англии, как и в Европе, в повестке дня стоит революция, призванная утвердить коммунизм.

Маркс и Энгельс впервые попытались спрогнозировать предстоящее развитие человечества, исходя из анализа экономических закономерностей. И хотя в их прогнозе оказалось много несбывшегося, много фантастического, включая сроки возможной гибели капитализма и природу идущего ему на смену общественного строя, тем не менее, сформулировав ряд важнейших закономерностей капитализма, они предсказали и немало того, что в действительности произошло позднее, в частности, схватки буржуазии с рабочими, антикапиталистические революции, огосударствление экономики и т.д. В целом взгляды основоположников марксизма отражали общественные процессы на ранних стадиях развития фабричного производства, подчиненного стихийным законам капиталистического рынка, буржуазную ограниченность которого они надеялись преодолеть путем полного его уничтожения.

Изучение буржуазного общества на начальных ступенях фабричного производства имело свои недостатки и свои преимущества. С одной стороны, многие свойственные капитализму противоречия еще только намечались и были либо лишены четкости, размыты, либо еще вообще не проявились, что создавало трудности в их исследовании, с другой, — новому складывавшемуся миросозерцанию, еще не окостеневшему в анализе зрелых закономерностей, это позволяло смело выходить, порой в наивных формах, за рамки противоречий буржуазного общества. С этой точки зрения миросозерцание Маркса, подобно миросозерцанию Ф. Бэкона, было богато предпосылками для последующего всестороннего развития науки.

Вместе с тем сказанное отнюдь не означает, что учение Маркса полно и стройно, как полагал Ленин. Оно содержит множество противоречий. Недаром сегодня мы имеем дело со столь многочисленными редакциями марксизма. Рассматривать же марксизм следует во всей совокупности присущих ему противоречивых теоретических положений и выводов с учетом той исторической обстановки, в которой он зарождался.

Ее характерной чертой была неразвитость социальных отношений, выходивших за рамки противоречий между наемным трудом и частным капиталом. Система управления фабричным производством с точки зрения сегодняшнего дня находилась в эмбриональном состоянии. Основные управленческие функции зачастую выполнялись непосредственно са-

мим предпринимателем. «Предприниматель, — пишет об этом времени Г. Перкин, — занимающийся активной деятельностью капиталист. Он одновременно и собственник и управляющий своего заведения. Он ключевая фигура в организации промышленной революции. Ему приходилось следить за конъюнктурой рынка, оценивая ее в контексте существующего либо потенциального спроса на продукцию новых технологий, ему же приходилось изыскивать свой капитал или убеждать партнеров делать капиталовложения, выбирать место заведения (на ранних стадиях с подходящим перепадом воды) с таким расчетом, чтобы оно было обеспечено адекватными коммуникациями, наблюдать за строительством фабрики и установкой оборудования, нанимать, обучать, руководить и дисциплинировать персонал, покупать сырье и прибыльно сбывать свою продукцию» (Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780-1830. L., 1969. P. 112).

Иначе говоря, в рассматриваемый период основные нити управления крупным машинным производством сосредотачивались преимущественно в руках индивидуального предпринимателя. Наемные директора в то время еще не определяли структуру фабричного управления. Косвенным тому подтверждением являются данные об английских акционерных компаниях: в 1877 г. их было зарегистрировано около 10 тыс., меньшую часть составляли фирмы, непосредственно связанные с фабричным производством. Таким образом, отмеченное Марксом и Энгельсом отделение функции управления от капитала еще только зарождалось, тем не менее это не помешало им обоснованно утверждать, что «вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется точно также, как ткач, работающий на ручном станке» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 298-299).

Новый класс — директорат, непосредственно руководящий производством не по праву собственника капитала, а по праву нанятого для этого служащего, во времена Маркса и Энгельса был немногочисленным: управление фабриками с помощью наемных работников еще не имело большого распространения. Управленческие кадры еще не обособились от общей массы тех, кто трудился по найму; возникала иллюзия, будто их положение, как писали Маркс и Энгельс, «в сущности одинаково с положением привилегированных лучше оплачиваемых рабочих» (Там же. С.299).

Фабричное управление в то время было относительно простым и не требовало специальных теоретических знаний. Управленческие функции ограничивались набором рабочих, их обучением простейшим производственным навыкам, а также контролем за дисциплиной и производством продукции. Для того, чтобы выполнять данные управленческие функции, достаточно было знаний квалифицированного рабочего. «У тех, кто делал промышленную революцию, — писал С. Поллард, — формальное обучение ограничивалось в основном уровнем сельской школы. Причем всегда за формальным обучением следовало ученичество у местного ремесленника. Ставшие потом умельцами особенно в строительстве, металлообработке и торговле, они обогащали предпринимательский потенциал, пополняли управленческие кадры, становились движущей силой технического прогресса» (Pollard S. The Genesis of Modern Management. L., 1965. P. 106.).

На этом основании Маркс и Энгельс делали вывод, что при устранении капиталистов как класса пролетарии сами смогут управлять фабричным производством и преобразовать на его основе все отрасли хозяйства.

Позднее, накануне Октябрьской революции, эти идеи были развиты Лениным, он полагал, что контроль за производством и распределением, учет продуктов труда «упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С.101). Такого рода представления о социализме были характерны для классического марксизма.

На начальных стадиях развития крупного машинного производства достижения науки использовались спорадически, и тем, кто им руководил, еще не требовались специальные научные знания. Лишь по мере развития производства, управление все более выходило за узкие рамки навыков, приобретенных эмпирическим путем, делая необходимой специальную теоретическую подготовку.

В соответствии с нуждами крупного производства такая подготовка предполагала изучение не только технических дисциплин, но и экономики, общественных наук. Естественно, полный объем подобного рода знаний оказался за пределами физических возможностей одного человека; последнее способствовало разделению управленческого труда, вытеснению индивидуального предпринимателя из сферы управления производством. Об этом в свое время хорошо сказал К. Каутский: «Сам класс капиталистов уже давно начал освобождаться от своих функций в торговле и промышленности, перелагая их на наемных служащих, торговцев, техников. Вначале последние являлись лишь помощниками капиталиста: он передавал им ту часть своих функций по надзору, руководству, организации труда, закупке средств производства, продаже продуктов, которые он не мог выполнить вследствие все растущих требований в специальном образовании для каждой отдельной функции. Но в конце концов акционерные общества делают капиталиста совершенно излишним и даже высшее руководство передается наемным служащим» (Каутский К. Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика Карла Каутского. СПб., 1906. С.171.).

Но изменения, которые отмечает К. Каутский, в основном произошли уже после смерти Маркса и Энгельса. В их времена технический уровень фабрики делал научные знания в основном бесполезными. Ключевой фигурой технического прогресса был квалифицированный рабочий.

Социальные грани между управляющим фабрики и квалифицированным рабочим с точки зрения происхождения и образования были нередко размыты и сами по себе далеко не всегда определяли место в иерархии наемного труда, что опять-таки питало иллюзии, будто пролетарии сами в состоянии руководить фабричным производством, а вместе с ним и всем обществом. Подтверждение подобного рода выводов Маркс и Энгельс видели в деятельности Парижской коммуны, которую они считали прообразом грядущего нового строя. «Простые рабочие, — писал в 1871 г. Маркс, — впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства», имущих классов — на привилегию управления и при неслыханно тяжелых условиях выполняли эту

работу скромно, добросовестно и успешно» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.17. С.437).

При всей своей относительной простоте система фабричного управления уже во времена Маркса и Энгельса имела сравнительно развитую структуру. В связи с этим Маркс верно отмечал: «Подобно тому, как капиталист освобождается от физического труда, как только капитал достигает минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, так теперь он передает уже и функции непосредственного постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников. Как армия нуждается в своих офицерах и унтер-офицерах, точно также для массы рабочих, объединенных совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные офицеры-управляющие и унтер-офицеры (надсмотрщики, foremen, overlookers, contre-matres) распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала» (Там же. Т.23. С.344). В середине 30-х годов XIX в. в хлопчатобумажной промышленности Англии один такой «унтер-офицер» приходился на 28, а в производстве шелка на 29 рабочих.

Чем ниже была ступень управленческой иерархии, тем чаще она замещалась выдвиженцами из рабочих. «Унтер-офицеры» — надсмотрщики в прошлом чаще, чем управляющие фабрик, были рабочими. Их зарплата была или несколько выше, или такой же, какой была зарплата квалифицированных рабочих. Именно к такой оплате управленческого труда, как известно, призывали Маркс и Энгельс, анализировавшие опыт Парижской коммуны. Начиная с членов Коммуны, писал Маркс, сверху до низу общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего. Поддерживая оплату управленческого труда на уровне зарплаты рабочего, Маркс и Энгельс тем самым в значительной мере проецировали фабричные порядки на все общество.

Классический марксизм, как мы уже отмечали, в своих теоретических выводах отражал незрелые фабричные отношения, характерные для Западной Европы XIX в., проявлявшиеся не только в нередкой генетической связи фабричного управленческого персонала с квалифицированными рабочи-

ми, не только в близости производственных знаний тех и других, не только в отсутствии существенных различий в оплате их труда, но и в тех управленческих функциях, которые выполнял зарождавшийся директорат. Данные функции в конечном счете сводились к контролю и учету, позднее провозглашенных альфой и омегой экономики социализма. Это не могло не оставить свой отпечаток на представлениях зарождающегося директората об общественном идеале. Сознательно или бессознательно они рассматривали все общественные связи сквозь призму фабричной организации труда. Фабричные порядки становились для них идеалом, который они противопоставляли рыночной стихии со свойственными ей кризисами, непредсказуемыми падениями производства, массовыми увольнениями, закрытием фабрик и т.д. На этой почве происходило, говоря словами Г.Перкина, «отчуждение от предпринимателей специалистов, игравших важную роль в критике свободы торговли и в росте требований перехода к коллективистским отношениям» (Perkin H. The Origins of Modern English Society... P. 429). Именно такие настроения отражал классический марксизм, утверждавший, что «противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.217).

Для зарождавшегося директората освобожденная от пут капиталистического рынка фабрика представлялась идеальной производственной ячейкой будущего общества. Для пролетариата она в сущности оставалась каторгой, обрекавшей его на отупляющий монотонный труд. Неприятие фабричной жизни было, пожалуй, характерным для рабочего класса XIX в.

Марксизм — детище эпохи, когда крупное машинное производство было еще мало приспособлено к обобществлению на основе рынка капитала. Между тем только обобществленное производство могло в конечном счете служить базисом роста освобожденного от диктата владельцев индивидуального капитала нового класса, имя которого — директорат. Разрешая это противоречие, Маркс и Энгельс ратовали за внеэкономические, насильственные методы изменения отноше-

ний собственности. «Пролетариат, — писал Энгельс, формулируя теоретически экономические основы будущего строя, — берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность» (Там же. С. 344).

Превращение же средств производства прежде всего в государственную собственность неминуемо вело к возникновению государства тоталитарного социализма, основой которого должна была стать, говоря словами Ленина, «единая фабрика». Именно с такими идеями накануне Октябрьской революции выступал Ленин, попытавшийся реализовать их в годы военного коммунизма. В работе «Государство и революция» он, в частности, писал, что социализм будет означать совокупность «работников и служащих *одного* крупного «синдиката» при полном подчинении «всей работы этого синдиката государству» (Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т.33. С.97). «Все общество, — предсказывал далее Ленин, — будет одной конторой и одной фабрикой» с «фабричной дисциплиной», которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество» (Там же. С.101).

Но фабричная дисциплина, распространенная на все общество, несовместима с каким-либо общественным контролем над администрацией, с какой-либо демократией. Строгая иерархия должностей, зависимость низших от высших, беспрекословное исполнение указаний директора были и остаются пока альфой и омегой крупного производства. Об этом писал Энгельс в работе «Об авторитете». «Комбинированная деятельность означает организацию ... А возможна ли организация без авторитета?» — ставил риторически вопрос Энгельс, подразумевая под авторитетом «навязывание чужой воли», «навязывание подчинения». — «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности, — отвечал он, — значит желать уничтожения самой промышленности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.18. С. 302, 303). Эти же идеи мы находим и у Ленина, заявлявшего, что «руководитель должен быть «диктатором во время работы» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С. 201). Теоретические построения экономического базиса посткапиталистического общества проецировались и

на его надстройку. Здесь господствовали критика буржуазной ограниченности демократических институтов и так называемый демократический централизм — беспрекословное исполнение низшими звеньями государственного аппарата указаний высших звеньев.

Вольным или невольным копированием фабричных порядков объясняется и та своеобразная безапелляционная манера критики классиками марксизма своих оппонентов не только в стане врагов, но и среди своих единомышленников, сопровождавшаяся порой почти площадными оскорблениями в их адрес. Как правило, это мало походило на дискуссию коллег, скорее это был разнос не терпящего возражений фабричного начальства своим подчиненным.

С зарождением директората произошло окончательное разделение армии наемного труда на тех, кто создавал прибавочную стоимость и тех, кто жил за ее счет. Если первые — рабочие, продавая свою рабочую силу, воспроизводили ее стоимость, говоря Марксовым языком, посредством необходимого труда, а также сверх нее производили прибавочную стоимость посредством прибавочного труда, то вторые — управленческий персонал во главе с директоратом, распоряжаясь в пределах фабрики от имени капитала рабочей силой и средствами производства, существовали за счет доли создаваемой рабочими прибавочной стоимости. Указанная доля представляла, по Марксу (и это верно), «общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.17).

Разумеется в неразвитом виде, такое разделение армии наемного труда можно было наблюдать и раньше, до становления директорского корпуса, когда зарождался фабричный управленческий аппарат — руководители бригад, цехов и т.д. — выполнявший указания владельцев фабрик. Но лишь с появлением директората структура наемного управления фабриками, окончательно отделившись от капитала, приобретает автономность. Принципиально новым здесь было следующее: управляющие, выступая в роли агентов капитала, тем не менее уже сами решали производственные задачи, подразумевавшие распоряжение средствами производства и рабочей силой. Причем они становились таковыми не по праву со-

бственности на капитал, а по праву нанятого служащего, главной обязанностью которого было обеспечение производства прибавочной стоимости.

В рассматриваемых отношениях управляющий выступает в роли посредника. Он не может представлять непосредственно самого себя, подобно тому как не может сам себя нанимать. Он всегда является представителем кого-то: владельца или индивидуального, или коллективного капитала, или государства. В такого рода отношениях уже заложена скрытая возможность перехода от частного присвоения прибавочной стоимости к общественному присвоению, т.е. присвоению ее всем классом, реально распоряжающимся средствами производства. Именно реализации указанной возможности добивались классики марксизма, указывая в качестве главного противоречия капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Его разрешение на деле означало монополизацию присвоения прибавочной стоимости директоратом.

Великая историческая заслуга классического марксизма состоит в том, что проанализировав отделение функции управления от функции капитала, указав на присвоение управленческим персоналом в виде зарплаты доли прибавочной стоимости, Маркс и Энгельс тем самым создали задел для изучения зарождавшегося в их времена нового класса. Но это так и осталось заделом, отправной точкой исследования, ибо в своих моделях грядущего общества классики марксизма постоянно отступали от строгой объективности, отрицая в силу собственных классовых предпочтений антагонистический характер производственных отношений при социализме. Например, они утверждали, что с экспроприацией частного капитала труд по надзору утратит «свой антагонистический характер, ибо управляющий фабрикой станет оплачиваться рабочими, а не являться «по отношению к ним представителем капитала» (Там же. Т.25. Ч.1. С. 426).

На самом деле с экспроприацией частного капитала антагонистический характер труда по надзору и управлению отнюдь не исчезает. Этот труд по-прежнему остается не трудом, непосредственно создающим стоимость, а трудом по надзору за ее созданием другими, т.е. рабочими, которые ее

производят под надзором управленческого персонала. Экспроприация владельца предприятия отнюдь не ликвидирует само производство прибавочной стоимости, а лишь изменяет ее распределение. В той мере, в какой экспроприируется частный капитал, происходит ликвидация производства прибавочной стоимости по праву частной собственности на средства производства.

Вместе с тем изменяется и форма присвоения. Последнее утрачивает частный характер, поскольку прибавочная стоимость поступает в общественные фонды, которыми от имени общества или коллектива собственников распоряжается директорат. Он же распределяет ее и индивидуально в виде заработной платы, премий и т.д. среди тех, кто под его началом осуществляет надзор и контроль за трудом рабочих, а также тех, кто обладает акциями.

Теоретически при социализме все участники производственного процесса могут трудиться по найму. Но труд управленцев не распадается на необходимый и прибавочный труд. Это относится лишь к труду тех, кто создает прибавочную стоимость. Первые живут за счет труда вторых, и в этом смысле деятельность управленческого персонала носит эксплуататорский характер.

Данная черта социализма, естественно искажаясь, подгонялась классиками марксизма под провозглашенные ими высокие идеалы посткапиталистического общества, в котором, по их мнению, не должно было быть эксплуатации человека человеком. Поэтому в их работах можно найти утверждения о том, что при социализме расходы общественного прибавочного продукта включают только издержки управления, «не относящегося к производству», тогда как в самом производстве труд по надзору и управлению, как порой они утверждали «это производительный труд, выполнять который необходимо во всяком комбинированном производстве» (Там же. С.422).

Подобные утверждения полностью расходились с результатами проводившегося ими анализа досоциалистических формаций, в ходе которого например, Маркс пришел к выводу: «...раз предположены отношения господства и подчинения», то «будет в порядке вещей, что наемный рабочий нуждается производить свою собственную зарплату и сверх того плату за надзор, компенсацию за труд по управлению и надзору за ним» (Там же. С.424). Во всех формациях труд по управлению и надзору не является производительным трудом. В условиях социализма «верхи», понимая это инстинктивно, проводили кампании по сокращению управленческого аппарата, в том числе и на производстве. Как известно, эти кампании обычно заканчивались увеличением числа управленцев.

Когда Маркс пишет, что труд по надзору и управлению «это производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном производстве», то он подменяет понятие производительного труда понятием необходимого труда. Действительно, труд по надзору и управлению есть необходимый труд при «всяком комбинированном производстве», что, однако, не исключает его непроизводительного характера, поскольку он существует не для того, чтобы производить самому, а для того, чтобы производили другие. Выражая интересы зарождавшегося директората, Маркс не мог не отступать от своих многих подлинно научных выводов, когда требовалось доказать возможность существования неантагонистических отношений между теми, кто персонифицировал надзор и управление и теми, кто создавал стоимость в условиях полной экспроприации частного капитала.

Там где существует особый социальный слой, монополизирующий функцию управления производством, там антагонистические противоречия неизбежны, о чем, например, неопровержимо свидетельствуют забастовки при социализме. При капитализме управленческие функции — атрибут частного капитала. Маркс прав, когда пишет, что «функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала как только подчиненный ему труд становится кооперативным» (Там же. Т.23. С.342). При социализме подобные функции — атрибут должностей, иерархию которых на предприятиях венчают директора, уже переставшие, как правило, быть агентами частного капитала. В таких случаях директорат распоряжается рабочей силой и средствами производства не потому, что является представителем частного собственника, а потому, что обладает общественными полномочия-

ми на управление производством.

История социализма показывает, что там, где общественные полномочия директора ограничиваются внутрифабричным надзором и управлением, а производственные фонды и произведенная продукция распределяются в плановом порядке от имени всего общества в интересах директората в целом, там мы имеем дело, говоря словами Ленина, с единой фабрикой в масштабе всего государства, иначе с тоталитарным социализмом. Там же, где полномочия директора простираются на организацию производственного снабжения и сбыта готовой продукции, там мы имеем дело с рыночным социализмом, где общественная значимость индивидуального руководителя предприятия повышается.

В условиях тоталитарного социализма доля прибавочной стоимости, причитающейся в форме зарплаты, премий и т.д. управленческому персоналу, централизованно регламентируется и индивидуально определяется местом в структуре управленческой иерархии. В связи с этим на месте культа торгашества, свойственного капитализму, возникает культ карьеризма с присущими ему интригами, чинопочитанием и прочим, обеспечивающим успех продвижения по служебной лестнице.

Несколько иначе происходит индивидуальное распределение прибавочной стоимости среди управленческого персонала при рыночном социализме. Оно больше не регламентируется централизованно, сверху, оно определяется доходами предприятия или организации. При этом возможности увеличения размеров вознаграждения расширяются.

Другая особенность индивидуального распределения прибавочной стоимости при тоталитарном социализме заключается в том, что оно предназначается исключительно для личного потребления, тогда как при рыночном социализме возникает возможность использовать часть вознаграждения за управленческий труд для частных капиталовложений. Что касается доли прибавочной стоимости, предназначенной для производственных и других общественных нужд, то она остается в общественных фондах, которыми распоряжается директорат.

Существующее при тоталитарном социализме плановое

регулирование производства и распределения по своей природе «административно» и подменяет собой собственно рыночные отношения. Об этом в свое время хорошо сказал Р. Гильфердинг, следуя канонам классического марксизма: «Общество является ли оно самодовлеющей патриархальной семьей, коммунистическим племенем или социалистическим обществом — создает для себя органы, которые как представители общественного сознания определяют размеры и характер производства и распределяют добытый общественный продукт между членами. Как, где, сколько, какими орудиями производятся новые продукты при наличных естественных и искусственных условиях производства — все решает отец семейства или коммунальные, местные или национальные комиссары социалистического общества... В процессе производства сознательно устанавливаются взаимные отношения между членами организованного таким образом общества, как между элементами единого производственного *сообщества*. Организация труда и распределения продуктов подлежат центральному контролю... Сами производственные отношения непосредственно воспринимаются, как сознательно и преднамеренно установленные сообществом» (Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы развития капитализма. М., 1959. С. 46-47).

В описанном Гильфердингом обществе структура управления производством неизбежно должна была иметь пирамидальный характер в той мере, в какой индивидуальные предприятия становились как бы филиалами всеобщей фабрики. Тот, кто стоял на вершине такой пирамиды, будь то генсек, первый секретарь и т.д. получал неограниченную власть, опиравшуюся, говоря словами Ленина, на фабричную дисциплину, распространенную на все общество. А так как управление производством совпадало с управлением государственным, то сама эта дисциплина опиралась на государственное принуждение, не отставлявшее места для мало-мальски независимой деятельности профсоюзов.

Классический марксизм, не выделяя в армии наемного труда при социализме тех, кто создавал прибавочную стоимость, и тех, кто только руководил ее производством, объявлял себя, как известно, пролетарским учением, выразите-

лем прежде всего интересов рабочего класса. Исторически это объясняется тем, что рассматриваемое политическое течение возникло на ранних стадиях развития фабричного производства, когда противоречия между управленческим персоналом и рабочими еще только зарождались, тогда как противоречия между всеми трудившимися по найму и капиталом уже имели ярко выраженный характер. Это порождало иллюзии будто марксизм, добиваясь уничтожения капитализма, выражал интересы всех трудящихся по найму, большинство которых составлял пролетариат. Такова судьба великих освободительных идей, выражавших требования поднимавшихся новых классов, которые в своей борьбе опирались на угнетенные массы. Так было с христианством, считавшимся в начале идеологией рабов, так было и с классическим марксизмом, объявившим себя идеологией пролетариата. Об этом между прочим хорошо сказал сам Маркс: «Ни один класс не может сыграть этой роли (роли освободительного класса — *Ю.И.*), не вызвав энтузиазма в себе и массе. В течение этого времени он братается со всем обществом, его признают *всеобщим представителем*, ему сочувствуют как таковому; в течение этого времени права и требования этого класса действительно являются правами и требованиями всего общества, а сам он головой этого общества и его сердцем. Только во имя всеобщих прав общества отдельный класс может требовать себе господства над всеми другими» (Цит по: Плеханов В.Г. Соч. T.VII. С. 205).

Маркс никогда не трудился по найму в заведениях капиталистов. Энгельс только в начале трудовой жизни работал в торговых конторах. Ленин не испытал на себе, что такое фабричный труд. Тем не менее все они были идеологами зарождавшегося директората. Как писал Маркс, идеолог того или иного класса не обязательно должен к нему принадлежать. Для этого достаточно не переступать мысленно тех границ, в которых этот класс живет и потому теоретически приходить к тем же задачам и решениям, которые ему ставит практический интерес и общественное положение. «Не следует думать, — писал в этой связи Маркс, — что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль в состоянии не переступать тех границ, которые не переступает жизнь мелких буржуа и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8, С.148).

Классический марксизм отражал ранние стадии фабричного производства. Поэтому и его распространение и его воздействие на широкие массы оказалось наибольшим в государствах, где фабричное производство переживало именно ранние стадии развития. При этом чем меньше было развито производство, тем меньше была развита борьбы рабочего класса, и тем меньше были заметны противоречия марксизма, и тем больше упрощали его, стремясь избавиться от последних.

В XX в. социалистические революции, приводившие к власти директорат, происходили прежде всего в отсталых странах. Но возникавшие в результате их побед новые общества были далеки от идеалов всеобщей свободы и справедливости. Очередной виток общественного прогресса обернулся расцветом беспринципного карьеризма, цинизма, всеобщего страха и подозрительности, снижением жизненного уровня широких масс, беспрецедентным террором и насилием.

ГЛАВА 2

ИСТОКИ ПРОТИВОБОРСТВА КОММУНИСТОВ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Противоборство коммунистов и социал-демократов, в ходе которого между ними порой заключались временные перемирия и даже соглашения против общего врага, нередко, однако, сменявшиеся еще более ожесточенным соперничеством, — одна из характернейших черт XX в. Его зарождающиеся признаки легко обнаружить в самом конце прошлого столетия. Если в середине XIX в. движение директората, сливавшееся тогда с движением рабочих, только вырабатывало свою идеологию — она в ту пору еще носила печать мелкобуржуазного протеста в виде прудонизма, бакунизма и т.д., — то уже к концу века процесс идеологического оформления движения был завершен. Марксизм окончательно утвердился в качестве наиболее влиятельного идеологического течения нового поднимающегося класса — директората, а не пролетариата, как полагали марксисты .

Казалось бы, что теперь идеологические противоречия движения должны были бы отойти на задний план. Но нет. Наряду со старыми, в рамках противоборства с враждебными марксизму идеологиями, возникли новые противоречия уже в контексте самого марксизма, ставшие позднее основой противостояния коммунистов и социал-демократов. Эти новые противоречия отражали глубокие сдвиги в формировании директората и примыкавших к нему слоев, обусловленные различиями развития мирового капитализма.

С завершением территориального раздела мира капитализм окончательно утвердился в глобальном масштабе. Но его развитие было крайне неравномерным.

Одни страны — подавляющее большинство колоний и полуколоний — находились еще в преддверии индустриального развития. Другие — к ним относилась Россия — переживали ранние стадии промышленного переворота, когда ведущее ме-

сто в машинном производстве еще занимала текстильная отрасль. Наконец, третьи страны, где капитализм из «хлопчатобумажного века» перешел в «стальной», где промышленный переворот уже вовлек в свою орбиту все ведущие отрасли индустрии.

Использование в промышленности изобретений, созданных на основе научных достижений свидетельствовало о масштабном вторжении науки в сферу производства, управление которым требовало теперь теоретических знаний. Доморощенные представления об управлении производством ушли в прошлое.

Бурный рост акционерных компаний на базе концентрации производства и централизации капиталов сопровождался не только массовым замещением частных предпринимателей, руководивших собственным производством, директорами-руководителями этого производства, но и увеличением числа управленческого персонала, в функции которого входила и организация производства, и организация маркетинга. С возрастанием роли директората, управленческого персонала в сфере производства менялось их социальное положение.

Новые реалии требовали нового теоретического осмысления. В связи с этим необходимы были пересмотр, ревизия, переосмысление многих известных марксистских положений, предлагавших решения общественных задач, поставленных еще младенческой стадией развития индустриального капитализма.

Неравномерность развития капитализма в странах мира привела к расколу международного движения директората. Более отсталые в этом отношении страны послужили основным полем деятельности для тех, кто заявил о своей приверженности марксизму (позднее они стали называть себя коммунистами), развитые страны — для тех, кто требовал пересмотра ряда коренных положений марксизма, кто по-прежнему называл себя социал-демократами.

В капиталистически развитых странах численность наемных работников в сфере организации производства и обмена, вытеснявших самих капиталистов из этой сферы, постоянно росла, росли и их доходы. Доходы директората находились в прямой зависимости от массы прибавочной стоимости, созданной производительными рабочими, и не определялись исключительно затратами на воспроизводство рабочей силы, что позволяло им большую часть своих доходов превращать в капитал (в виде

акций) и при этом оставаться по-прежнему наемными работниками. В таких случаях, как бы на вторичной основе, на основе наемного труда, а не частной собственности на средства производства, возникал капитал, вместе с ним происходила интеграция управленческого корпуса и класса капиталистов. В отличие от того капиталиста, который становился «руководителем промышленности потому, что он капиталист» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С. 344), управляющий фирмой становился руководителем не потому, что он был обладателем капитала, а потому, что он в качестве наемного служащего способен был управлять и осуществлять надзор, что в свою очередь открывало ему возможность быть акционером. Иначе говоря, труд по найму для тех, кто был занят в сфере управления, являлся источником присвоения прибавочной стоимости в таких размерах, которые позволяли ее частично капитализировать.

Другим аспектом рассматриваемой проблемы было следующее: если в отсталых странах, где на базе распада натуральных и полунатуральных хозяйственных форм складывалось индивидуальное частное предпринимательство, то в развитых странах оно уже начинало вытесняться обобществленным крупным производством, находившимся под контролем директората. Кстати, указанная закономерность была отмечена еще Энгельсом: «...что же представляет собой *частное* капиталистическое производство? Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами — это уже больше не *частное* производство а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и отсутствие планомерности» (Там же. Т.22. С. 234).

Хотя при акционировании действительно происходило обобществление производства, частный капитал при этом отнюдь не элиминировался, он продолжал существовать, но не сам по себе, а в качестве доли общественного капитала, границы использования которого к концу XIX в. по сравнению с прошлым гигантски расширились, а вместе с ними расширилась и экономическая база директората. Тем самым открылись возможности для эволюционного перехода на основе рыночных отношений к социализму, где распоряжение средствами производства и трудом сосредоточено в руках особой разновидности наемных служащих — директоров. Как известно, постулат об эволюционном переходе от капитализма к социализму составляет один из краеугольных камней политики социал-демократии.

Следует отметить, что Маркс и Энгельс, тщательно фиксируя стихийные процессы обобществления капитала, тем не менее не делали вывода о возможности эволюционного перехода от капитализма к социализму на базе рынка. Для основоположников марксизма социализм до конца их жизни оставался бесклассовым обществом, в котором, как они утверждали, «устранено товарное производство, а вместе с ним и господство продукта над товаропроизводителями» (Там же. Т.20. С. 224). Рожденный в условиях неразвитых рыночных отношений классический марксизм питал иллюзии их полного элиминирования и замены социалистическими производственными натуральными связями. Между тем сам рыночный механизм, обеспечивающий рост частного предпринимательства, по мере своего исторического развития позволяет преодолевать ограниченность капиталистического способа производства, замещать его качественно новым экономическим строем.

Другой аспект политики социал-демократии — стремление осуществить переход к социализму с помощью исключительно легальных, прежде всего парламентских методов борьбы, тех методов, которые в свое время с презрением отбросил Ленин. В литературном наследии основоположников марксизма возможность такого перехода прослеживается весьма четко. «Можно себе представить,— писал, например, Энгельс,— что старое общество могло бы мирно врастать в новое в таких странах, где народное представительство сосредотачивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь с собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия... Но в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти,— Германии провозглашать нечто подобное и притом без всякой надобности — значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы» (Там же. Т.22. С. 236-237).

Из приведенного высказывания Энгельса видно, что по его мнению в странах с развитой демократией социализм мог утвердиться мирным путем, тогда как насильственные революции должны были стать уделом стран с деспотическими режимами. Правильность этого вывода Энгельса подтверждается последующим ходом мировой истории: революции были в Германии и далее на Востоке, но их не было и, по-видимому никогда не будет в развитых демократических государствах.

В целом идеи ненасильственного перехода к социализму и идеи его насильственного утверждения так или иначе получили отражение в трудах основоположников марксизма. Позднее, в XX в., когда сторонникам борьбы за социализм приходилось решать практические задачи в рамках отдельных государств, началась абсолютизация этих путей. Там, где капитализм ушел далеко вперед от начальных фаз индустриального развития, возникла развитая демократия, политический курс движения к социализму строился преимущественно на фундаменте парламентских реформ, там же, где начальные фазы индустриального развития были преобладающими, а правящие режимы сохраняли деспотические черты — преимущественно на базе насильственного переворота. Причем, и те и другие считали свои пути универсальными в глобальном масштабе.

В начале XX в. основным теоретиком зарождавшегося социал-демократического движения был Э. Бернштейн, близкий друг Энгельса последних лет его жизни, пересмотревший позднее многие положения классического марксизма под углом зрения новых интересов директората, который к этому времени уже обрел статус респектабельного буржуа. Такому директорату больше не нужны были революции. Его представители ратовали за проведение парламетских реформ, исключающих крутую ломку сложившихся порядков. Именно эти настроения наиболее полно и последовательно отразил Э. Бернштейн, чем вызвал ожесточенную критику формировавшегося коммунистического движения. «За признание,— писал Ленин,— главной или почти единственной борьбы легальной, парламентской, реформистской. За стремление превратить социал-демократию в партию демократически-социальных реформ. Вот за что хвалили Бернштейна: его хвалили буржуа за *притупление* противоречий между трудом и капиталом в эпоху накануне социалистической революции» (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.13. С. 35-36). Но

Бернштейна хвалили в первую очередь не только и не столько буржуа, сколько директорат и примыкавшие к нему управленческие слои, т.е. представители тех категорий наемного труда, у которых действительно притуплялись противоречия между трудом и капиталом по мере того, как происходило сращивание первого со вторым.

Э. Бернштейн в противовес ортодоксам марксизма, в том числе и Ленину, считавшему, что вместе с капитализмом исчезнет и товарное производство, выдвинул идею: рынок будет существовать и при социализме. «Товарное обращение,— писал он,— так внедрилось во все отношения хозяйственной жизни, что не может быть вытеснено никакой искусственно придуманной системой обмена» (Бернштейн Э. Условия возможности социализма и социал-демократия. СПб, 1906. С. 112). Активная роль директората на рынке не только товаров, но и ценных бумаг потребовала переосмысления значимости товарно-денежных отношений в том обществе, к которому он так стремился в качестве своего идеала. В результате в корне подрывались разработанные основоположниками марксизма представления о социализме как о «единой фабрике».

Важно и то, что только крупные капиталистические предприятия, по Э. Бернштейну, готовы к немедленному обобществлению в масштабе всего общества. При этом Бернштейн усматривал несправедливость в том, что несметные богатства создаются при капитализме не для тех, кто трудится и даже не для тех, кто «руководит процессом производства, так как в большинстве случаев эти руководители получают только (sic!) более или менее крупное вознаграждение как директора предприятий», «вся прибыль направляется в руки тех людей, у которых имеются известные клочки бумаги, одна или несколько акций» (Бернштейн Э. Экономическая эволюция. Лекции по истории культуры. СПб, 1910. С. 25). С расширением капиталистических крупных предприятий, писал Бернштейн, «в промышленности и сельском хозяйстве создается продолжительная и постоянно возрастающая материальная причина, побуждающая к социалистическому преобразованию общества. На этих предприятиях производство уже организовано на общественных началах, лишь руководство индивидуализировано и прибыль присваивается индивидуальными лицами не сообразно их труду, но по доле капитала» (Бернштейн Эд. Проблемы социализма

и задачи социал-демократии. М., 1901. С. 171).

Бернштейн полагал, что такие предприятия следует национализировать. Вместе с тем он считал, что тысячи мелких предприятий не поддаются «государственной централизации» (Там же. С. 172-173). Поэтому, отмечал он, «те предприятия. которые общество не в состоянии взять в руки при посредстве государства или общины в бурные времена, оно хорошо сделает, если предоставит их самим себе» (Там же. С. 203). Фактически речь здесь идет о государстве со смешанной экономикой, идеей, которая позднее стала основополагающей в концепциях социал-демократов и успешно проводилась ими в жизнь.

Весьма плодотворной оказалась и постановка Э. Бернштейном вопроса о том, что в капиталистически развитом мире существуют экономические предпосылки для перехода от капитализма к социализму без «конвульсионных потрясений» (Бернштейн Э. Условия возможности социализма и социал-демократии. СПб, 1906. С. 163). «Итак,— писал Э. Бернштейн,— с одной стороны, современная действительность пробуждает к жизни *новые потребности* и новые движущие силы, а с другой стороны, под их давлением вырастают формы и организационные ячейки нового экономического строя, где крупные интересы общественного целого восторжествуют *повсюду* над интересами отдельных лиц и групп, и который мы поэтому называем социалистическим» (Бернштейн Э. Экономическая эволюция. Лекции по истории культуры. С. 27).

К сожалению, Э. Бернштейн не развил эту мысль дальше, все что он сделал — это увязал «безконвульсивное» торжество «крупного общественного целого» с гибкостью и доступностью к переменам либеральных учреждений. Между тем само развитие капиталистической экономики все меньше оставляет место для насильственных революций и войн. Те революции, которые Западная Европа пережила в XIX в., в целом так или иначе были направлены против остатков феодализма. Иными словами, они были направлены против личных производственных отношений с присущими им зависимостью и привилегиями. Условием и предпосылкой существования последних было то, что отдельные работы и продукты входили «в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и повинностей» в связи с чем «непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность,

а не всеобщность» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С. 87). Естественно, что подобные связи могли держаться только на насилии. Их юридическое поле было мало приспособлено к изменениям под воздействием экономических факторов. Сохранявшееся насилие могло быть уничтожено только насилием.

Иное дело буржуазное общество, свободное от феодальных пережитков, общество, где «отдельные частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями» (Там же. С. 83). В таком обществе вещные отношения сами, помимо воли людей, стихийно корректируют юридические нормы производственных связей в соответствии с требованиями производительных сил, внося изменения в разделение труда, имущественные отношения и т.д. Тот самый товарный фетишизм, который так не жаловали основоположники марксизма, на деле оказался благом, а не недостатком, поскольку движение вещей, определяемое рынком, дает возможность преодолевать инерцию норм, закрепленных надстройкой и постепенно приспосабливать их к изменениям в производительных силах. Таким образом, на базе общественных отношений возник объективный, не зависящий от воли людей, механизм, позволяющий плавно, путем эволюции осуществлять переход от одной формации к другой. Такой переход не оставляет места для насильственных революций и войн, которые по мере развития цивилизации становятся все более опустошительными, угрожая уничтожить все человечество.

Отстаивая идеи рыночного социализма в экономике, Э. Бернштейн естественно отстаивал идеи демократии в политике, поскольку, как подчеркивал Маркс, «обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис *всякого равенства* и *всякой свободы*. Как чистые идеи равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями» (Там же. Т.46. Ч.1. С. 191).

Для тех же, кто отстаивал идеи безрыночного социализма, социализма в виде «единой фабрики», охватывающей все общество, в целом идеи свободы и демократии оставались неприемлемы, поскольку фабрика подразумевает пирамидальную

организацию коллектива, в которой верхи навязывают свою волю низам. Идеям свободы и демократии сторонники безрыночного социализма противопоставляли идеи диктатуры, означавшей, по словам Ленина «неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон власть» (Ленин В.И. Полн.собр.соч. 1. Т.41. С. 376), или, иначе говоря, произвол, который является наиболее характерной чертой тоталитарного социализма.

При оценке бернштейновского подхода к идеям демократии нельзя забывать, что ко времени его формирования уже четко наметились противоречия между директоратом и рабочими. Во время выступлений пролетариата этот класс, как правило, поддерживал буржуазию, с которой ему приходилось делить прибавочную стоимость. Чтобы ее производство не прерывалось, нужен был классовый мир, а не классовая борьба. Этим объясняются рассуждения Э. Бернштейна, защищавшего интересы директората и примыкавших к нему управленческих служащих, о бесклассовом характере демократии, рассуждения, которые несомненно представляли шаг назад по сравнению с выводами классического марксизма. «Демократия,— заявлял Э. Бернштейн,— в принципе предполагает упразднение господства классов, если только не самих классов» (Бернштейн Эд. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 246-247). По Э. Бернштейну — в этом он следует за буржуазными учеными — демократия представляет собой разновидность государства, где достигается примерение классов, лишенное какого-либо господства одного из них над другими. На самом же деле всякое государство, говоря словами Ленина, всегда «есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконивает и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.33. С. 70). Справедливости ради следует сказать, что такое определение государства, по Ленину, было неприемлемо для характеристики так называемой диктатуры пролетариата.

Несомненная заслуга социал-демократической мысли вообще и Э. Бернштейна, в частности, заключается в развенчании мифа о возможности установления диктатуры пролетариата и его способности руководить производством. В условиях, когда обнажились противоречия между рабочими и директоратом, провозглашать неизбежность установления диктатуры пролетариата на деле означало стать на сторону силы, враждебной директорскому корпусу. Э. Бернштейн этого допустить не мог. Более того, защищая интересы последнего, он не без успеха доказывал, что рабочие не способны управлять ни государством, ни производством. «Несмотря на огромные успехи,— писал Э. Бернштейн,— достигнутые рабочим классом в интеллектуальном, политическом и профессиональном отношении со времени Маркса и Энгельса, я в настоящее время не считаю этот класс достаточно развитым, чтобы принять в свои руки политическую власть» (Бернштейн Эд. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 351). Еще меньше способен пролетариат. считал Э. Бернштейн, управлять производством, поскольку он «отчасти вообще не обнаруживает к тому никакой склонности, отчасти не чувствует еще себя в силах справиться со связанными с этим господством задачами» (Бернштейн Э. Условия возможности социализма и социал-демократия. С. 160).

Как известно, среди социалистов того времени было широко распространено убеждение, что рабочие могут воздействовать на производство, избирая своих руководителей. Э. Бернштейн убедительно доказал, что эта возможность для рабочих весьма призрачна. «Для целей руководства фабричным производством,— писал он,— где ежедневно, ежечасно приходится считаться с прозаическими требованиями, где имеется вечный повод к столкновениям, там даже неудобно, чтобы руководитель, наблюдавший за руководимыми, в своем назначении зависел от их расположения или недоброжелательства» (Бернштейн Эд. Проблемы социализма... С. 202). До тех пор, пока непосредственно производительный труд и труд управленческий фиксируются за разными индивидуумами, одновременное соединение в одном лице и того и другого не может перерасти зародышевые формы.

В отличие от основоположников марксизма Э. Бернштейну довелось наблюдать экономические процессы на более высокой стадии исторического развития, на стадии монополистического капитализма, что позволило ему сделать ряд новаторских выводов, ставших позднее неотъемлемой частью социал-демократического менталитета. В частности, он предсказал возможность рыночного регулирования экономики, исходя из данных о тенденциях ее развития. «Не увеличило ли,— ставит он, риторический вопрос,— огромное пространственное рас-

ширение мирового рынка в связи с чрезвычайным сокращением времени, потребного для деловых сношений и перевозки, возможности регулирования застоев и не ограничило ли достигшее огромных размеров богатство европейских промышленных государств в связи с эластичностью современного кредита, а также возникновением промышленных картелей, вредное влияние местных или частных застоев на всеобщую промышленность до такой степени, что еще на весьма продолжительное время возможность кризисов по образцу прежних сделается невероятной»? (Там же. С. 142).

В данном случае Э. Бернштейн указывает лишь на возникшую возможность, лишь на тенденции, позволяющие предотвращать классические кризисы капиталистического перепроизводства. Но эта возможность, эти тенденции в полной мере реализовались только после второй мировой войны, когда удалось остановить перерастание экономических спадов в полномасштабные экономические кризисы старого типа. Имеющийся сегодня громадный статистический материал позволяет прогнозировать динамику рыночной конъюнктуры и соизмерять с ней производство в условиях, когда обновление основного капитала превратилось практически в непрерывный процесс.

Несомненной заслугой Э. Бернштейна является доказательство несостоятельности известной формулы Маркса, согласно которой «вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала... возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущение рабочего класса» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С. 772). «Прирост общественного богатства,— утверждает Э. Бернштейн,— сопровождается не сокращением числа капиталистов-магнатов, а увеличением капиталистов разных степеней» (Бернштейн Эд. Проблемы социализма... С. 108). Этот прирост, по его мнению, идет за счет роста числа как держателей акций, так и владельцев мелких и средних заведений. И это действительно так, поскольку мелкое и среднее производство нередко выступает в роли придатка крупного производства. «Само же,— крупное производство,— пишет Э. Бернштейн,— поддерживает мелкие и средние заведения частью массовым изготовлением и соответственным удешевлением рабочего материала (вспомогательных материалов, полуфабрикатов), частью же отталкиванием капитала, с одной стороны, и «освобождением» рабочих, с другой» (Там же. С. 120). В таких случаях действительно нет конкуренции между крупным производством и мелким: существование одного служит условием существования другого и наоборот.

Что же касается роста нищеты, то Э. Бернштейн доказал: в ходе развития капитализма жизненный уровень рабочих растет. И это действительно так, поскольку в силу имманентных законов капиталистического производства на рынок все больше выбрасывается самых разнообразных товаров. Их увеличивающееся потребление удорожает стоимость рабочей силы — обстоятельство, которое сегодня ни у кого не вызывает сомнения.

Как уже отмечалось, представления Э. Бернштейна о решении социально-экономических задач, обусловленных переходом к социализму, были представлениями директората, сросшегося с верхушкой буржуазного общества. Таким образом, менялся директорский корпус, менялась и его идеология. Место дерзновенных мыслителей — отважных борцов за высокие идеалы гуманизма и всеобщую справедливость, борцов, поставивших целью освободить все человечество от гнета, эксплуатации и нищеты, заняли прагматики, для которых социальное неравенство было столь же неизбежным, что и земное притяжение.

Подобно тому как директорат соединил в себе противоположности — наемный труд и капитал — его идеологи в теории пытались совместить противоположности материализма и идеализма. Последовательному материализму Маркса и Энгельса Э. Бернштейн противопоставлял кантианство.

Философские теории социал-демократии были несомненным шагом назад по сравнению с диалектическим материализмом, разработанным Марксом и Энгельсом. Но это не исключает того, что многие конкретные выводы социал-демократов стали крупными достижениями в познании общественных процессов. Наука развивается отнюдь не прямолинейно. Следование передовой теории не гарантирует от ложных выводов точно так же, как верные выводы могут исходить из неверных философско-теоретических посылок.

В то время как в странах развитого капитализма складывались социал-демократические представления об эволюционном переходе от буржуазного общества к социалистическому, в более отсталых странах, переживавших начальные фазы индуст-

риального развития, формировалось революционное коммунистическое направление марксистской мысли. Его главным теоретиком был Ленин.

По сравнению с развитыми западноевропейскими государствами в таких странах, как Россия, где зарождавшийся директорат и сами капиталисты были в основном выходцами из низших слоев, противоречия между директоратом и пролетариатом были неразвиты и из-за необходимости решения буржуазно-демократических задач отходили на задний план. В таких условиях у последователей учения Маркса, вставших на стезю революционной борьбы, сохранялась иллюзия возможности установления диктатуры пролетариата и достижения на ее базе всеобщего равенства. В то же время неразвитые рыночные отношения, обоснованно увязывавшиеся с развитием капитализма, вселяли надежду, что их вообще можно полностью элиминировать, заменив централизованным производством и снабжением.

С точки зрения представлений о социализме и его возможностях преобразовать общество на принципах равенства, течение, которое возглавлял Ленин, вплоть до победы Октябрьской революции практически не дало ничего нового по сравнению с тем, что было наработано основоположниками марксизма. Главное достижение этого направления марксистской мысли заключалось в другом — в разработке вопросов стратегии и тактики демократического переворота и его перерастания в социалистическую революцию, в разработке методов ведения революционных битв, результаты которых с большим или меньшим успехом применялись в революциях экономически отсталых стран.

В России связь демократического переворота с социалистическим, призванным установить неограниченную власть директората, уже в начале XX в. была настолько прочной, что здесь возникла партия, ставшая позднее жизненным нервом тоталитарного социализма. За борьбой между большевиками и меньшевиками по поводу организационных принципов партии скрывалась борьба большевиков за такую партийную организацию, которая могла бы не только возглавить революцию, но и осуществить после ее победы руководство тоталитарной экономикой.

В спорах о первом параграфе устава партии сторонники

Ленина в сущности отстаивали создание сплоченнной партийной организации, построенной на принципах централизма, исключавшего какую-либо автономию отдельных партийных организаций. Такая организация требовала создания аппарата партийного чиновничества, с помощью которого центр мог бы неограниченно вмешиваться в жизнь любой партийной ячейки. При этом Ленин заранее отказывался подчинять «будущую политику тем или другим, демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность» и ратовал за то, чтобы «все демократические принципы были исключительно подчинены выгодам... партии» (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.8. С. 210).

Подобный тип партийной организации фактически копировал организацию фабрики — обстоятельство, на которое первым обратил внимание меньшевик М.С. Макадзюб, писавший, что Ленину партия представляется огромной фабрикой с директором в виде ЦК во главе ее (Искра 1904, № 57. Приложение. Практик. К вопросу о наших партийных задачах. Об организации). Ленин не был возмущен таким сравнением (Там же. Т.8. С. 379). Если серьезно вдуматься и попытаться определить особенности фабричной организации, то окажется, что ее главная черта заключается прежде всего в строгой централизации с подчинением сверху до низу всех подразделений и свободным перемещением трудовых и материальных ресурсов, не считаясь ни с какими принципами демократии. Именно эта черта составляла наиболее характерную особенность ленинской организации партии, позволившую позднее регулировать перемещение трудовых и материальных ресурсов в масштабе всего общества, трудившегося на «единой фабрике».

Экономические условия России служили той почвой, на которой после победы революции начинал произрастать безрыночный тоталитарный социализм, на Западе новый общественный строй просматривался сквозь призму рыночных отношений.

Как известно, Ленин считал, что по своей социальной природе коммунистическое движение является пролетарским, а социал-демократическое — движением рабочей аристократии, под которой он подразумевал «слой привилегированных рабочих и служащих», представляющих социальную опору буржуазии (Там же. Т.26. С. 331; Т.27. С. 308). Этот слой, по мнению Ленина, существовал за счет подкупов, производившихся из

сверхприбылей от колониального грабежа. О том, что это не так свидетельствует, в частности, следующее: социал-демократическое движение существовало и в странах, не имевших колоний, а сегодня оно набирает силу в бывших колониях.

Чтобы выявить социальную природу коммунистического и социал-демократического движений, необходимо было провести анализ социального положения представителей разных категорий умственного труда, которых как в прошлом, так и теперь принято объединять под общим названием — интеллигенция. Но такой анализ, если бы он был проведен последовательно, неизбежно бы привел к выводу: есть представители умственного труда, которые живут за счет прибавочной стоимости, созданной другими.

Как идеолог нарождавшегося директората Ленин сделать подобного не мог. А по поводу предложения (в частности, Э. Бернштейна) искать новые классовые различия в профессиональной структуре наемного труда Ленин иронизировал: «Какая замечательная глубина анализа! Различия между профессиями смешать с различиями между классами, различия бытовые смешать с различным положением классов во всем строе общественного производства» (Там же. Т.5. С. 191).

Абстрагируясь от глубоких различий, существующих между людьми умственного труда Ленин оперировал крайне поверхностным понятием «интеллигенция»: все образованные люди, представители свободных профессий вообще, представители умственного труда («brainworker», как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда (см. там же. Т.8. С. 309). В действительности же он имел в виду лишь лиц свободных профессий, а также тех, кто работал по найму в редакциях, юридических конторах, больницах, школах и т.д. Об этом свидетельствует, например, известная ленинская характеристика интеллигенции как особого слоя, для которого типичен индивидуализм, неспособность к дисциплине и организации. «Интеллигенция,— писал он,— стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т.д.)» (Там же. С. 254).

Такой тип интеллигенции был характерен для эпохи зарождения капитализма, но отнюдь не для того времени, когда последний уже вступил в индустриальную фазу своего развития. Ленину в данном случае изменило историческое чутье: в силу своих классовых предпочтений он не хотел и не мог анализировать противоречия как внутри той группы, которая занимается умственным трудом, так и ее противоречиями с теми, кто занимается трудом физическим.

В ленинском подходе к интеллигенции, как и многих исследователей, отсутствует контекст производственных отношений. На то, что такой подход неверен указывал еще Грамши. Наиболее распространенной методологической ошибкой, писал он, является поиск критерия отличия «в сущности интеллектуальной деятельности, а не наоборот — в совокупной системе отношений, через которую эта деятельность (и следовательно, группы, которые ее осуществляют) включается в общий комплекс общественных отношений» (Грамши А. Тюремные тетради. М., 1991. С. 330).

Если бы Ленин рассматривал интеллигенцию «в общем комплексе общественных отношений», то ему бы пришлось выделить тех, кто, присваивая прибавочную стоимость, непосредственно ее не создает. На фабрике этот слой выполняет функции управления и надзора. Для их выполнения индивидуализм, неспособность к дисциплине и организации, о которых Ленин писал, как о врожденных свойствах интеллигенции, — вернейшие показатели профнепригодности. Четкая организация и дисциплина — вот, что больше всего ценится директоратом, пополняющим свои ряды за счет работников службы управления и надзора.

Именно этот слой составляет наиболее прочную социальную опору как коммунистического, так и социал-демократического движений. Различие же между ними заключается в том, что на раннем витке исторического развития антагонизм между зарождавшимся директоратом и блокировавшейся с феодалами буржуазией был непримирим, тогда как на более позднем витке рассматриваемый класс начал сращиваться с буржуазией, увлекая за собой верхушку управленческого слоя. Естественным следствием этого было то, что по мере исторического прогресса коммунисты переходили на позиции социал-демократии, что особенно стало заметно в наше время, когда страны тоталитарного социализма начали переходить к рыночной экономике.

ГЛАВА 3

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ — ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО СОЦИАЛИЗМА

Хорошо было Марксу писать, а вот
каково жить нам по писанному
Из анекдотов 20-х годов

Военный коммунизм исторически был первой попыткой построить завещенное Марксом безрыночное социалистическое общество. Эта попытка была произведена в отсталой по меркам начала XX в. стране, что дало основание не одному оппоненту нового строя утверждать: беды России заключались в том, что родовые муки нового общества в ней были преждевременны, поскольку ее производительные силы еще не достигли той высоты, при которой, по Марксу, может утвердиться социализм.

Между тем именно Россия была идеальным местом для воплощения в жизнь марксовых идей. Ее экономика по многим параметрам сохраняла черты первичных фаз индустриального развития, послуживших основанием для марксовых представлений о зрелости предпосылок социалистического переворота. Текстильная промышленность здесь уже была ведущей отраслью машинного производства. Ее прибыли превышали совокупную прибыль нефтяной промышленности Баку, угольной промышленности Донбасса и металлургии Юга (См.: Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России начала XX века. М., 1990). В то же время промышленный переворот в России вовлек в свою орбиту и производство средств производства, развивавшееся преимущественно на базе импортного оборудования или оборудования, созданного по зарубежным технологиям (См.: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С.38). По многим параметрам уровень развития производительных сил России превосходил уровень производительных сил, существовав-

ших в тот период, когда Маркс и Энгельс разрабатывали свою теорию.

К началу XX в. Россия, уже имевшая передовой промышленный капитал, все еще сохраняла многообразные пережитки феодализма, являвшиеся величайшим тормозом ее исторического развития. В повестке дня был буржуазно-демократический переворот. По Марксу, этот переворот должен был стать предтечей социалистической революции. Но совершить его не могла ни русская буржуазия, тысячими нитей связанная с помещиками и царизмом, ни политически неорганизованное крестьянство, вожди которого — эсеры — тяготели к компромиссам с той же самой буржуазией. Единственной силой, способной решить конфликт разных форм и средств приобщения к цивилизации, был зарождавшийся революционный директорат, движение которого в то время сливалось с выступлениями рабочих.

Разрешению этого конфликта, по Марксу, способствовало то, что подавляющее большинство населения страны, — крестьяне, ремесленники, а также рабочие — выходцы из деревни — связанное полуфеодальными и патриархальными отношениями, имело инстинктивную неприязнь к рыночным товарно-денежным отношениям.

Все это служило той почвой, которая питала иллюзии партии директората, партии большевиков, «произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.12) без рынка. Большевики считали, что кризис рыночных отношений, возникший с наступлением империализма является хроническим и знаменует собой конец товарного производства, за которым им виделся коммунистический строй с присущими ему натуральными отношениями. «Развитие капитализма, — писал Ленин в 1916 г., — дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему царит и считается основой всего хозяйства, на деле оно уже подорвано» (Там же. Т.27, С.322).

Развитие капитализма отнюдь не подорвало, товарное производство, а лишь модифицировало его применительно к потребностям монополистического капитала. Для Ленина же такие модификации служили показателем кризиса товарных отношений, его необратимости, чему в не малой степени способствовал их действительный кризис, вызванный прежде всего

первой мировой войной.

Война внесла свои коррективы в механизм распределения товаров. Как известно, изобилие товаров является необходимым условием нормального функционирования рыночного хозяйства, в котором отраслевые пропорции регулируются законом стоимости, выравнивающим несоответствие между платежным спросом и предложением. Иначе обстоит дело, когда возникает хронический дефицит насущно необходимых товаров, как это случилось в воюющих государствах в годы первой мировой войны. Закон стоимости в таких случаях перестает быть регулятором производства. Дефицит порождает гипертрофированный рост стоимости товаров, делая их недоступными как для личного, так и производственного потребления, в связи с чем общество может существовать лишь при условии обеспечения потребителей товарами независимо от их рыночной цены. Последнее достигается путем административного распределения потребительных стоимостей, которые обычно сохраняют следы своего товарного происхождения в виде символической платы.

В годы первой мировой войны подобная система административного распределения, а вместе с ней и административного регулирования производства наибольшее развитие получила в Германии. «При продолжающемся экономическом упадке, — писал в этой связи А.Богданов, — регулирование сбыта оказывается бессильным без регулирования самого производства... Если государственный контроль над сбытом уже ведет к принудительному объединению целых отраслей в синдикаты, то регулирование производства во многих случаях приводит к еще более радикальному приему — принудительному трестированию, слиянию целых отраслей в акционерные организации, с утратой независимости отдельных предприятий (Богданов А. Вопросы социализма. М., 1918. С.78).

В Германии командно-административный контроль охватывал все сферы жизни, контроль за использованием рабочей силы осуществлялся посредством трудовой мобилизации и закреплением рабочих за предприятием, что лишало последних права уйти с предприятия по собственному желанию. А.Богданов был прав, когда писал: «В неразрывной связи с регулированием производства находится государственная трудовая повинность. С организационной стороны она сводится до сих пор обычно

к авторитарному закрепощению рабочих и представляет явное распространение принципов военной организации на трудовые классы общества» (Там же. С. 78-79).

Примечательно, что Ленин рассматривал Германию, в которой система военной организации хозяйства получила наибольшее развитие, в качестве образца перехода к социализму и с точки зрения уровня развития техники, и с точки зрения плановой организации производства, и с точки зрения степени распада рыночных связей и замены их административным распределением потребительных стоимостей и т.д. Возникшая на базе милитаризации организация хозяйства казалось Ленину началом превращения капиталистического производства в единую коммунистическую фабрику с фабричной дисциплиной, охватывающей все общество, в котором товарно-денежные связи должны были быть заменены административным распределением. То, что происходило в Германии в годы войны ему и его сподвижникам представлялось рождением «той ступени исторической лестницы, между которой (ступенькой и ступенькой, называемой социализмом) никаких промежуточных ступеней нет» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.213). И это действительно было так, поскольку объективно речь шла о переходе к командно-административному социализму, в котором милитаризм составлял основу организации общества. В милитаризованной экономике воюющего империалистического государства большевикам виделись черты безрыночного социалистического общества, к созданию которого они собирались приступить после прихода к власти.

Когда Ленин позднее, в годы нэпа, говоря о военном коммунизме, утверждал, что «отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика в момент окончания империалистической войны, под влиянием этих обстоятельств и ряда других мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению» (Там же. Т.44. С.157), то был явно неточен. «Непосредственный переход» был подготовлен прежде всего теоретическими положениями о посткапиталистическом обществе, разработанными Марксом и Энгельсом, а затем развитыми самим Лениным.

Ленин писал, что «социализм требует уничтожения власти

денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства» (Там же. Т.12. С.81). Военные же задачи, отчаянное положение и т.п. лишь форсировали этот переход к безрыночному социализму на милитаристской основе.

Курс на строительство безрыночного социалистического общества весьма четко намечен в программе РКП(б), принятой в марте 1919 г. В программе, в частности, предусматривалось добиться на базе экспроприации буржуазной собственности «наибольшей централизации производства», объединения всей «хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану», замены «торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов», а также провести ряд мер, «расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег» (ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1936. С.298, 301, 302) и т.д. Поставленные программой задачи определялись прежде всего дореволюционными представлениями большевиков о будущем обществе, которые наиболее точно и полно изложил Ленин в работе «Государство и революция».

В соответствии с намеченным программой курсом в стране была проведена массовая национализация промышленных предприятий. В августе 1920 г. перепись зарегистрировала существование 37226 государственных промышленных предприятий. Из них почти половина — 18 тыс. — не имела даже механического двигателя. В лучшем случае это были не фабрики, а мануфактуры, так как в 5 тыс. заведениях трудилось всего по одному человеку, т.е., иначе говоря, в них вообще отсутствовала какая-либо кооперация (Крицман Л. Героический период великой русской революции (Опыт т.н. «военного коммунизма». М., 1925. С.127; Boettke P.J. The political economy of Soviet Socialism. The Formative years. 1918-1928. Boston, 1990. P.65). Тем не менее национализация продолжалась. Согласно декрету от 29 ноября 1920 г. национализации подлежали все заведения с механическим двигателем, где трудилось более 5 чел., а также те заведения без механического двигателя, где было занято свыше 10 работников. Наибольшая централизация производства требовала наибольшей национализации промышленных заведений.

В условиях целенаправленной ликвидации товарно-денежных отношений национализация промышленных предприятий сопровождалась коренными изменениями отношений между ними. Если в прошлом эти связи опосредовались рынком, то теперь — административными мерами, не принимавшими в расчет реальные стоимостные отношения. В результате деньги, утрачивая присущие им функции, становились идеальным счетным материалом, делавшим предметы качественно одинаковыми и количественно сравнимыми. Подобное оказалось возможным только потому, что предприятия различных отраслей хозяйства, как писал в эти годы один из сторонников курса военного коммунизма Ю.Ларин, принадлежали теперь одному владельцу — государству и превращались «как бы в отдельные цеха, мастерские одного и того же предприятия, внутри которого нет места ни стихийной игре слепых экономических сил прежнего буржуазного общества, ни торговым отношениям между отдельными мастерскими» (Ларин Ю. Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России 1 ноября 1917 — 1 июля 1920 гг. М., 1920. С.47).

Мечта Ленина о создании «единой фабрики» в масштабе всей страны в годы военного коммунизма приобрела зримые черты. А так как любая фабрика не признает, кроме централизованной, никакой другой системы управления и перемещения материальных и трудовых ресурсов, то потребовалась сверхцентрализация всего фабричного производства. Не случайно, в годы военного коммунизма Ленин выдвинул тезис: «коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.392). Централизация достигалась путем объединения отраслей в главки — прообразы будущих отраслевых наркоматов, подчиненных ВСНХа, которые занимались не столько организацией производства, сколько распределением по ордерам запасов сырья, полуфабрикатов и готовых изделий, доставшихся от прежних хозяев. Последнее «превратило промышленность в ряд могущественных вертикальных объединений, хозяйственно изолированных друг от друга и только на верхушке связанных Высшим Советом народного хозяйства» (ВКП(б) в резолюциях... Т.1. С.339). Такая организация производства предусматривала обеспечение предприятий всем необходимым по нарядам

центральных ведомств, порождая волокиту и бюрократизм, которые расцвели пышным цветом на месте разрушенных товарно-денежных отношений. Большевикам в тот момент казалось, что они создают целесообразный экономический механизм взамен игры слепых стихийных сил.

Организация промышленности по принципу единой фабрики послужила материальной базой для новой политической системы. Ее основными избирательными единицами стали не территориальные округа, характерные для парламентаризма, а производственные подразделения. Организация выборов по производственным округам облегчала директорату контроль над их ходом.

Хотя формально депутаты были равны, реально их значимость в Советах была далеко неодинакова. Фабричная организация строго иерархична. Директор по своему положению на производстве не может быть равен рабочему, управляющий трестом — директору, начальник главка — управляющему и т.д. В условиях единой фабрики действительное положение депутата зависело непосредственно от тех, кто обладал более высоким рангом в системе иерархии управленческого труда, что не могло не сказываться на его участии в голосовании. Отсюда естественным было и то абсолютное единогласие в одобрении предложений ее верхов. Подобно тому, как в феодальную эпоху родовые титулы определяли реальное положение формально равных дворян, избранных в представительные учреждения, так и теперь занимаемая должность определяла реальное положение избранных депутатов, сводя при этом к пустой формальности присутствие среди них рядовых рабочих и крестьян.

В условиях единой фабрики, когда рыночные отношения подменяются натуральными производственными связями, партийный аппарат начинает играть ключевую роль в управлении общественным хозяйством, в регулировании и координировании, вместо рынка, взаимосвязей всех его подразделений, а вместе с ними и его надстрочных структур в интересах директората.

Вопреки утверждениям большевиков о том, что строгая централизация партии обусловлена исключительно нуждами подпольной борьбы и носит преходящий характер, — после прихода большевиков к власти ограничение партийной демократии получило новый импульс. В этой связи несомненный интерес представляет брошюра И.Юрьева «Наши настроения (к вопросу о преодолении элементов упадка в РКП)» (Курск, 1920), в которой констатируются такие изменения в партийной жизни, что ее дореволюционный прототип становится идеалом. И.Юрьев с негодованием отмечает, что в партии появились управляющие и управляемые, что их отношения строятся на безоговорочном исполнении низшими подразделениями иерархической партийной лестницы директив, даваемых высшими, а также на преследовании инакомыслящих. Происходит, отмечает он, отмена «конституционных гарантий в виде свободы обсуждения вопросов внутри партии и неприкосновенности личности» (С.18). Старые партийцы, пишет И. Юрьев, «группируются, сплошь и рядом ориентируясь не на ту или иную политическую линию, а на того или иного Сидор Петровича, «власть имущего». В этой прослойке ответственных работников есть свои «верхи» и «низы». «Верхи» — те, кто «у власти», «низы» — те, кто к ней стремится (С.13). Сам автор выступает против того, чтобы партия превращалась в «коммунистический батальон особого назначения», в бездушный иерархический механизм, в котором верхи становятся «кастой» (С.33). Но его протест не был услышан. Выступая в роли управляющего «единой фабрикой», партия неизбежно должна была так или иначе копировать фабричные формы управления, исключающие демократию.

Если в годы военного коммунизма организация промышленности строилась по принципу единой фабрики, то организация сельского хозяйства по фабричному образцу еще только намечалась. «Советская власть, — указывалось в программе РКП(б), — осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия» (ВКП(б) в резолюциях... Т.1.С.300).

Пока же сельское хозяйство оставалось мелкокрестьянским. В условиях развала рынка большевики могли (хоть как то) обеспечить город продовольствием и сырьем только с помощью командно-административных мер. В частности, принудительным изъятием сельскохозяйственной продукции по продразверстке. Власти исходили из того, что душевое потребление составляет 12 пудов зерна в год, примерно 750 г. печеного хлеба в день

(Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйствнной жизни... С. 23). Произведенное же сверх этого продовольственое зерно за вычетом посевных семян считалось излишком, который крестьянин, повязанный с односельчанами порукуой, обязан был сдать государству. В 1918/19 хозяйственном году разверстка была установлена на хлеб и мясо, в заготовительную кампанию 1919/20 г. уже и на картофель, масло, яйца, скот и домашнюю птицу. Под разверстку же 1920/21 г. попала вся продукция сельского хозяйства, включая лен, пеньку, шерсть, лес, кожи и т.д. (Дмитриенко В.П. Советская экономическая политика... С.120). Плата за сданную продукцию была чисто символической, правда, за досрочное выполнение округой разверстки предусматривались премии, но и они были смехотворно малы. Так, за пуд жира выдавалось 4 фунта мыла, за пуд льна — аршин ткани, пуд картофеля — фунт патоки. (Милютин В.П. Народне хозяйство Советской России (краткий очерк организации управления и положения промышленности в Советской России). Иркутск, 1920. С.31).

Причем, даже эти крохи доставались как правило не тем, у кого действительно изымалась продукция, т.е. середникам и зажиточным крестьянам, а деревенской бедноте, у которой и взять то было нечего. «Государственный продуктообмен, — подчеркивал известный исследователь военного коммунизма Л.Крицман, — был не столько обменом между промышленностью и сельским хозяйством, сколько обменом продуктов промышленности на услуги бедноты в деле извлечения продуктов хозяйства зажиточных слоев деревни» (Крицман Л. Пролетарская революция и деревня. М-Л., 1929. С. 104). Наименее связанная с рынком деревенская беднота служила прочной базой военного коммунизма.

Если же установленная разверсткой продукция не сдавалась, то ее изымали военно-продовольственные отряды. Таким образом, отношения между рождавшейся единой фабрикой в масштабе страны и деревней с самого начала носили внеэкономический, принудительно-административный характер.

Как уже отмечалось, изъятие сельскохозяйственной продукции было подчинено прежде всего нуждам единой фабрики. А это в свою очередь требовало соответствующего регулирования сельскохозяйственного производства. Советским чиновникам уже тогда вменялось в обязанность отдавать распоряжения

крестьянам что, когда, как сеять. Так, в декабре 1920 г. VШ съезд Советов постановил объявить государственной повинностью «обсеменение пахотных угодий» в соответствии с государственным планом сева; предоставить губсекомам под контролем наркомзема издавать обязательные правила, касающиеся основных приемов механической обработки полей и улучшения лугов, производства посевов и способов сохранения естественного плодородия почвы. устанавливать в селениях правильное использование живого и мертвого инвентаря путем трудовой взаимопомощи крестьян и т.д. Подобные предписания в большинстве случаев так и оставались на бумаге. Крестьяне поступали по своему. Для командно-административного регулирования крестьянского производства еще не было адекватной базы. Она возникла позднее, после проведения сплошной коллективизации.

Многое из того, что в годы военного коммунизма было в зародышевом состоянии, в годы сталинского социализма получило развитие. Так, именно в годы военного коммунизма стала создаваться система прокатных пунктов сельскохозяйственного инвентаря — будущие МТС. Большую роль в создании таких пунктов сыграл подписанный Лениным декрет СНК о монопольном распоряжении государством сельскохозяйственными машинами и орудиями, опубликованный еще 30 ноября 1917 г. В декрете указывалось, что «все изготовленные и изготовляемые внутри страны, а также ввозимые из-за границы сельскохозяйственные машины и орудия в целях обеспечения сельского хозяйства орудиями производства и обеспечения нужд трудящегося сельского населения объявляются с момента опубликования настоящего постановления в монопольном распоряжении государства» (Сборник декретов и постановлений Советской власти по народному хозяйству 1917-1919 гг. М., 1940. С.69).

Декрет явился одной из важнейших мер, направленных на организацию крупного земледелия. Декретом в частности предусматривалось устройство совхозов, поддержка обществ, а равно и товариществ по общественной обработки земли, поддержка сельскохозяйственных коммун как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства и т.д. (ВКП(б) в резолюциях... Т.1. С.300). Проводившаяся позднее на развалинах нэпа политика социалистического преоб-

разования в деревне по многим параметрам представляла собой продолжение старой политики военного коммунизма, предусматривавшей ликвидацию мелкокрестьянских хозяйств.

Система командно-административного регулирования экономической жизни в годы военного коммунизма охватывала не только производство, но и личное потребление. С этой целью уже 21 ноября 1918 г. декретом «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» наркомпроду было передано монопольное право на регулирование распределения продуктов питания, товаров первой необходимости и домашнего хозяйства. Объявленный 26 ноября 1918 г. перечень товаров, на которые распространялась государственная монополия, был внушительным. Он включал калоши, подошвенные и резиновые пластины, изделия фабрик желтых табаков, махорочных, сигарных и гильзовых, сахарин, изделия крахмало-паточных заводов, кондитерских фабрик, чай, кофе, какао и их фабричные суррогаты, соль, спички, швейные нитки, обувь фабричного производства, керосин, смазочные масла нефтяного происхождения, фабричного производства гвозди, подковы и подковные шипы, всякого рода железо, свечи фабричного производства, изделия сахарных и сахаро-рафинадных заводов, писчую, почтовую, оберточную и папиросную бумагу, «охотничий порох и иные привозимые из-за границы для личного потребления продукты» (Сборник декретов и постановлений... С.94). Государственная монополия фактически распространялась на все предметы первой необходимости фабричного производства. Однако из-за острейшего дефицита основным промтоваром, которым обеспечивалось население по линии государственного снабжения были ткани и нитки. На них приходилось около 2/3 стоимости промтоваров, поставлявшихся населению. Как подчеркивал в свое время Ю.Ларин, «мануфактура является таким же, примерно, основным предметом государственного снабжения, как зерновой хлеб основным предметом госзаготовок» (Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни... С. 19-20).

Подобно тому, как снабжение предметами производственного назначения происходило преимущественно путем прямых поставок производителя потребителю, минуя рынок, на основе административных распоряжений — нарядов, так и распределение предметов первой необходимости среди населения происходило на основе распоряжений учреждений наркомпрода, представлявших посредническое звено между производителем и потребителем. Даже тогда, когда для приобретения населением того или иного предмета требовалась оплата деньгами, например, при распределении хлеба по карточкам, то она носила не менее символический характер, чем оплата государством продукции по продразверстке. «Подсчеты показывают, — писал Ю.Ларин, — что весной 1920 г. получаемое от государства жилище и получаемая от него часть продовольствия, одежды и прочих услуг обходится средней рабочей семье менее 5% ее денежного бюджета, хотя покрывает в общем не менее половины всей суммы ее потребностей, а остальные свыше 90% заработка идут на «вольный» мешочниковый, спекулятивный рынок» (Там же. С.53).

Такая низкая доля денежных затрат на приобретение у государства предметов первой необходимости и услуг объяснялась не только мизерностью их оплаты, но и тем, что многие предметы и услуги рабочим предоставлялись бесплатно. Так, апрельским декретом 1919 г. было введено бесплатное снабжение детей рабочих и служащих в возрасте до 16 лет всеми продуктами питания, а несколько позже школьников стали обеспечивать бесплатной одеждой и обувью. Государство также брало на себя все расходы по случаю рождения ребенка, его первоначального питания и обеспечения 30 аршинами тканей. Таким образом, содержание детей формально изымалось из семейного бюджета. Если учесть настойчивые призывы большевиков привлечь женщин к общественному труду, то станет ясно: ведущей тенденцией их политики было сведение заработка рабочего к содержанию его самого, без семьи.

Примечательно, что такую же политику пытались проводить коммунисты Китая в годы большого скачка — в народных коммунах детей забирали в интернаты, стариков — в «дома счастья», а работоспособных объединяли в военизированные отряды, где основной «платой» за труд было питание в общественных столовых. Примерно то же делалось и в Кампучии, когда у власти был Пол Пот. Идеи равенства на основе пайкового коммунизма наибольшее распространение получили в полунатуральной деревне Востока, где их дореволюционным прототипом служила отработка деревенской бедноты за содержание,

в котором продовольствие составляло главный компонент.

11 ноября 1920 г. совнарком признал возможным отменить всякую плату за все без исключения продукты и промышленные изделия, выдаваемые государством работающим по найму и их семьям, а также отменить плату за квартиру, топливо, газ, телефон, электричество, проезд по железным дорогам и т.д., т.е., говоря словами Бухарина, рабочий стал получать «общественно трудовой паек, а не заработную плату» (Бухарин Н. Экономика переходного периода. М., 1920. Ч. 1. С.135). «Деньги останутся пока в России, — заявил тогда Ю.Ларин, — только для закупок на «вольном» рынке, естественно, сокращающемся по мере роста фактического сосредоточения продуктов в руках государства и в крестьянском быту, пока и здесь, с увеличением количества фабрикатов, государству не удастся полностью перейти к натуральным взаимоотношениям при расчетах с крестьянством за сдаваемые им продукты сельского хозяйства и выполняемые гужевые, дроворубные и т.п. работы (первые шаги к чему делаются)» (Ларин Ю. Производственная пропаганда и сельское хозяйство на рубеже 4-го года. М., 1920. С.26).

Одним из следствий такой натурализации производственных связей было установление директоратом для производителей рамок потребления. Эти рамки исключали свойственное капитализму «чрезмерное потребление». Наметилась также тенденция к переходу от заработной платы к натуральной оплате, а вместе с этим и вытеснение найма отработками; — наиболее характерной черте феодализма. Ленин был прав, когда, отмечая различие между наймом и отработками, писал: «Отработки — хозяйственная сущность крепостного строя. В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил у помещика» (Ленин В.И. Полн.собр-.соч. Т.2. С.495). Сказанное отнюдь не означает, что вместе с отработками начался ренессанс феодализма. В годы военного коммунизма отработки имели совершенно иную социально-экономическую природу — фабричное производство.

Как известно, при отработках непосредственный производитель не заинтересован в результатах своего труда, и как следствие — требовалось внеэкономическое принуждение власти. В годы военного коммунизма — это всеобщая трудовая повинность и прикрепление рабочих к предприятиям, на которых они трудились. Так, в резолюции IX съезда РКП(б) указывалось: «Ввиду того, что значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко в целях спекуляции самовольно покидает предприятия, переезжает с места на место, чем наносит удары по производству», съезд видит одну из насущных задач «в планомерной систематической, настойчивой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь» (ВКП (б) в резолюциях... Т.1. С.344).

Штрафные рабочие команды, концентрационные лагеря и другие меры подобного порядка большевики считали непременным условием построения коммунизма. Не случайно Ленин полностью солидаризировался с Бухариным, утверждавшим, что «пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как не парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (Бухарин Н. Экономика переходного периода... С.146; Ленинский сборник XL. С. 424).

Положение рабочего, трудившегося на государственном предприятии в годы военного коммунизма, во многом напоминало положение расконвоированного заключенного. Рабочего, как и заключенного, обеспечивали жильем, одеждой, обувью, мылом и продовольственным пайком, предназначенным для него самого, поскольку дети формально находились на содержании государства, а жена была призвана работать на производстве. Что касается денег, то эта часть зарплаты, как и в лагере предназначалась для приобретения лишь того, что не хватало в натуральном довольствии.

Порой кажутся мрачной фантазией рассуждения Каценеленбогена — персонажа романа В.Гроссмана «Жизнь и судьба» — о слиянии лагерной жизни с запроволочной. «Если смело, последовательно развивать систему лагерей, — говорил Каценеленбоген, — освободив ее от тормозов и недостатков, это развитие приведет к стиранию граней. Лагерю предстоит слияние с запроволочной жизнью. В этом слиянии, в уничтожении противоположности между лагерем и запроволочной жизнью и есть зрелость и торжество великих принципов. При всех недостат-

ках лагерной системы — в ней есть одно решающее преимущество. Только в лагере принципу личной свободы в абсолютно чистой форме противопоставлен высший принцип — разум. Этот принцип приведет лагерь к той высоте, которая позволит ему самораспуститься, слиться с жизнью деревни и города...» (Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1989. С.639). Подобные фантасмагорические рассуждения находили подтверждение в реалиях командно-административного социализма вообще и его разновидности — эпохи военного коммунизма, в особенности.

Однако в годы военного коммунизма уравнительность распространялась отнюдь не на всех. Натуральное распределение создавало благоприятные условия для жизни руководящей верхушки, не афиширующей, естественно, своего привилегированного положения. Ее представители получали реквизированные у буржуазии квартиры и дачи. Их обеспечивали персональным транспортом, которым они пользовались бесконтрольно, лучшей одеждой и обувью, продовольственными пайками, в том числе совнаркомовскими (их получали 10 тыс. ответственных работников), в их распоряжении были закрытые столовые, буфеты и т.д.

В течение многих десятилетий существовал миф о том, что после победы октябрьской революции рабочий класс стал господствующим классом, его интересы определяли развитие всего общества. В действительности же революция впервые в истории поставила у руля власти новый класс — директорат, который навязал свою волю всем классам, включая пролетариат. Если в борьбе против капитала интересы директората и рабочих так или иначе совпадали, то после революции они вступили в противоречие. На это противоречие Ленин указывал еще в 1917 г., гневно заявляя, что горстки, группы, слои рабочих «упорно держатся традиций (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже — содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т.д.?» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С. 90-91). А ведь сормовские и путиловские рабочие составляли наиболее пролетаризированные (порвавшие с деревней) отряды рабочего класса. Фактически Ленин призывал рабочих «не думать об улучшении» своего положения, крепить трудовую дисциплину и проявлять «рвение в труде» (Там же. Т.35. С. 146; Т.40. С.232). Ленин полагал, что противоречие между рабочими и советским государством — дань прошлому, традициям, сложившимся при капитализме. На самом же деле это было уже противоречие, присущее новому строю.

Не подлежит сомнению, что после революции рабочие стали жить хуже, тогда как трудиться (в расчете на заработанный рубль) их заставляли больше, чем раньше. И дело здесь не только в том, что шла война, но и в том, что пришедший к власти директорат думал лишь об увеличении создаваемого рабочими прибавочного продукта, который поступал в его распоряжение. Когда же говорят о сокращении рабочего дня до 8 часов, то при этом обычно не учитывают вольно или невольно, другое — увеличение числа рабочих дней с 264 до 300 за счет ликвидации праздничных дней, существовавших в царское время. В действительности рабочий день в 1919 г. составлял 8,3 часа, а в 1920 г. — 8,6. К тому же в 1920 г. число праздничных и выходных дней, занятых сверхурочной работой, на 11 дней превысило число установленных для рабочих дней отпуска (Ларин Ю. Производственная пропаганда... С.7). Разумеется, шла война, но война лишь облегчала максимизацию производства прибавочного продукта, поступившего в распоряжение директората.

Именно большевиками было разработано, пожалуй, самое репрессивное трудовое законодательство нашего века. Согласно этому законодательству, нарушение многих установленных им норм приравнивалось к уголовному преступлению (в капиталистически развитых странах подобные нарушения; в худшем случае, становились предметом рассмотрения гражданского иска). О подлинном характере трудового законодательства того времени можно судить, ознакомившись с материалами сборника под любопытным названием «Документы трудового энтузиазма». Так, в декабре 1918 г. был введен в действие «Кодекс законов о труде», установивший в стране трудовую повинность. Согласно положению СНК о рабочих дисциплинарных судах от 14 ноября 1919 г. «в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине и неоднократных взысканий, «виновные» подвергаются как нетрудовой элемент увольнению из предприятий с передачей в концентрационный лагерь» (Документы трудового энтузиазма. М., 1960. С. 10,112). По-видимому, властям от таких судов было мало проку. Во всяком слу-

чае, во всем московском регионе с июня по сентябрь 1920 г. товарищеские дисциплинарные суды рассмотрели лишь 65 дел (Husband W.B. Revolution in the Factory. The Birth of the Soviet textile Industry 1917-1920. N.Y. 1990. P.141). Рабочие, вероятно, не приветствовали такие процессы. Последнее послужило одной из причин передачи дел о лицах, нарушавших трудовую дисциплину или «саботировавших» хозяйственную жизнь республики, в ЧК. Таких лиц заключали в концентрационные лагеря на срок до 5 лет (Голинков Д.Л. Крах вражеского подполья. М., 1971. С.215).

Суровым наказаниям подвергался не только тот, кто нарушал трудовую дисциплину или уклонялся от труда на предписанном ему месте, но и тот, кто совершал куда менее серьезные проступки. Так, 29 июля 1920 г. был опубликован декрет, по которому все рабочие в возрасте от 18 до 40 лет объявлялись подлежащими учебной и профессионально-технической повинности. Нарушение же учебной дисциплины, отказ учиться приравнивались к уклонению от трудовой повинности, что влекло за собой соответствующие наказания (Документы трудового энтузиазма ... С.217).

Таким образом, трудовое законодательство эпохи военного коммунизма в значительной мере было частью уголовного права. Эта черта, по-видимому, вообще характерна для трудового законодательства командно-административного социализма. В частности, в годы сталинизма, уголовному наказанию подвергались те, кто опаздывал на работу, самовольно ее покидал и т.д. С помощью жесточайших мер директорат форсировал «приучение» к «стальной», говоря словами Ленина, дисциплине население страны.

Много мифов рождено коммунистической пропагандой и относительно масштабов привлечения рабочих к управлению предприятиями, и относительно перехода последних в собственность рабочего класса. В действительности в послереволюционные годы рабочие привлекались к управлению предприятиями прежде всего для того, чтобы пресечь всякие колебания директорского корпуса, его попытки найти компромисс с буржуазией. Большевики представляли наиболее радикальную, наиболее антибуржуазную фракцию директорского корпуса, которая в борьбе против буржуазии постоянно обращалась за поддержкой к рабочим.

В этом отношении весьма показателен декрет о рабочем контроле, принятый 14 (27) ноября 1917 г. в обстановке массового саботажа буржуазии и служащих. Закон устанавливал право фабзавкомов, советов старост и т.п. повсеместно на всех предприятиях контролировать куплю-продажу готовой продукции, сырье, объемы производства, финансовые счета, переписку и т.д. Вместе с тем специально оговаривалось, что контролирующие организации не могут вмешиваться в текущее управление собственников предприятий и отменять их распоряжения. Оговаривалось и то, что фабзавкомы и советы старост без разрешения вышестоящих инстанций не могут стать собственниками заведений, находящихся под их контролем, либо брать на себя их управление (Dobb M. Soviet economic development since 1917. L., 1966, p.83).

Следовательно, рабочий контроль не устранял старую систему управления. Более того, большевики ограничили контроль таким образом, что система в которой капиталисты играли роль организаторов производства, продолжала функционировать. Но теперь эта роль определялась в каждом отдельном случае не собственностью на капитал, а решением советской власти, представлявшей интересы директорского корпуса в целом. «Руководительство» капиталистам дается советской властью, — писал Ленин, — во-первых, при наличности рабочих комиссаров или рабочих комитетов, следящих за каждым шагом руководителя... во-вторых, «руководительство» капиталистам дается для исполнительных функций, на время работы, условия которой определены именно советской властью и ею же отменяются и пересматриваются. В-третьих, «руководительство» капиталистам дается советской властью не как капиталистам, а как специалистам-техникам или организаторам за высшую оплату труда. И рабочие прекрасно знают, что организаторы действительно крупных и крупнейших предприятий, трестов и других учреждений, на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов, как и первоклассные техники, — но именно их мы, пролетарская партия, должны брать в «руководители» процесса труда и организации производства, ибо иных, знающих это дело из практики, из опыта, людей нет» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.311).

Вместе с тем независимо от помыслов большевиков рабочий контроль способствовал росту требований пролетариев о

передаче им управления предприятиями, на которых они трудились. О том, насколько были сильны такие требования свидетельствует записанное в программе партии 1919 г. абсолютно еретическое с точки зрения директората и его большевистских идеологов положение: «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством как единым хозяйственным целым» (ВКП(б) в резолюциях. Т.1. С.299).

Что же касается самого Ленина, защищавшего интересы зарождавшегося директората, то он все делал для того, чтобы в руках профсоюзов не оказались нити управления не только народным хозяйством в целом, но и отдельными предприятиями. Все его усилия были направлены на то, чтобы управление промышленностью так или иначе оставалось в руках старого управленческого персонала, который должен был руководствоваться в своей деятельности партийными директивами. Проведенная по его инициативе летом 1919 г. массовая национализация была направлена не только против буржуазии, но и против поползновений рабочих захватить, опираясь на профсоюзы, предприятия, на которых они трудились.

Уже в 1918 г., когда представления участников революции об управлении еще не простирались дальше коллегиального управления промышленностью, где профсоюзы, как считалось, призваны были занять ведущее место, Ленин со всей решительностью отстаивал единоличный диктат директората на производстве. Революция, заявлял он, требует *«беспрекословного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса» (Руководитель должен быть «диктатором во время работы» (Там же. С.200, 201).

Потребовалось не мало времени прежде, чем эти диктаторские намерения удалось осуществить. Лишь в апреле 1920 г. единоначалие руководителей производств было одобрено IX съездом РКП(б). В резолюции съезда, в частности, указывалось: «Съезд считает необходимым приблизить управление промышленностью к единоначалию, а именно: установить полное и безусловное единоначалие в мастерских и цехах, идти к единоначалию в заводоуправлениях и сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата» (ВКП(б) в резолюциях... С.341). В данном случае съезд лишь констатировал обусловленный производственными нуждами стихийный процесс перехода к единоначалию, который ко времени принятия резолюции уже был, по-видимому, близок к завершению. К концу 1920 г. из 2051 крупного предприятия, находившегося в ведении центральных органов, 1783, т.е. 86% перешли к единоначальному управлению (Крицман Л. Героический период великой русской революции... С.201). О том, что в 1920 г. этот переход уже завершался, свидетельствуют и сведения по текстильной промышленности, в которой была занята почти треть фабрично-заводских и горных рабочих (Husband W.B. Revolution in the Factory... P.140). Причем в роли директоров обычно выступал старый управленческий персонал, так называемые буржуазные специалисты, к которым были приставлены комиссары. Не только рабочий должен был подчиняться дисциплине, устанавливаемой директоратом, но и сами директора должны были теперь подчинять свой диктат интересам своего класса, определяемым политикой коммунистической партии.

С введением единоначалия директорский корпус окончательно овладел управлением производства, полностью оттеснив рабочих, стремившихся чрез профсоюзы возглавить национализированную экономику. По Ленину, господство рабочего класса состояло не в управлении предприятиями, требовавшем особой сноровки и умения, а «в конституции, собственности и в том, что именно мы (имеется в виду компартия — *Ю.И.*) двигаем дело» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.40. С.222). Можно подумать, что социалистическая собственность на средства производства давала рабочим право навязывать свою волю директорам в их повседневной работе.

Известно, что в качестве одного из доказательств овладения пролетариатом производством нередко использовались данные о массовом выдвижении рабочих на руководящие должности. Но при этом обычно забывалось о том, что заняв руководящую должность рабочий переставал быть рабочим, — его новой функцией становилось принуждение своих бывших товарищей трудиться больше, больше отдавать сил работе.

К тому же сами масштабы пополнения управленческих органов рабочими, как правило, преувеличивались. Поэтому к приводимым цифрам следует относиться с большой осторожностью. Так, по Ленину, в начале 1921 г. рабочие-выдвиженцы составляли почти 62% всего состава руководящих органов про-

мышленности — ВСНХ, главков, губернских совнархозов и предприятий (Там же. Т.42. С.284). Эти данные получены на основании опросов, но занимавшие в то время руководящие должности всякими правдами и неправдами старались приписать себе пролетарское происхождение, гарантировавшее служебное благополучие. Чтобы не быть голословными, сошлемся на результаты исследования Э.Г.Савцова, не поленившегося изучить анкетные данные руководящих кадров уральской промышленности. По официальным данным в составе центрального аппарата Уралпромбюро рабочие-выдвиженцы в 1917-1923 гг. составляли 32,4%, в аппарате трестов и губсовнархозов — 39,9%, в руководстве предприятий — 52,1%. Однако на вопрос — чем занимались до 1917 г., лишь 7,2% сотрудников в аппарате Уралпромбюро заявили, что они были рабочими. В аппарате трестов и губсовнархозов такой ответ дали всего 12,3% сотрудников, а в руководстве предприятиями — 23,6%. Что касается остальных, то их стаж на рабочих должностях мог составлять в лучшем случае от нескольких месяцев до нескольких лет. Относить их к рабочим вряд ли было бы корректно. Приведенные сведения о доли рабочих с дореволюционным стажем в целом коррелируются с данными об образовании обследуемых. Так, в 1917-1918 гг. 26,7% сотрудников, пришедших на руководящую работу, имели начальное образование, в 1919-1920 г.г. этот показатель составил 17,9% (Савцов Э.Г. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышленности в 1917-1923 гг. // Московский институт народного хозяйства им. Г.В.Плеханова. Свердловский филиал. Сборник научных трудов. Вып 2. Свердловск, 1967. С.47-49). Остальные же закончили или гимназию, или реальное училище, или имели высшее образование. В условиях царской России они вряд ли могли бы быть выходцами из рабочей среды. Эти результаты близки и к итогам опроса, проведенного в начале 20-х годов Сорокиным в Центральном промышленном районе. Из опрошенных им 888 директоров лишь 13% в прошлом были рабочими (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С.75).

Как уже отмечалось, ведущей тенденцией политики военного коммунизма была тенденция к натурализации хозяйства, вытеснения рыночных отношений государственным регулированием. Вне сферы рынка почти целиком оказались средства

производства и большая часть предметов потребления, производимых фабричной промышленностью. Заготовки по продразверстке резко сократили рынок сельскохозяйственных продуктов. По данным Л.Крицмана в 1920-1921 гг. стоимость заготовленной продукции составляла 451 млн. довоенных рублей, а проданной — 200 млн. (Крицман Л. Героический период великой русской революции... С.139). На рынке рабочие приобретали примерно половину потребляемого продовольствия.

Сокращению товарооборота способствовала и ликвидация частных торговых заведений. В трети губерний они полностью были уничтожены. Основными центрами торговли стали базары. Но, в августе 1920 г. Петроградский Совет запретил всю частную торговлю в лавках и на базарах. Примеру Петрограда последовали другие города (Дмитриенко В.П. Советская экономическая политика... С.175). Продажа разрешалась лишь самим производителям непосредственно потребителю, что в условиях чудовищной инфляции способствовало расширению прямого обмена. Строго говоря, такой обмен был разновидностью дорыночных отношений, возникших в эпоху, когда обмен носил еще случайный характер, а его участники одновременно выступали в роли и покупателей, и продавцов. Таким образом, политика военного коммунизма возрождала допотопные формы обмена, что представлялось не чем иным, как предвестие конца существовавшего до революции рыночного механизма.

Военный же коммунизм с присущим ему диктатом потребления над производством, сохранялся и после окончания гражданской войны, так как рассматривался большевиками в качестве составной части намеченного основоположниками марксизма пути построения нового общества. Это усугубляло развал народного хозяйства. Производство крестьянских хозяйств, лишенных экономических стимулов, падало. С 1917 по 1920 г. посевные площади страны сократились на одну треть (Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. М., 1921. С.6). В промышленности производительность труда составила 45% довоенной, объем промышленного производства — 20%. Причем примерно половина произведенного шла на нужды Красной Армии (Крицман Л. Героический период великой русской революции... С.173).

Не только отсутствие рыночных стимулов, но и натурали-

зовавшиеся отношения способствовали дезорганизации народного хозяйства. Если в условиях рынка обусловленное платежеспособным спросом перепроизводство выражается в том, что произведенные излишки скапливаются у производителя, то в условиях натуральных связей — у потребителя, который не желает с ними расставаться из-за ожидания возможного дефицита. «Внутренняя жизнь промышленных предприятий, — указывается в одном из документов той эпохи, — постоянно испытывала несоответствие различных производственных факторов, постоянное ощущение недостатка тех или иных необходимых элементов производства при наличности других в достаточном или даже избыточном количестве»(Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. С.40). Это приводило к расточительству того, что оказывалось в «избыточном количестве» — прежде всего рабочей силы. Так, в 1920 г. был проведен ряд трудовых мобилизаций. При этом громадное число мобилизованных рабочих не было использовано из-за отсутствия у хозяйственных органов жилья и продовольствия, а также наступившего кризиса, сузившего потребности народного хозяйства в рабочей силе. Тем не менее мобилизации продолжались и в 1921 г. (Там же. С.83). Расточительное использование рабочей силы, по-видимому, наиболее характерная черта командно-административного социализма, которая впервые обнаружилась в годы военного коммунизма.

Как известно, рынок и строгий стоимостной учет и контроль неотделимы. Там же, где основу составляют потребительные стоимости строгий учет и контроль невозможны. Их отсутствие создает благоприятные условия для массовых хищений. «Данными ревизии военно-обмундировочных мастерских, — заявил, например, Крыленко, — обнаружено полное отсутствие учета материалов на сотни миллионов аршин, неправильность расчетов с контрагентами, отсутствие наблюдения за фабриками, умышленная порча тканей, неправильное шитье вещей в целях вызвать браковку, чтобы иметь возможность продать вещи на стороне по спекулятивным ценам, присвоение материалов и полное расстройство всего аппарата снабжения» (Цит. по: Дмитриенко В.П. Советская экономическая политика... С. 173).

Политика военного коммунизма в качестве основы построения новой формации потерпела крах. Это заставило искать новые пути развития рождавшейся социалистической экономики.

ГЛАВА 4

НЭП — «ЕДИНАЯ ФАБРИКА» И РЫНОК

Нэп был первой в истории попыткой совместить тоталитарный социализм с рынком. Известно, чем она закончилась. Однако в ходе ее осуществления выявился ряд закономерностей, представляющих теоретический и практический интерес.

Поворот тоталитарного социализма к рынку, как показала история, происходит тогда, когда командно-административная система управления экономикой начинает переживать острейший кризис, угрожающий самому господству директората.

Многие десятилетия переход к нэпу интерпретировался как вынужденная уступка прежде всего крестьянству, поскольку российский пролетариат будто бы был «в большей части своей деклассирован», и потому его требования свободы торговли, свободы труда и демократии были вызваны «мелкобуржуазной стихией», широко сказавшейся на его настроениях (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 42, 24). В действительности, рабочие были непосредственно заинтересованы в существовании развитых рыночных отношений, в свободной продаже своего труда, невозможной в годы военного коммунизма. Они выступали за демократию, которая позволила бы им легально бороться с произволом директората. Их недовольство режимом военного коммунизма было не меньшим, а главное, более осознанным, более сознательным, чем недовольство крестьян.

Признаки недовольства пролетариата политикой большевиков нетрудно обнаружить в материалах дискуссии о профсоюзах, развернувшейся в 1920 г. Рабочая оппозиция требовала подчинить государственные органы профсоюзам, установить производственную демократию и передать управление всем народным хозяйством съезду производителей, объединенных в профессиональные и производственные союзы. Фактически рабочая оппозиция ставила вопрос о передаче управления народным хозяйством в руки самих рабочих, против чего выступало большинство членов партии во главе с Лениным. По Лени-

ну, профсоюзы должны были ограничить свою деятельность решением таких «важных» задач, как распределение натурпремий и организация дисциплинарных судов. «Натурпремии и дисциплинарные товарищеские суды, — говорил он, — во сто раз больше значат для овладения хозяйством, для управления промышленностью, для повышения производственной роли профсоюзов, чем совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о «производственной демократии», о «сращивании» и т. п. (Там же. Т. 42. С. 280). Ленин был твердо уверен в том, что рабочие и их организации — профсоюзы — не в состоянии управлять народным хозяйством (и это действительно было так), они способны лишь проводить в жизнь директивы директората.

В 1920 г. РКП(б) лишилась более 10 тыс. рабочих, добровольно покинувших ее в знак протеста против политики военного коммунизма. Недовольство рабочих в конце концов вылилось в массовые волнения, масштабы которых до сих пор неизвестны. В феврале 1921 г. забастовки прошли в Москве, Петрограде, Харькове и других городах. Рабочие требовали свободы торговли, изгнания из советов коммунистов, ликвидации заградотрядов, отмены привилегированных пайков партхозактива и т. д. По сути первые после революции массовые выступления рабочих напугали директорат больше, чем выступления белогвардейцев, ибо они исходили не со стороны тех, кто политически скомпрометировав себя, претендовал на львиную долю прибавочного пирога, а тех, кто этот пирог создавал.

Пока шла крестьянская война (она охватывала Тамбовскую, Самарскую, Саратовскую губернии, Сибирь, Северный Кавказ, Дон, Кубань, Украину), большевики и не думали отказываться от политики военного коммунизма. Когда на VIII Всероссийском съезде советов (Москва, 22-29 декабря 1920 г.) Дан от меньшевиков, Вольский от меньшинства эсеров, Далин от Бунда и Штейнберг от левых эсеров потребовали отмены продразверстки и введения продналога со свободой торговли, большевики решительно ответили — нет. Однако не прошло и полутора месяцев, как уже в самом руководстве компартии стала обсуждаться возможность замены продразверстки продналогом. Как известно, X съезд компартии (март 1921 г.) перевел обсуждавшуюся возможность в практическую плоскость, положив тем самым начало рыночному реформированию экономики. Главной причиной принятия такого решения была не деревня, не ширившиеся крестьянские восстания, а город, где начались волнения рабочих.

Как свидетельствует международный опыт, переход к рынку в странах тоталитарного социализма может быть осуществлен либо правящими коммунистическими партиями (нэповская Россия, КНР, Вьетнам, ряд республик Средней Азии), либо противостоящими им силами, как, например, в большинстве стран Европы. При этом наметилась определенная закономерность. В аграрных странах, где рыночные связи развиты слабо, где сохраняются полунатуральные отношения, существует большая вероятность проведения в ходе кризиса рыночных реформ самими компартиями. Однако для многих коммунистов рыночные преобразования — лишь вынужденные, досадные отклонения конъюнктурного порядка от незыблемой генеральной линии, предначертанной марксизмом. Отсюда — торможение, непоследовательность реформ. В странах же, где рыночные отношения более развиты, существует и большая вероятность прихода к власти в ходе кризиса противостоящих коммунистическому режиму сил, сил, способных на радикальное реформирование тоталитарной экономики на рыночных началах. В странах, где большинство населения занято в полунатуральном хозяйстве, такие силы еще не успевают сформироваться к моменту экономического кризиса тоталитарного социализма. Их формирование происходит в ходе проведения рыночных реформ и демократических преобразований. Ленин, предугадывая возможность такого развития событий в России, возглавил борьбу за запрещение не только всех некоммунистических партий и движений, но и фракций внутри самой партии. «Величайшая ошибка думать, — писал он, — что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору...» (Там же. Т. 44. С. 428). Только с помощью открытого террора большевики могли оградить себя от выхода на политическую авансцену антитоталитарных сил, отстаивающих рыночные реформы и идеи демократии.

В 1921 г. Ленин, принимая решение о переходе от продразверстки к продналогу, полагал, что эта мера вынужденная, что она обусловлена исключительно отсталостью России, недостаточным уровнем развития ее производительных сил, тогда как в развитых странах безрыночный обмен между городом и де-

ревней вполне возможен. «Если крупная промышленность, — говорил Ленин, — находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить мелких крестьян достаточным количеством продуктов или большим количеством продуктов, чем прежде, и установить таким образом правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями, то крестьянство будет вполне удовлетворено... Если же этого нет, — продолжал он, — то не может быть другой экономической связи между... земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля» (Там же. С. 306, 308).

Большевики по старинке продолжали считать, что по своему характеру рынок может быть только «мелкобуржуазным и частнокапиталистическим» (ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. 1936. Ч. 1. С. 434). Рождавшиеся новые рыночные реалии привычно облекались в старые идеологические одежды. Не случайно, например, Ленин позднее отождествлял перевод промышленности на хозрасчет с переводом «по сути в значительной степени на коммерческие и капиталистические начала» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 210). Для него перевод всего народного хозяйства на рыночные основы был отступлением, возвратом «к приемам, способам, к методам деятельности государственного капитализма» (Там же. С. 206 — 207). Лишь в самом конце жизни ему удалось избавиться от подобного отношения к рынку. Его же соратники в сущности так и остались на прежних антирыночных позициях, полагая, как например, Зиновьев, что нэп означал вовсе не отступление «от военного коммунизма к социализму», а переход к «своеобразному «государственному капитализму» в пролетарском государстве» (Дискуссия 1925 г. Материалы и документы. М. 1929. С. 126).

Такое видение рынка исключительно сквозь призму капитализма во многом определило на редкость робкие начинания большевиков в деле рыночного реформирования экономики. «Продразверстка первоначально была отменена только в 40 губерниях и нескольких автономных образованиях. На остальные районы это решение распространялось по мере выполнения заданий по продразверстке» (Нэп. Приобретения и потери. М. 1994. С. 166). В Сибири еще в конце 1921 г. продолжали оставаться закрытыми для всех форм обмена и торговли основные районы производства хлеба — Славгородский, Каменский и Калачинский уезды, вся Акмолинская и часть Енисейской губернии (Там же).

Даже там, где продразверстка была заменена продналогом, сфера легальной торговли оставалось крайне ограниченной. Согласно декрету ВЦИК, опубликованному 21 марта 1921 г., торговля за деньги разрешалась только в пределах местного хозяйственного оборота, тогда как циркуляция основной массы продуктов между городом и деревней должна была осуществляться под государственным началом в порядке натурального обмена.

Фактически это была попытка большевиков сохранить, слегка модифицировав, экономические основы военного коммунизма. Но кризис военного коммунизма был слишком глубок, чтобы можно было выйти из него, ограничиваясь косметическими мерами. Уже летом 1921 г. стало ясно: крестьяне отказываются от участия в прямом продуктообмене, они предпочитают за деньги продавать продукцию и за деньги же покупать изделия промышленности. В связи с этим совнарком был вынужден в наказе «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» (9 августа 1921 г.) рекомендовать расширить сферу денежных отношений, вывести последние за рамки хозяйственного оборота, активно переходить к торговым формам обмена между городом и деревней.

Отказ крестьян от натурального продуктообмена объяснялся прежде всего тем, что при натуральном обмене сельской и промышленной продукции установленный государством эквивалент в довоенных ценах составлял один к трем, тогда как на вольном рынке в условиях неурожая такое соотношение было в пользу крестьянина, причем значительно.

Рыночные реформы в промышленности проходили еще медленнее. Продукция, изготовленная на государственных промышленных предприятиях, как и прежде целиком оставалась в распоряжении государства — часть ее в административном порядке поступала на нужды самого госсектора, часть — в обменный фонд, которым распоряжался наркомпрод. Большевики на первых порах пытались сохранить «единую фабрику» в неизменном виде. Но убедившись в невозможности последнего, совнарком наказом от 9 августа 1921 г. разрешил государственным промышленным предприятиям реализовывать на рынке (в

строго установленных размерах) часть своей продукции в случаях, когда возмещение оборотных фондов за счет государственного снабжения оказывалось недостаточным. Однако кризис административных экономических связей продолжал углубляться, поэтому декретом СНК от 27 октября 1921 г. большинство государственных промышленных предприятий было полностью снято с государственного снабжения и освобождено от прямого административного контроля ВСНХ. Отныне рабочую силу, сырье, полуфабрикаты и т. д. предприятия должны были приобретать на свободном рынке и там же сбывать свою продукцию. Формально их хозяйственная деятельность зависела только от них самих, поскольку теперь они должны были получать кредиты не от казначейства на основе бюджетных расчетов, а в Госбанке, исходившем из их рентабельности. На деле же они так или иначе продолжали оставаться зависимыми от бюджета, ибо дефицит оборотных средств носил хронический характер. Данные предприятия представляли собой своего рода гибриды, имевшие признаки и административной, и рыночной экономики.

Поскольку большинству предприятий было разрешено продавать на рынке промышленную продукцию, то говоря современным языком, произошла либерализация цен, сопровождавшаяся острейшим недостатком денежных средств для приобретения сырья, выплаты зарплаты и т. д. Чтобы восполнить этот недостаток, директора зачастую продавали за бесценок все, что только можно: полуфабрикаты, готовую продукцию. В силу вступал бартер. Рабочие из-за отсутствия денег получали зарплату в виде готовой продукции предприятий, на которых они работали. В общем, сложилась ситуация, схожая с ситуацией пореформенной России 90-х годов.

Уже через месяц после того, как большинство предприятий было снято с государственного снабжения, Ленин писал Троцкому: «Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный. Лопнуть можем. Везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в продажу все возможное и невозможное. Вопят все и отовсюду. Как и что еще делать, не знаю» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 234). Выход, конечно, был. Следовало провести приватизацию государственных предприятий, но большевики не осмеливались пойти на такой шаг. Им казалось, что поступив так, они откроют шлюзы капитализму старой формации. В таких условиях овладевать рынком, даже имея желание, было трудно. Директора многих хозрасчетных предприятий требовали порядка эпохи военного коммунизма, когда предприятия финансировались из бюджета. В этой связи представляет интерес реакция Ленина на подобные требования. «Вы мне сказали, — писал он Г.Я. Сокольникову, — что некоторые наши тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно, чтобы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и при том всецело отвечали за безубыточность своих предприятий... Если мы, создав тресты и предприятия на хозяйственном расчете, не сумеем деловым, купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками» (Там же. Т. 54. С. 150-151).

Однако обеспечить «полностью свои интересы», читай интересы директората, «деловым, купцовским способом» в тогдашних условиях было невозможно. И дело не в том, что этому препятствовали нерадивость, неумение торговать, отсутствие культуры, о которых так много говорил и писал Ленин, а в том, что хозрасчет госпредприятий не мог вызвать заинтересованность в результатах труда. Тресты, отдавая государству 75% своей прибыли (Карр Э. История Советской России. Кн. 2. М., 1989. С. 243), не могли хозяйствовать самостоятельно.

Что касается той части промышленности — прежде всего тяжелой индустрии — которая почти целиком зависела от бюджетных вливаний, от административных рычагов, регулировавших всю систему госзаказов, то здесь материальная заинтересованность была еще меньше. Например, металл по госзаказам оплачивался выше, чем на вольном рынке. Это достигалось за счет бюджетного финансирования. По данным, приводимым Ю. Лариным, с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. металлопромышленность сдавала по госзаказам 87% своей продукции и только 13% ее продавалось на вольном рынке (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 36). Такое распределение продукции преимущественно внутри самой «единой фабрики» позволяло уже с самого начала нэпа осуществлять, как пишет А.Б. Штерн, «планирование отраслей тяжелой промышленности в смысле объема производства, их восстановления, увязки планов с финансовыми возможностя-

ми, а также и с установлением так называемых плановых цен для госпотребителей, находящихся на бюджете» (Штерн А.Б. Государственное финансирование промышленности в 1918 - 1924 гг. М. - Л., 1924. С. 90). По оценке Ю. Ларина, в 1922 г. государственная промышленность на две трети работала на саму себя и лишь треть ее продукции поступала на вольный рынок (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 16).

Компартия делала все возможное, чтобы сохранить «единую фабрику». Декретом ВЦИК от 27 октября 1921 г. подтверждалось, что все предприятия, поступившие до 17 мая 1921 г. во владение государственных органов, являются предприятиями национализированными. Правда, через полтора месяца, 10 декабря 1921 г., был опубликован другой декрет, который возвращал бывшим собственникам мелкие предприятия с двигателем с числом рабочих до 5 и до 10 — без двигателя. Однако реализация декрета существенных изменений не принесла. По свидетельству Н.А. Святицкого, число денационализированных предприятий было столь ничтожно, «что какой-либо значительной роли в деле развития частнокапиталистической промышленности денационализация сыграть не могла» (Святицкий Н.В. Организация Российской государственной промышленности. М., 1924. С. 48).

Капиталистический сектор в промышленности развивался прежде всего за счет вновь открывающихся предприятий. Как правило, это были мелкие заведения с числом рабочих не свыше 10 - 20 человек. В цензовой промышленности частные предприятия открывались по особым разрешениям. В конце 1922 г. их насчитывалось 442, а их удельный вес в основном капитале всей крупной промышленности составлял всего 1,5%. Что касается тех предприятий, которые сдавались государственными организациями в аренду, то они, как верно подчеркивал Ленин, продолжали оставаться советскими (Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т. 54. С. 164), государственными, несмотря на то, что многие из них управлялись частными лицами, присваивавшими определенную долю прибыли. Так, в 1922 г. из менее 6,5 тыс. (в основном мелких) предприятий, сданных государством в аренду, две трети из них управлялись частными лицами. Аренда, как правило, была краткосрочной: на срок от 1 до 3-х лет. Основа тоталитарного социализма эпохи военного коммунизма — «единая фабрика» — продолжала сохраняться и в годы нэпа почти

в неизменных размерах.

Как субъект рынка «единая фабрика» выступала в отношения с рабочими, продававшими ей рабочую силу, и крестьянами, у которых она скупала продукцию сельского хозяйства. И в том и в другом случае ее отношения с этими контрагентами дальше купли и продажи, продажи им собственной продукции, не шли. Что же касается отношений между предприятиями самой «единой фабрики», то они, хотя по форме и были товарно-денежными, по содержанию были далеки от рыночных, поскольку оставались отношениями одного и того же собственника — государства.

Будучи покупателем рабочей силы, «единая фабрика» была, естественно, заинтересована в том, чтобы эта сила стоила как можно дешевле. Как известно, цена рабочей силы определяется стоимостью потребляемых рабочим товаров и услуг. Продавцом же последних являлась преимущественно все та же «единая фабрика». Поэтому тот, кто ее олицетворял — директорат — был заинтересован в ограничении потребления рабочих, в том, чтобы потребляемые товары и услуги стоили как можно дешевле. В связи с этим проводившийся директоратом курс предусматривал, с одной стороны, хронический дефицит, с другой — постоянное снижение цен. И то, и другое — лишь две стороны проводившейся в годы нэпа одной политики.

Иначе строились рыночные отношения «единой фабрики» с крестьянами. Как и в случае с рабочими, она была заинтересована в возможно более низких ценах на продукцию сельского хозяйства и, прежде всего, на продовольственное зерно, цена которого в то время во многом определяла стоимость рабочей силы. Вместе с тем, в отличие от рыночных отношений с рабочими «единая фабрика» была заинтересована в реализации своей продукции крестьянам по максимально высоким ценам. Отсюда — так называемые ножницы цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

Таким образом, «единая фабрика» деформировала рынок не только на макро-, но и на миниуровне, особенно на уровне отдельных госпредприятий. Рыночная активность даже тех из них, которые получили право реализовывать свою продукцию на вольном рынке и за счет полученных доходов возмещать свои убытки, была ограниченной. Только оборотный капитал можно было продавать, закладывать, проводить с ним операции по

долговым обязательствам. Возникающий при этом дефицит восполнялся — административно, путем получений государственных субсидий. В отличие от оборотного капитала с основным капиталом нельзя было производить никаких рыночных операций. Он должен был оставаться в собственности предприятий, в собственности государства. В этих условиях убыточные предприятия не могли быть ликвидированы по законам рынка. Их судьба решалась административно, посредством распоряжений государственных организаций (о закрытии, перепрофилировании, предоставлении дополнительных средств и т. д.). Существование многочисленных убыточных предприятий — характернейшая черта «единой фабрики».

Как известно, рынок и конкуренция неотделимы. Но конкуренция не может существовать между предприятиями, у которых один хозяин — в данном случае — государство. Весьма показательно, что предприятия, вступавшие в рыночные отношения, тут же начинали объединяться в тресты, чтобы дать возможность убыточным предприятиям продолжать хозяйствовать — за счет предприятий прибыльных. Уже в 1922 г. по сообщению председателя ВСНХ П.А. Богданова, было «трестировано» около 90% крупной промышленности (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 231).

В свою очередь тресты сами стремились избежать конкуренции между собой. С этой целью для реализации продукции на рынке они создавали синдикаты. Синдикаты занимались заготовкой сырья и продажей продукции трестов, все более ограничивая функции последних чисто производственными задачами.

В апреле 1923 г. был опубликован закон о трестах, конституировавший их статус и укрепивший административный контроль над ними. В соответствии с законом тресты создавались для получения прибыли. При этом основные фонды трестов переходили в распоряжение ВСНХ и наркоматов. Большая часть прибыли изымалась в общественные фонды. Трестам разрешалось оставлять у себя не более 20% прибыли в качестве резервного капитала, фонда улучшения быта и премирования работников. Хозяйствовать самостоятельно они не могли: как правило, примерно треть оборотных средств поступала к ним в виде кредитов ВСНХ, который утверждал руководящий состав, производственные задания и сметы. А. Айхенвальд был

прав, когда писал: «Наши тресты только по внешней форме являются самостоятельными предприятиями, связанными исключительно через рынок. На самом деле принадлежность всех трестов к единому социалистическому хозяйству создает рядом с рыночной связью второй вид связи, объединяющий всю крупную промышленность в одно организованное целое» (Айхенвальд А. Советская экономика и экономическая политика СССР. М., 1928. С. 64). Этот второй вид связи — административный — все больше вытеснял слабые рыночные отношения.

«Единая фабрика» включала в себя множество предприятий, связи между которыми, как единым целым, строились на административной основе. Эти связи не мог осуществлять управленческий аппарат самой промышленности, поскольку каждое ее подразделение имело свои частные интересы, зачастую противоречившие интересам целого. Чтобы решать общие задачи, требовалась особая сила, способная подавлять всякое проявление партикуляризма. Такой силой была партия, решавшая основные вопросы хозяйственной политики «единой фабрики», распределявшая материальные и трудовые ресурсы всей страны.

Более того, в годы нэпа, в отличие от периода перераспределения конфискованного, «единая фабрика» начала производить, поэтому теперь партия должна была быть как никогда централизована — ее решения должны были строго выполняться на всех уровнях партийной иерархии. Все эти задачи были решены в ходе партийных реформ, проведенных Сталиным в начале 20-х годов. Сталинские реформы свели к пустой формальности такой элемент демократизма, как выборность партийных руководителей. «С августа 1922 г. назначение секретарей стало фактически уставной нормой: в принятом XII партконференцией новом уставе партии было записано, что отныне секретари губернских и уездных комитетов должны утверждаться в должности вышестоящим органом» (Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 93).

Чуть раньше, в июне того же года, был создан институт ответственных инструкторов ЦК РКП(б), призванных «помогать на местах» твердо и неуклонно проводить в жизнь директивы центральных органов партии. Позднее институт инструкторов стал создаваться и на более низких уровнях партийной иерархии. «В течение 1922 г. инструкторы ЦК, — пишет С.В.

Цакунов, — обследовали более двух третей губернских парторганизаций и не было случая, чтобы губкомы не соглашались с их рекомендациями» (Там же. С. 92-93). Такие инструкторы были фактически глазами и ушами руководства ЦК во главе с генеральным секретарем, поставившим под свой контроль работу всего партийного аппарата, а вместе с ним и всю хозяйственную структуру страны. Е, Преображенский был прав, когда писал в «Правде» (28 декабря 1923 г.): «Предрешенные сверху вопросы (имеются в виду вопросы партийной жизни — *Ю.И.*) — это прямой продукт теперешнего партийного курса, но также и продукт теперешней политики в области экономического руководства» (Дискуссия 1923 года. Материалы и документы. М., 1927. С. 65).

В 20-е годы стоявший у власти директорат был откровенен и циничен, его целью было создание прибавочной стоимости. «Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости, — находим мы в решениях XII съезда РКП(б), — есть вопрос о судьбах советской власти... тресты», как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной стоимости в целях государственного накопления, которое только и может обеспечить поднятие материального уровня страны и социалистическое переустройство всего хозяйства» (ВКП(б) в резолюциях... Ч. 1. С. 487, 491).

Но что означало производство прибавочной стоимости? Оно означало, что те самые рабочие, интересы которых директорат якобы представлял, должны были больше производить и меньше потреблять. В 20-е годы за счет ограничения потребления рабочих под руководством директората началась реконструкция народного хозяйства.

Как известно, Маркс и его ортодоксальные последователи неоднократно заявляли, что в ходе развития капитализма «возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации... рабочего класса» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 772), что все эти бедствия исчезнут с появлением социализма. Однако, придя к власти, его последователи, если что и доказали за годы нэпа, то прямо противоположное — рабочие частного сектора имели более высокий уровень жизни по сравнению с теми, кто был занят на государственных социалистических предприятиях. Так, в конце 1925 г. в Москве рабочий 1-го

разряда на госпредприятии получал 1 руб. в день и имел 2-х недельный отпуск, а в частном секторе — 1 руб. 34 коп. и, как правило, 4-х недельный отпуск. Предприниматель делал и большие, чем госпредприятия, отчисления от заработной платы в фонд социального страхования, на культурную работу и т. д. (Копалкин В.М. Частная промышленность СССР. М. - Л., 1927. С. 34).

Частный сектор цензовой промышленности, насчитывая 40 - 50 тыс. рабочих, не мог, разумеется, быть серьезным конкурентом госпредприятиям в найме рабочей силы. Однако более высокая зарплата на частном предприятии, как и на предприятии, сданном в концессию, имела для директората свои негативные моменты. Не случайно Ленин, предлагая сдавать иностранным концессионерам районы дальнего Севера, помимо прочих выгод, отмечал удобство политическое, ибо «льготные условия для рабочих — до 50 коп. золотом! — меньше вызовут зависти и столкновений у других рабочих» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 100). Как «радетель» рабочего класса, Ленин опасался того, что более высокая зарплата на частных предприятиях может породить притязания на такую же зарплату тех, кто занят на госпредприятиях.

Отмеченные различия в уровнях зарплаты были вызваны отнюдь не случайным стечением обстоятельств, они были имманентно присущи рассматриваемым формационным укладам. При капитализме предприниматель как покупатель рабочей силы действительно заинтересован в том, чтобы ее продавец потреблял меньше, но капиталист как продавец товаров заинтересован в том, чтобы их потребление и, следовательно, потребление рабочих, росло. «Хотя всякий капиталист, — пишет Маркс, — и требует, чтобы его рабочие делали сбережения (имеется в виду экономия на потреблении — *Ю.И.*) но он требует, чтобы это делали только его рабочие, ибо они противостоят ему как рабочие, но ни в коем случае не остальная масса рабочих, так как остальные рабочие противостоят ему в качестве потребителей. Поэтому вопреки всем «благочестивым» фразам капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать их потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д.» (Маркс К. Соч. Т. 46. Ч.I. С. 240-241). Но навязывая «новые потребности», капиталист способствует росту жизненного уровня рабо-

чего.

Что касается «единой фабрики», то она выступает в роли одновременно и покупателя рабочей силы, и основного продавца товаров и услуг, которые рабочие потребляют. «Единая фабрика» заинтересована в том, чтобы рабочие трудились как можно больше, а потребляли как можно меньше. С точки зрения директората, представляющего ее интересы, потребление рабочих есть чистые издержки, негативно сказывающиеся на производстве прибавочной стоимости. Поэтому главной задачей директората было отнюдь не расширение массового потребления, а, как откровенно декларировалось тогда в партийных документах, его «упрощение и максимальное сжатие» (ВКП(б) в резолюциях... Ч. 1. С. 643).

Существующее при капитализме так нелюбимое марксистами производство ради производства в условиях «единой фабрики» приобретает наиболее законченный вид. Справедливости ради следует сказать, что сами основоположники марксизма не боялись выхода потребления за «естественные функции человеческого организма». Более того, они всячески приветствовали его исторический выход за рамки, очерченные природой. «В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства, — пишет Маркс, — капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве, и в своем потреблении, и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на месте обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 280).

Но директорат «единой фабрики» не был заинтересован в том, чтобы круг потребностей рабочих, очертанный природой, расширялся, и поэтому препятствовал развитию у них потребностей. созданных исторически. Стоило в конце 1922 г. зарплате в промышленности достичь лишь половины довоенного уровня, как ВЦСПС по указанию ЦК РКП(б) призвал приостановить ее повышение, что послужило сигналом к ее повсеместному снижению (Карр Э. История советской России. Кн. 4. М., 1989. С. 62).

Между тем производительность труда рабочих была значительно выше довоенной. «В феврале 1923 г., — пишет Ю. Ларин, — средняя производительность труда считается выше 70% довоенной, а средняя зарплата — только 50%. Проще говоря, рабочий по производительности труда дает сейчас примерно чуть ли не на половину больше того процента, какой он получает по заработной плате сравнительно с довоенными годами» (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 86). Другими словами, норма прибавочной стоимости стала выше довоенной, тогда как зарплаты хватало лишь на «простецкое удовлетворение голода ржаным хлебом, картошкой и т. п.» (Ларин Ю. Уроки кризиса и экономическая политика. М., 1934. С. 54). В. Кассиор по поводу зарплаты говорил следующее: «72% рабочих получили в первой половине 1923 г. не более 14 товарных рублей. Это... настолько низкая заработная плата, что при существующей производительности труда она, несомненно, ведет не к культурному росту и не к восстановлению рабочего класса, а к его по существу дела истощению, ибо при такой заработной плате рабочий не может восстанавливать ту рабочую силу, которую теряет в процессе производства» (XIII конференция российской коммунистической партии. Бюллетень. М., 1924. С. 51). Каким же надо было обладать цинизмом, чтобы в январе 1923 г. начать в печати кампанию: рабочий класс живет слишком жирно, следовательно, необходимо его урезать, чтобы крестьянин не чувствовал себя обиженным (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 82).

Среди тех, кто наиболее активно выступал против повышения зарплаты рабочих, был Е. Преображенский, доказывавший, что ограниченное потребление рабочих способствует росту социалистического накопления. «Страшная нищета периода войны и революции, огромное снижение привычных потребностей рабочего класса, — говорил он, — служили и служат одним из факторов социалистического накопления в том смысле, что рабочему классу после такого недавнего прошлого легче удается провести самоограничение своих потребностей в годы, когда задачи социалистического накопления стоят на первом плане» (Цит. по: Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 8).

Оказать действенное сопротивление курсу на ограничение потребления во имя социалистического накопления рабочие не могли. Организации, отстаивающие их интересы в борьбе про-

тив директората еще только зарождались и их состав был крайне малочисленным. Одну из них под названием «Рабочая правда» возглавлял известный философ А.А. Богданов. В ее документах, между прочим, можно найти такие строки: «Рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия (т.е. ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т.д.) и нэпманы роскошествуют и восстанавливают в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времен. Советская, партийная и профсоюзная бюрократия и организаторы государственного капитализма находятся в материальных условиях, резко отличных от условий существования рабочего класса; само их материальное благополучие и устойчивость их общего положения зависят от степени эксплуатации и подчинения им трудящихся масс; все это делает неизбежным противоречивость их интересов и разрыв между коммунистической партией и рабочим классом» (Цит. по: Карр Э. История советской России... Кн. 4. С. 66) .

Что касается профсоюзов, то их руководство в лучшем случае было способно решать лишь второстепенные вопросы жизни и быта рабочих, тогда как в главном — в вопросе о приоритетности социалистического накопления — оно четко придерживалось установок директората и его партии. «Нарекания на профсоюзы, — с гордостью заявлял нарком труда В.В. Шмидт, — что они не считаются с хозяйственным положением того или иного треста или хозоргана и стараются вырвать или закрепить в той или иной отрасли более высокую зарплату — неправильны: в нашей практике этого нет» (XI всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. М., 1924. С. 102).

К 1926 г. в основном закончился восстановительный период. Объем производства промышленности и сельского хозяйства в целом достиг довоенного уровня. Однако реальная зарплата рабочих так и не достигла довоенной отметки. Многие показатели жизни рабочих были ниже, чем при царизме. Например, в 1908 г. калорийность ежедневного питания рабочего Петербурга составляла 3255 калорий, тогда, как в 1925 г. рабочего Москвы — 3141 калории, т.е. на 3,5% ниже (Кобо Е.О. Очерки рабочего быта. Т.1. М., 1928. С. 154). Накануне же первой мировой войны приведенный показатель калорийности питания петербургского рабочего должен был быть выше, так как его зарплата по сравнению с 1908 г. выросла. Однако бюджетных обследований в 1913 г. не проводилось Между тем по существовавшим тогда физиологическим нормам калорийность питания занимающегося физическим трудом должна была составлять 3600 калорий (Кобо Е.О. Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926. С. 20).

То, что писал М.Давидович, характеризуя питание петербургских рабочих в 1908 г. (он проводил обследование), с еще большим основанием можно отнести к московским рабочим в годы нэпа, получавшим самую высокую зарплату в России. «Бесполезный излишек углеводов, — писал он, — жировое недоедание и белковое голодание — вот сжатая характеристика питания среднего петербургского ткача и с ним среднего петербургского рабочего» (Давидович М. Петербургский текстильный рабочий. М., б/г. С. 68).

Московский рабочий был лишен самого необходимого. «Молоко, — писала Е.О Кобо, проводившая бюджетное обследование, — сливочное масло и яйца не являются предметами массового потребления и употребляются в рабочих семьях постольку, поскольку там есть дети, больные и пр. ... Для воспитания и питания детей взрослым рабочим приходится отказываться не только от удовлетворения других потребностей, но и сокращать свое питание» (Кобо Е.О. Очерки рабочего быта... С. 153).

В последующие годы положение не могло существенно измениться к лучшему. В 1926 г. зарплата рабочего не достигла довоенного уровня, и наркомтруд В.Шмидт был вынужден заявить: «Некоторые очень ответственные товарищи имели неосторожность... сказать, что в этом году (1926 г. — *Ю.И.*) мы достигнем довоенного уровня заработной платы, а может даже перешагнем его. Это крайне неосторожно сказано. Профсоюзам пришлось разъяснять рабочим массам, почему мы этого в нынешнем году достигнуть не можем» (Карр Э. История Советской России. Кн. 5. С. 298).

В 1927 г. каких-либо изменений в жизни рабочих не случилось. Однако официальный показатель их реальной заработной платы превысил довоенный уровень. Это произошло потому, что зарплата стала определяться, исходя из цен только государственных и кооперативных лавок. Между тем рабочий вынужден был покупать товары на вольном рынке в связи с царившим в стране товарным голодом. О масштабах последнего мож-

но, например, судить по тому, что удовлетворение потребности населения в промышленных товарах в середине 20-х годов составило немногим более половины потребления 1913 г. (НЭП — приобретения и потери. М., 1994. С. 72). Введение в 1928 г. карточной системы еще более ухудшило положение рабочего класса.

Важным показателем жизненного уровня рабочих могут служить их жилищные условия. По свидетельству журнала «Вопросы труда», эти условия были «кошмарными» (правда, они детально не обследовались, якобы из-за отсутствия денежных средств). Факты, иногда появлявшиеся в печати, ужасают: «80% работников водпутей (имелись в виду работники речного транспорта — Ю.И.) вынуждены селиться со своими семьями в полуразвалившихся и затопляемых бараках и землянках или в ближайших деревнях за 5-10 верст от районов и мест работы. Наблюдаемая чрезмерная скученность приводит к повышенной заболеваемости, развитию эпидемий и увеличению смертности. Значительная часть рабочих в сезон навигации вынуждена жить в дровах в буквальном смысле этого слова — устраивают под сложенными дровами ямы и в них ютятся» (Вопросы труда. М., 1924. № 5-6. С. 78-79).

Через три года А.И.Рыков открыто заявил, что в «целом ряде районов жилищные условия рабочих чуть ли не хуже, чем до войны» (РСФСР. Всероссийский XIII съезд Советов. М., 1927. С. 142). Его оценку подтвердили многие делегаты XIII всероссийского съезда советов. В частности, работница Ярцевской фабрики Новикова рассказывала: «В настоящее время мы живем в очень плохих квартирных условиях. У нас работают крестьяне, которые приходят из деревни за 7-8 верст на фабрику. У нас нет для них помещений и они должны после работы в грязь и ненастную погоду возвращаться за 7-8 верст домой. Это недопустимо. Рабочие, которые живут возле фабрики, помещаются в построенных еще при капиталистическом строе казематах или, как называют их рабочие, казармах. Нас спрашивают: «Товарищи, почему вы такие бледные?» Да, потому, что в наших жилищах мало воздуха. После 8-часовой работы на фабрике нам приходится возвращаться в казармы, в которых нам дается площадь только в 2 кв. м. для семьи в 3-5 человек. Это недопустимо. Есть случаи, когда в одной каморке живут три семьи» (Там же. С.179). Такие жилищные условия рабочих отнюдь не были отклонением от нормы. Они были типичной чертой их жизни, сопряженной с трудом на фабриках и заводах (См. там же. С. 188-189, 191, 209; Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Стенографический отчет. М.,1925. С. 425-426).

Еще хуже были жилищные условия шахтеров. В частности, делегат съезда от Кузнецкого округа Базанов говорил: «Мы должны дать возможность рабочим вылезти из землянок. Они получают кредит в 100 руб. и вынуждены на эти деньги строить себе жилища. Как они это осуществляют? Они роют особую хату в земле и в ней живут, т.е. работая на 50-60 сажень под землей и вылезши оттуда после 6 часов работы, они снова вынуждены лезть в землю... Отпущенные средства позволяют удовлетворить только 5% рабочих жилищной площадью» (РСФСР. Всероссийский XII съезд советов... С. 196).

Шварц, председатель ЦК горняков, рассказывал, что на наиболее механизированных Кизиловских рудниках «рабочие спят на голом полу», а на шахте Володарской «не могут даже мыться, воду возят в цистернах, а деревни, где они живут, такие же грязные, как рудники» (Седьмой съезд профессиональных союзов СССР. М., 1925. С. 525). Представитель ВЦСПС Толстяков констатировал следующее: «Мы имеем целый ряд предприятий, где норма жилплощади не оправдывается никакими законами. Например, по фарфоровой промышленности норма жилплощади на одного живущего составляет 1,8 кв. м. На Урале в асбестовой промышленности эта площадь составляет 2,3 кв. м. Можно ли ожидать, — спрашивал он, — что в этих условиях рабочий может восстановить затраченные в производстве силы?» (Там же. С. 575). Ответ напрашивался сам собой.

Невыносимость жилищных условий рабочих признавал и нарком труда В. Шмидт. «В Иваново-Вознесенске, — писал он, — средняя норма жилплощади составляет 3,95 кв. м.; здесь в особенности тяжелых условиях находятся рабочие в домах, принадлежащих промышленности, где по обследованиям имеют место не только ветхость и непригодность к жилью занимаемых рабочими и их семьями помещений, но значительное количество семей занимают коридоры, холодные чуланы, бани, сараи, в одной комнате живут по две семьи или в одной комнате живут 13 чел.» (Шмидт В. Рабочий класс и жилищный

вопрос. М., 1929. С. 32).

Совместное проживание в одном помещении нескольких рабочих семей было обыденным явлением, отрицательно влияющим на моральный климат. Вот что, в частности, писали о таком проживании еще до революции: «Совместное сожитие обоих полов, помещение в одной комнате нескольких семейств, отсутствие особых спален, теснота, грязь и пр. — все это отражается на нравственности рабочих и ведет к разложению их семейной жизни и домашнего очага» (Цит. по: там же. С. 33). О каком здоровом быте можно было говорить, если в 45% рабочих семей не было индивидуальных постелей. «Многие члены семьи, — отмечалось в материалах обследований, — вынуждены спать вповалку на общей семейной постели или ночевать на полатях, лежанках, сундуках, а часто прямо на полу. Как свидетельствуют данные жилищной анкеты по Москве, от недостатка кроватей особенно сильно страдают дети и подростки: отдельную кровать имеют всего четверть обследованных детей, считая и детей грудного возраста. Большая половина спящих на кровати детей, считая и детей грудного возраста, спят по двое на одной кровати или разделяют ее со своими родителями» (Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М., 1929. С. 67).

Что касается условий труда рабочих, то они были хуже, чем до революции, поскольку рабочим приходилось трудиться на износившемся дореволюционном оборудовании, но с большей производительностью труда. Естественным следствием интенсификации труда рабочего, не имевшего возможности полноценно питаться и отдыхать, был травматизм. «Обследование московских фабрик и заводов в 1926 г., — пишет А. Югов, — установило, что число несчастных случаев было на текстильных фабриках в 2,3 раза, а на металлических заводах в 2 раза выше, чем до войны» (Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы. Берлин, 1929. С. 214). Характерно и то, что производственный травматизм угрожающе рос из года в год. По всем производствам в расчете на тысячу рабочих за три месяца или на 75 тыс. проработанных человекодней приходилось в 1925 г. — 24,4 несчастных случая, в 1926 г. — 36, а в 1927 г. — 42,5 несчастных случая (Там же. С. 215).

Положение рабочих на производстве усугублялось крайней антисанитарией, теснотой и т. д. производственных помещений. Вот, что, в частности, пишет врач, обследовавший в середине

20-х годов состояние здоровья ткачей московской суконно-ткацкой фабрики «Освобожденный труд»: «Теснота помещений ткацкого отдела, недостаточное освещение, плохая вентиляция и повышенная температура, — все это должно способствовать малокровию среди ткачей; сухость воздуха в помещениях ткацкого отделения, наличие в них шерстяной пыли благоприятны для развития бронхитов у ткачей, а оглушительный шум от ткацких станков, напряжение внимания — для истерии» (Труд и здоровье рабочих. Вып. II. М., 1926. С. 38).

Московские врачи провели обследования десятков предприятий, полученные ими результаты были частично опубликованы в серии выпусков «Труд и здоровье рабочих. Здоровье рабочих на предприятиях г. Москвы в связи с условиями труда и быта». Так, на шелкопрядильной фабрике «Пролетарский труд» туберкулез и катар верхних дыхательных путей были обнаружены у 43% рабочих, малокровие — у 14%; на Трехгорном пивоваренном заводе туберкулез — у 1/3 рабочих, а малокровие — более чем у 20%; на фармацевтическом заводе № 2 туберкулез — у 34,3% рабочих, заболевания органов кровообращения — у 31%, из общего числа беременностей патология — у 34% женщин. На бердо-релизной фабрике им. Бухарина 57,7% рабочих были больны туберкулезом.

Подобные показатели свидетельствуют о том, что рабочий класс эксплуатировался нещадно в расчете на быструю его сменяемость, чему способствовала громадная безработица.

Что касается культурного уровня рабочего класса, то здесь главным было распространение среди рабочих коммунистической пропаганды. Собственно культурная работа, связанная с получением ими элементарного образования, не имела большого развития. По свидетельству Луначарского, в 1927 г. было менее 50 тыс. начальных школ, тогда как до революции при меньшем населении — 62 тыс. школ (Жид Андрэ. Возвращение из СССР. М., 1990. С. 572).

Выступая на VII конгрессе Коминтерна, Д.З. Мануильский заявил, что до революции «мы были страной наиболее эксплуатируемого, наиболее бесправного, наиболее подавленного рабочего класса в Европе» (Мануильский Д.З. Доклад на VII конгрессе Коминтерна. М., 1935. С. 8). Такой же страной мы оставались и после революции. Причем в годы нэпа по сравнению с тем временем, о котором говорил Д.З. Мануильский,

положение рабочего класса по многим параметрам не только не улучшилось, но и ухудшилось.

Труд рабочих был лишь одним из источников прибавочной стоимости, присваиваемой директоратом. Другим ее источником был труд крестьян, у которых прибавочная стоимость изымалась не только административным путем в виде налогов и разных поборов, но и посредством неэквивалентного обмена между городом и деревней.

Начало такого обмена было положено Лениным, разделявшим точку зрения Е. Преображенского относительно использования «в доступных размерах начавшегося процесса капиталистического накопления в деревне для накопления социалистического» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 44). Ленин считал, что крупную промышленность можно восстановить «только путем возложения жертв... на мелких землевладельцев» (Там же. Т. 43. С. 27). С этой целью, в частности, как мы уже отмечали, установленный с переходом к нэпу натуральный обмен промышленных изделий на сельскохозяйственные продукты фиксировался в довоенных ценах в соотношении три к одному.

Подобная ситуация сохранилась и при переходе к торговым отношениям между городом и деревней. Крестьяне продавали свою продукцию по ценам ниже довоенных, в то время как промышленные изделия им приходилось покупать по ценам выше тех, которые существовали до войны. Деревне было трудно противостоять «единой фабрике». Множеству мелких сельских производителей противостоял монолитный гигант, выступавший по отношению к ним в двух лицах — основного покупателя и основного продавца, стремившегося купить -дешевле, продать — дороже. При отсутствии действительной конкуренции «единая фабрика» имела возможность устанавливать цены, не считаясь с соотношением спроса и предложения.

Данные связи требовали административного централизованного регулирования. Это, в частности, показал уже осенний кризис 1923 г., когда стихийно устанавливаемые трестами и синдикатами цены оказались в 3,1 раза выше цен на сельскохозяйственную продукцию в довоенном измерении. Сельское население, испытывая недостаток в деньгах, не могло покупать промышленные изделия — наступил кризис их перепроизводства.

Кризис можно было преодолеть двумя путями — повысить цены на сельскохозяйственную продукцию или понизить цены на рыночную продукцию промышленности. Но повышение цен на сельхозпродукцию неминуемо привело бы к необходимости повышения зарплаты в промышленности, что в свою очередь сказалось бы на величине изымаемой директоратом прибавочной стоимости. Поэтому в основном был принят второй путь — снижены промышленные цены, они сделались доступными для крестьянина.

Проводившаяся и в дальнейшем политика снижения цен на промышленные товары при сохранении неэквивалентного обмена между городом и деревней сопровождалась нарушением соотношения спроса и предложения, порождая товарный голод. Дело в том, что в нэповской России производилось гораздо меньше товаров широкого потребления, чем до революции, тогда как спрос на них после революции возрос. В условиях свободного рынка это привело бы к непомерному росту цен и сделало бы товары недоступными для населения. Естественным выходом из этого противоречия на рыночной основе мог бы стать рост производства, который устранил бы несоответствие между спросом и предложением и снизил бы цены. Но директорат решал проблему иным путем: снижал цены, увеличивая тем самым несоответствие спроса и предложения. По оценкам Ю.П Бокарева, в 1924/25 г. отклонение розничных цен от равновесного уровня составляло 11%, в 1925/26 — 71%, в 1926/27 — 87% (Нэп. Приобретения и потери... С. 116). Но чем больше было отклонение, тем больше был дефицит. При этом в проигрыше оказывалась деревня. «Нажим города на товарный рынок так силен, — говорил А.И. Рыков, — что можно оставить без ситца уезд, губернию или даже две губернии Сибири, но оставить без ситца Ленинград, как каждому известно, невозможно» (Вопросы хозяйственной политики. Курск, 1926. С. 16-17).

Крестьянин, продавая свой товар на регулируемом рынке (т. е. государственным и кооперативным организациям), по утверждению наркомторга Н.Б. Эйсмонта, получал денег вдвое меньше, чем до войны (РСФСР. Всероссийский XIII съезд советов. М., 1927. С. 321). На эти деньги ему было трудно что-либо купить. Об этом свидетельствует, например, выступление представителя Курской губернии на сессии ВЦИК. «В сентяб-

ре 1925 г., — говорил он, — у нас было такое удовлетворение потребностей: по ситцу и хлопчатобумажным товарам всего на 3%, по ходовым суконным товарам — на 10%, по железо-скобяным — на 20%, по кожевенным товарам при наших кожевенных заводах — на 20%, по стеклу — на 10% и т. д. При таком снабжении промтоварами о серьезности заготовки говорить не приходится, ибо ждать предложения на рынке хлеба без товаров невозможно» (Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 466).

В 1926 г. наркомторг попытался выяснить, каковы потери крестьян. Для этого по каждой группе хозяйств — бедняков, середняков, зажиточных — была подсчитана вся крестьянская выручка от продажи продукции, заработков, промыслов и т. д. Эту выручку сравнили с той, какую они могли бы иметь, если бы цены были довоенными. Одновременно по каждой группе хозяйств подсчитывались денежные расходы, произведенные на покупку недостающего хлеба, предметов ширпотреба и т. д. Полученные результаты сравнивались с довоенными затратами на такие же товары и услуги. Итог: в период нэпа все группы крестьян понесли убытки. Убытки были тем больше, чем больше крестьяне были втянуты в рыночные отношения. Так, на Кубани потери бедняков составили 20%, середняков — 30%, зажиточных — 40%. В Тверской губернии соответственно 13, 23 и 30%, в Омском округе 1,7 и 16% (Там же. С. 328).

Посредством «ножниц» цен «единая фабрика» пыталась через торговлю изъять так называемые излишки продукции крестьян, исходя из того, что на рынок попадает лишь то, чем они располагают сверх потребительских нужд. Подобные «ножницы» могли существовать только при полунатуральном крестьянском хозяйстве, ибо если бы последние были товаризованы, то их воспроизводство, учитывая разрыв цен, было бы невозможно. «Единая фабрика» могла существовать лишь как остров среди полунатурального крестьянского моря.

В то время как полунатуральные отношения деревни позволяли «единой фабрике» изымать через торговлю часть неоплаченной крестьянской продукции, те же самые отношения позволяли крестьянам сокращать рыночные связи путем натурализации своего производства. «До тех пор, пока деревня не будет материально обеспечена, — утверждал на XI всероссийском съезде советов Сизов, — ждать товарного развития со стороны крестьянского населения не приходится, потому что то сырье, которое производит крестьянское население, оно же само и переделывает. Лен производится местным населением для своих потребностей. Кожу, которая гниет в кадках у крестьян, при всех затратах они все-таки перерабатывают потому, что за целое рогатое животное они получают на рынке две пары подошв. Такие цены бьют местный рынок, и несоответствие рынка не дает возможности широко развить товарное производство в области сельского хозяйства» (XI всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. М., 1924. С. 71).

Громадный разрыв цен на регулируемом рынке вынуждал крестьян либо самим производить то, что должна была поставлять крупная промышленность, либо обращаться к кустарю, обычно проживавшему по соседству. И в том, и в другом случае и крестьяне, и кустари становились конкурентами «единой фабрики» в закупке сырья. Жалобы на недостаток сырья для развития государственного промышленного производства в годы нэпа были постоянны. «В целом ряде отраслей, — говорил, например, председатель ВСНХ РСФСР С.С. Лобов, — мы упирались в вопрос о приостановке дальнейшего развития нашего производства из-за недостатка сельскохозяйственного сырья» (Вопросы хозяйственной политики... С. 99). Таким образом, политика «ножниц» цен не давала ожидаемого директоратом эффекта — поступления за бесценок сырья для «единой фабрики».

Не дала ожидаемого директоратом эффекта и политика низких цен на продовольственное зерно. Низкие цены на зерно вынуждали крестьян развивать производство трудоемких товарных культур и животноводство вместо зернового земледелия (РСФСР. Всероссийский XIII съезд советов... С. 173). Если до войны стоимость реализованного на рынке хлеба на 69% превышала стоимость проданных технических культур, то в 1925 г. эти величины были почти равны. Доля зерновых в денежных поступлениях крестьян составляла 23%, технических культур — 20%, продуктов животноводства — 21%, прочих сельхозпродуктов — 0,8% и доходов от промыслов — 28% (Там же. С. 43, 215). Эту же тенденцию — вытеснения производства продовольственного зерна подтверждает и динамика посевов. Отказ крестьян от полномасштабной продажи хлеба по чрезвы-

чайно низким ценам предопределили крах всей политики нэпа, рассчитанной на изъятие через торговлю громадных ценностей деревни. Долговременное сосуществование растущей «единой фабрики» и мелкокрестьянского полунатурального производства оказалось невозможным. Важным источником увеличения объемов производства и прибыли в годы нэпа могли стать доходы от сдаваемых в концессию иностранцам промышленных предприятий. Как известно, Ленин был горячим сторонником широкого использования иностранных концессий для скорейшего возрождения промышленности. С этой целью он считал нужным передать иностранным концессионерам Кривой Рог и четверть Донбасса, нефтяные площади Баку, Грозного, Эмбы, Ухты, богатейшие медные рудники, а также освоение Курской магнитной аномалии (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 116, 121; Т. 53, С. 132-133, Т. 54. С. 16).

Для Ленина реализация этих предложений была непременным условием успешного соревнования с передовым капитализмом. С этой точки зрения значительный интерес представляет его письмо А.П. Серебровскому. «Архижелательно, — писал он 21 апреля 1921 г., — четверть Баку, а то и две четверти сдать концессионерам (на условиях помощи из-за границы и продовольствием и оборудованием *сверх* размеров, необходимых для концессионера). Только тогда есть надежда на остальных трех четвертях или двух четвертях *догнать* (а затем обогнать) современный передовой капитализм... Зарубите себе и всем на носу: архижелательны концессии. Нет ничего вреднее и гибельнее для коммунизма коммунистического самохвальства — сами сладим» (Там же. Т. 52. С. 123).

Однако заключение такого рода договоров с иностранными фирмами наталкивалось на громадные трудности внутри страны из-за сопротивления госпартаппарата. На 1 января 1928 г. поступило 2200 таких предложений, заключено же было всего 163 соглашения, так или иначе приступили к реализации только 92 концессии (Югов А. Народное хозяйство советской России... С. 163). Был провозглашен курс — опора на собственные силы. Как сказал Г.Я. Сокольников, полемизируя с апологетами этого курса, «если бы земной шар был в шесть раз меньше и, кроме нашего Союза ничего не существовало бы, тогда проблема строительства социализма в одной стране, в такой стране, кроме которой ничего вокруг нет, был бы поставлен, как вам угодно было его ставить» (Цит. по: Милютин В. Ближайшие экономические задачи. М., 1926. С. 97).

Подлинная подоплека негативного отношения к концессиям заключалась в том, что концессии были несовместимы с курсом административного регулирования экономических процессов. Ориентированные на рынок концессии могли стать конкурентом «единой фабрики», подрывающим монополию последней, а вместе с ней и ее административный диктат.

С точки зрения отношения к рынку директората и его партии здесь можно выделить два течения: за развитие рынка, его идеологом был Ленин, другое — за скорейшую ликвидацию «рыночного дьявола» — его идеологом первоначально был Троцкий, позднее его оттеснил Сталин.

В своих теоретических наметках о рынке Ленин несомненно ушел дальше того, что ему удалось осуществить на деле. Как известно, он призывал пересмотреть взгляд на социализм, считая, что посредством рынка можно получить «ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше представляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370).

В своих последних работах Ленин фактически наметил контуры модели перехода к рыночному социализму, которая спустя полвека успешно опробуется на Востоке. Согласно этой модели земля и крупная промышленность остаются в собственности государства, индивидуальные крестьянские хозяйства объединяются в кооперацию при сохранении своей хозяйственной самостоятельности, осуществляется широкое привлечение иностранного капитала в виде концессий, создания смешанных обществ и т. д. В качестве же политической предпосылки существования такого экономического механизма предлагалось сохранение однопартийного коммунистического режима. Нетрудно заметить, что в общих чертах ленинская модель весьма близка к современной китайской, соответствующей неразвитой стадии становления социалистического рынка.

Ленин, безусловно, не успел сделать всего того, что им было намечено. Однако, несомненно и другое — пока он стоял у кормила власти сфера рыночных отношений неуклонно расширялась за счет сокращения сферы административного распре-

деления всего и вся. Стоило ему отойти от власти, как начался обратный процесс. Уже в 1923 г. началось административное регулирование рыночных цен и товарооборота, усиление централизованных начал руководства промышленностью, развернулась кампания против «излишней» увлеченности иностранными инвестициями, которая получила официальное оформление в решениях XIII партконференции и т. д.

Проводя политику рыночных реформ, Ленин опирался прежде всего на те слои директората, которые в своей значительной массе пополнялись буржуазными специалистами. К последним Ленин относил не только инженеров и агрономов, но и торговцев (Там же. С. 95). Не все из них имели дипломы, были и самоучки (в экономике России причудливо переплетались отрасли, требовавшие научных знаний с отраслями, где достаточно было практических навыков), но тех и других объединяло одно — в недавнем прошлом они руководили предприятиями, работавшими в условиях полнокровного рынка, и привыкли самостоятельно принимать решения. Представляя наиболее культурные управленческие кадры, они во многом отличались от послереволюционных выдвиженцев, и были мало пригодны для системы управления «единой фабрикой», как воспитанные ею кадры для хозяйствования в условиях рынка.

Не случайно специалисты вызывали острейшую неприязнь у тех, кто считал рыночные реформы лишь вынужденной краткосрочной мерой, призванной проложить путь к полному административному регулированию экономики. Например, Ю. Ларин, сожалея о том, что наблюдается «анархизирующее, распыляющее, центробежное влияние» рыночной стихии, писал: «Появилась некоторое тяготение к своего рода промышленной демократии, к стремлению провозгласить в государственной промышленности господства своего рода «принципов учредилки» в виде «всеобщего, равного и прямого» права каждого отдельного предприятия на независимость, на торговую автономию, на верховенство ближайших частных выгод данного предприятия над интересами целого» (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы... С. 42).

Такого рода обвинения были типичны для тех, кто стремился поскорее покончить с рынком. В социальном плане они представляли выдвинутые революцией из городских и сельских низов управленческие кадры, которые участвовали в гражданской войне и прошли школу партийного или профсоюзного аппарата. Это были, говоря словами Сталина, «люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь» (Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 210).

Возрождавшийся командно-административный социализм нуждался в кадрах, способных беспрекословно повиноваться, подчиняя вверенные им подразделения общим интересам «единой фабрики», определяемым решениями партии. Старые специалисты, воспитанные на принципах хозяйствования в условиях рынка, для этого не годились. «За спором о роли специалистов, — справедливо пишет Ю. Голанд, — скрывался общий вопрос о судьбе нэпа» (Знамя. 1990. № 3. С. 134).

Уже на XII съезде партии Сталину удалось провести решение о назначении учраспредотделом ЦК высшего руководства промышленностью. С этого времени началось вытеснение буржуазных специалистов с руководящих постов, где они преобладали. Так, в 1922 г. в Центральном регионе они составляли 73% директорского корпуса, после 1923 г. их доля неуклонно уменьшалась. Только в 1923 и 1924 гг. через учраспредотдел на руководящие посты в промышленности было назначено 595 человек, в основном коммунистов (Bails K.E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Princeton, 1975. C. 65).

Одновременно стала набирать силу кампания против специалистов, которая с самого начала исподволь сопровождалась политическим шельмованием, обвинениями в контрреволюционной деятельности, связях с иностранной разведкой и пр., т. е. теми обвинениями, которые позднее легли в основу шахтинского процесса. С этой точки зрения весьма характерен факт, приводимый Ю. Голандом. В 1923 г. на одном из заседаний зампредседателя ГПУ И. Уншлихт, доказывая существование экономической контрреволюции, в которой будто бы активное участие принимали специалисты, заявил: «Я не говорю, что во всех мелких повседневных случаях она (имеется в виду экономическая контрреволюция — *Ю.И.*) наблюдается, но что такое стремление имеется налицо, что имеется определенная крупная организация за границей, которая себе эту цель ставит, что она связана со спецами — это несомненно. Работа по выяснению этого настолько трудна, что в настоящее время невозможно точно доказать существование такой организации» (Там же. С. 136).

При опыте Уншлихта «доказать» существование подобной организации не составляло труда. Но в 1923 это было еще не ко времени — заменить тогда беспартийных специалистов было некем. «Мы имеем, — говорил в апреле 1927 г. председатель ВСНХ Лобов, — в нашей промышленности случаи такого порядка, когда на двух трестах — стекольном и фарфоро-фаянсовом есть только один инженер — строитель-путеец, а на фабриках с количеством рабочих в 500 — 600 чел. руководит мастер, и нет ни одного теплотехника. В ряде трестов, в ряде предприятий нашей промышленности мы имеем полное отсутствие технической силы... По лесной промышленности на 84 заводах — 25 лиц с высшим образованием, по рыбной — в 79 заведениях — 2 чел; по маслобойной обеспечение инженерами равно 20%, по всей местной промышленности только 21% всего административно-хозяйственного персонала с высшим образованием» (РСФСР. Всероссийский XIII съезд советов... С. 166).

Естественно, что в 1923 г. дефицит указанных специалистов был, по-видимому, большим. Чтобы избавиться от специалистов с дореволюционной выучкой и заменить их, требовалось подготовить новых, способных заместить руководящие должности «единой фабрики». В связи с этим уже весной 1924 г. в технические высшие учебные заведения стали принимать только выпускников рабфаков, которым для поступления нужно было твердо знать лишь четыре арифметических действия с целыми числами. Впоследствии эти вновь испеченные специалисты замещали тех, кто так или иначе разделял «предрассудки» рыночной экономики.

Неосуществленный полномасштабный переход к рынку привел в годы нэпа лишь к тому, что возникли новые объективные и субъективные предпосылки для возрождения командно-административного социализма. Растущая «единая фабрика» получила новый импульс для своего развития. Ее дальнейший рост упирался в существование мелкокрестьянского производства, ликвидация которого окончательно похоронила нэп.

ГЛАВА 5

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО СОЦИАЛИЗМА (СТАЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ)

А по бокам-то все косточки русские
... Сколько их, Ванечка, знаешь ли ты?
Н.А.Некрасов

Нэп был первой в истории попыткой совместить «единую фабрику» — экономический фундамент тоталитарного социализма — с рынком. Эта попытка показала, что такое совмещение невозможно, ибо ведет к уничтожению одного из составляющих: или рынка или «единой фабрики».

Одним из идеологических выражений неизбежного противостояния «единой фабрики» и рынка стала известная формула большевиков — «кто кого»: частное производство, связанное с рынком, под ним подразумевался капитализм, или «единая фабрика», исключающая рыночные отношения, — социализм.

Последняя не могла функционировать в условиях рынка, поскольку ее отношения с контрагентами строились на директивных основах, противоречащих рыночным, ее «задачей было извлечение «прибавочной ценности в целях государственного накопления» (ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1936. Ч.1. С. 491). «Прибавочная ценность» создавалась прежде всего за счет разницы между создаваемой рабочими стоимостью и их заработной платой. Иными словами, за счет эксплуатации их труда.

До середины 20-х годов на государственных предприятиях ставки заработной платы, как правило, устанавливались на основе коллективного договора, заключенного профсоюзом и администрацией предприятия. Однако опыт показал, что профсоюзы при всей их, скажем так, лояльности к директо-

рату, не в состоянии были выдержать жесткие требования последнего относительно низких ставок оплаты труда. И как следствие — повышение в 1925 г. заработной платы при прежнем уровне производительности труда, что непосредственно сказалось «на новых массах прибавочного продукта, создаваемого внутри самой промышленности», о котором так пеклись большевики (ВКП(б) в резолюциях... М., 1936. Ч.2. С. 132).

В связи с этим уже летом 1926 г. на основе решения Политбюро ВКП(б) Совнарком в централизованном порядке пересмотрел все ставки заработной платы, лишив тем самым профсоюзы возможности участвовать в определении ее размеров. Отныне последним оставалось только одобрять принимавшиеся партией решения, призванные увеличивать, как позднее было принято говорить, масштабы социалистического накопления. Система государственного регулирования заработной платы стала характернейшей чертой сталинской модели тоталитарного социализма.

Как уже отмечалось, низкая заработная плата до некоторой степени компенсировалась устанавливаемыми государством ценами, ниже рыночных, на предметы потребления и услуги, предоставляемые рабочим. Поэтому все формы частной деятельности, функционировавшие по законам рынка, подрывали основу основ «единой фабрики» — эксплуатацию чрезвычайно дешевого труда. Частный торговец, продававший товары по рыночным ценам, которые были выше установленных государством и кооперативами, частный скупщик сельскохозяйственной продукции, предлагавший цены выше официальных, крестьянин или кустарь, пытавшийся торговать в соответствии с требованием рынка и т.д., — все они способствовали росту цен на предметы потребления и услуги, и следовательно, — удорожанию рабочей силы ибо, как известно, стоимость последней определяется стоимостью потребляемых ею товаров и услуг.

Среди товаров и услуг, которые «единая фабрика» предоставляла своим работникам, по ценам ниже рыночных, ведущее место занимал хлеб, ибо хлеб был основным продуктом питания рабочих: их потребности — элементарны и практически не выходят за рамки, обусловленные непосредственно природой, что, собственно, характерно для низкого органического строения капитала и соответствующего ему преобладания дешевого неквалифицированного труда. Ленин был прав, когда писал, что в «основе цен стоит хлеб» (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.45. С. 68). Повышение цен на хлеб было бы губительно для экономики «единой фабрики». «Подъем цен на хлеб, — писал А.Н.Малофеев, — вызвал бы повышение цен на сырье сельскохозяйственного происхождения. Высокие заготовительные цены повлекли бы за собой рост государственных розничных цен на хлеб в городах. А это в свою очередь вызвало бы ускоренный темп повышения номинальной заработной платы и неизбежный рост себестоимости промышленных товаров и цен на них. Народное хозяйство пришлось бы вести не на основе снижающихся, а на базе повышающихся цен» (Малофеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963). М., 1964. С. 122). В борьбе вокруг цен на хлеб переплетались основные противоречия новой экономической политики. Поэтому ее исход в конечном счете определил историческую судьбу нэпа.

В середине 20-х годов находившаяся у власти фракция директората во главе со Сталиным еще исходила из того, что рынок поможет преобразовать мелкое производство в деревне на принципах, отвечающих требованиям «единой фабрики», трансформировать его (посредством коллективизации) в ее составную часть. Поэтому несмотря на меры, порой принимаемые против частных предпринимателей как конкурентов «единой фабрики», реформы, призванные расширять сферу рыночных отношений, продолжались. В частности, Сталин, выступая на собрании актива Московской парторганизации (май 1925 г.), утверждал, что политическая активность крестьянства, хозяйственный рост деревни и процесс ее расслоения требуют ликвидации пережитков военного коммунизма. «Некоторые товарищи, — говорил он, — исходя из фактов дифференциации деревни, приходят к тому выводу, что основная задача партии — это разжечь классовую борьбу в деревне. Это неверно, это пустая болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии» (Сталин И.В. Соч. Т.7. С. 123).

Не правда ли, какой незнакомый Сталин! Сталин, выступающий против классовой борьбы в деревне! Но пройдет

несколько лет и он скажет: «Капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены, они сопротивляются и будут сопротивляться социализму, ибо видят, что наступают последние дни их существования. А сопротивляться они могут пока еще, так как несмотря на падение их удельного веса, абсолютно они все-таки растут: мелкая буржуазия, городская и деревенская буржуазия, выделяет из своей среды, как говорил Ленин, ежедневно, ежечасно капиталистов и капиалистиков и они, эти капиталистические элементы, принимают все меры к тому, чтобы отстоять свое существование» (Там же. Т.12. С. 37). Тех же, кто предостерегал от разжигания классовой борьбы в деревне, он обвинит в катедер-социализме (Там же. С. 33).

Но все это будет позже. А пока Сталин призывает к включению крестьян в систему хозяйственного строительства на основе рынка через кооперацию кредитную, сельскохозяйственную, потребительскую, промысловую. В первые месяцы 1925 г. был снижен сельскохозяйственный налог, хозяйственным элементам деревни (читай кулакам) предоставлялось право арендовывать землю, нанимать работников, беспрепятственно торговать на базарах и т.д.

Подобные меры были направлены на увеличение поступлений на рынок сельскохозяйственной продукции вообще и продовольственного зерна, в особенности. Однако закупки по ценам ниже рыночных разрушали тот самый рынок, который был призван обеспечивать сырьем и продовольствием «единую фабрику».

Весной 1926 г. заготовительные организации — хлебопродукт, потребительская и сельскохозяйственная кооперации — с тем чтобы обуздать рыночную стихию и исключить конкуренцию между отдельными заготовителями, заключили конвенционное соглашение, согласно которому устанавливались предельные закупочные цены и проводилось территориальное разграничение районов. В результате удалось добиться снижения заготовительных цен почти на 23%, несмотря на конкуренцию частника, скупившего 37% проданного на рынке зерна по ценам значительно выше конвенционных.

Однако, крестьянам стало невыгодно продавать зерно государственным и кооперативным организациям. Отчаянные попытки государства удержать низкие закупочные цены не давали положительного результата. В 1927/28 г. и 1928/29 г. цены на зерно продолжали расти, что повлекло за собой рост оптовых и розничных цен не только на сельскохозяйственные, но и на промышленные товары. В результате сократились те самые «ножницы» цен, которые обеспечивали функционирование «единой фабрики», ассоциировавшейся у директората с развитием социалистических производственных отношений.

Возникший экономический кризис породил кризис политический. Верхушка компартии раскололась: одни считали, что рыночные реформы себя исчерпали и возникающие проблемы следует решать путем коллективизации мелких крестьянских хозяйств (эту группировку возглавил Сталин), другие, напротив, полагали, что рыночные отношения еще можно использовать для строительства социализма (группировка Бухарина, Томского и Рыкова).

В современной литературе первых нередко называют антирыночниками, отстаивающими ценности тоталитарного социализма, вторых — рыночниками, которым был чужд тоталитарный социализм. По нашему мнению, такое деление некорректно, поскольку и те и другие своей конечной целью ставили ликвидацию частной собственности, а рост производства «единой фабрики» связывали с индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства. «Чисто производственная» точка зрения, — писал, например, Бухарин в 1928 г., — совпадает с точкой зрения «классового замещения», постепенного замещения капиталистических элементов сельского хозяйства возрастающей коллективизацией индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств и обобществлением сельскохозяйственного производства» (Бухарин Н. Заметки экономиста. М.-Л., 1928. С. 40). О том, что Бухарин и его сподвижники не были рыночниками может свидетельствовать и такое заявление Бухарина: «Процесс победы социалистических, плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья» (Бухарин Н.И. К вопросу о закономерностях переходного периода. М.-Л., 1928. С. 39).

Фактически ни один из теоретиков ВКП(б) 20-х годов так и не ответил на призыв Ленина пересмотреть точку зрения на социализм в свете рыночных отношений. Иными слова-

ми, и сталинисты, и сторонники Бухарина, Рыкова и Томского или как их принято называть правые — в своих представлениях о социализме не выходили за рамки его тоталитарных форм. Расхождения между ними носили сугубо тактический характер: одни считали, что возникший экономический кризис можно преодолеть путем ликвидации стихийных рыночных отношений, другие — путем разумного регулирования рынка, в частности поддержанием цен на низком уровне. «Главной причиной, задерживающей развитие связи между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством, — говорил Рыков, — является невыгодное соотношение цен между продуктами земледелия и продуктами промышленности... Снижение цен на изделия промышленности... является совершенно необходимой предпосылкой для общего улучшения положения всех народных масс и особенно крестьянства, так и для того, чтобы обеспечить на этой основе необходимую хозяйственную смычку между городом и деревней и быстрейшее развитие сельского хозяйства» (IV съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1927. С. 48).

Правых преследовал призрак гражданской войны, когда крестьяне с оружием в руках выступили против антирыночного курса большевиков. «Если прибегать к продразверсточным методам, — писал Бухарин относительно проводившегося по инициативе Сталина принудительного изъятия хлеба у крестьян, -то у середняцких масс теряется стимул расширять свое производство, выбрасывать больше товаров на рынок, товарооборот между городом и деревней будет сокращаться, т.е. мы с точки зрения перспективы развития проиграем наверняка» (Бухарин Н. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. М., 1928. С. 29).

Следуя традициям «Краткого курса истории ВКП(б)» борьбу сталинистов с правыми обычного изображали таким образом: партийное большинство постоянно шло за Сталиным, обеспечивая ему возможность легальными средствами устранять своих противников. Однако в действительности в происходивших схватках перевес далеко не всегда был на стороне сталинистов, что заставляло последних прибегать к иным формам борьбы.

Этот вопрос еще требует специального исследования. Поэтому рассмотрим лишь то, что, как говорится, лежит на поверхности.

В частности, в июне 1927 г. ЦИК принял постановление предусматривающее известную рыночную самостоятельность предприятий. Согласно этому постановлению, предприятиям предоставлялось право строить отношения с трестами, исходя не из спускаемых сверху директив, а из реальных цен. Предприятие получало право продавать часть своей продукции на вольном рынке, покупать на нем сырье и полуфабрикаты, оставлять себе часть прибыли, а также выпускать от имени трестов векселя, учитывать векселя покупателей, ставить на изделиях не только марку треста, но и свою марку. Тресты лишались права вмешиваться в текущее управление предприятием.

Несомненно, что комплекс, предлагаемых ЦИК мер, во многом возрождавших те отношения, которые складывались в промышленности в 1921-1922 гг., мог бы существенно оживить рыночные отношения. Однако реформа промышленности натолкнулась на отчаянное сопротивление директорского корпуса во главе с председателем ВСНХ В.В.Куйбышевым. Коммунисты-хозяйственники, как писал известный экономист А.Югов, «сумели пробудить такое опасение за отрыв национализированной промышленности от руководящих центров в случае осуществления декрета, что вся *реформа осталась на бумаге* и реорганизация промышленности фактически оказалась неосуществленной» (Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы. Берлин, 1929. С. 43).

Следует отметить, что к этому времени директорский корпус претерпел значительные изменения. Если в 1922 г. почти 70% директорского корпуса составляли так называемые буржуазные специалисты, способные самостоятельно решать производственные задачи и работать в условиях рынка (см.: Bails K. Technology and Society under Lenin and Stalin. Princeton, 1978. P. 65; Карр Э. История Советской России. М., 1989. Кн. 4. С. 37), то к началу 1928 г. большинство из них были заменены теми, чья управленческая карьера началась после революции — с партийных, профсоюзных и государственных должностей. На 1 января 1928 г. 75% из них имели лишь начальное образование (Большевик. 1928. № 8. С. 64). Поэтому, естественно, они не могли не торпедировать реформы «отрывающие национализированную промыш-

ленность от руководящих центров» и, следовательно, от партии, и оставляющие их один на один с решением производственных задач.

Этот же директорат при поддержке руководства партии торпедировал и попытку Совнаркома перейти к новой концессионной политике. Концессионное положение, разработанное Совнаркомом, предусматривало отмену прежних ограничений для иностранных инвестиций в транспорт, обрабатывающую, горную и топливную промышленность, строительство энергетических объектов, лесное и сельское хозяйство, коммунальные службы. Это положение предполагало также предоставить концессионерам право свободной продажи продукции, упорядочить налоговое обложение, заменить многочисленные государственные и местные налоги одним налогом, значительно облегчить таможенный ввоз из-за границы оборудования, инструментов, строительных материалов, сырья, обеспечить своевременное удовлетворение заявок концессионеров на вывоз прибыли в валюте (Нэп. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 267).

Предложенная Совнаркомом новая концессионная политика могла бы революционизировать постановку концессионного дела в стране, намеченная им программа привлечения иностранных инвестиций по многим параметрам соответствовала задумкам Ленина. Но она, как мы уже отметили, так и не воплотилась в закон из-за бойкота директората, справедливо опасавшегося ликвидации монополии «единой фабрики» в сфере крупного производства и конкуренции иностранных частных капиталов. Как и в случае с постановлением ЦИК о промышленной реформе директорат в вопросах концессионной политики стоял на позициях сохранения «единой фабрики» в неизменном виде.

О том какая ожесточенная борьба велась в эти годы между сталинистами и правыми свидетельствует и прошедший в апреле 1928 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). На пленуме осуждалась организованная Сталиным (не указывая самого имени Сталина) конфискация зерна у крестьян во время заготовительной кампании 1927/28 г. К «извращениям» и «перегибам» были отнесены все методы, «сползавшие» «на рельсы продразверстки», в частности, «конфискация хлебных излишков (без судебного применения 107 статьи),

запрещение внутридеревенской купли-продажи хлеба или запрещение «вольного» рынка вообще, обыски в целях «выявления» излишков, заградительные отряды, принудительное распределение облигаций крестьянского займа при расчетах за хлеб и при продаже дефицитных товаров крестьянству и т.д. (ВКП(б) в резолюциях... Ч. 2. С. 274).

Напуганные массовым недовольством крестьян, а также возможным сокращением посевов зерновых, большинство участников пленума осудили возрождавшиеся Сталиным методы военного коммунизма и призвали строить отношения с крестьянством на базе нэпа, на базе рыночных отношений. Однако противостояние «единой фабрики» рынку к этому времени стало непреодолимым. И с этой точки зрения нэп действительно себя исчерпал.

Попытки использовать в ходе заготовительной кампании 1928/29 г. рыночные механизмы закончились провалом. Раздираемое противоречиями, способное лишь на стихийные выступления крестьянство оказалось беспомощным перед организованным насилием. Предложенная Сталиным программа ликвидации индивидуального крестьянского хозяйства на базе проведения сплошной коллективизации получила поддержку директората.

Правые оказались в меньшинстве. Вскоре они признали свои ошибки. Весьма характерно в этой связи выступление Рыкова на XVI партсъезде: «Моя коренная ошибка, — заявил он, — заключалась в разрешении вопросов, связанных с отношением к деревне, с отношением к крестьянству. Если ее характеризовать коротко, то она заключалась в том, что я не дооценивал в должной мере степени тех возможностей в области обобществления сельскохозяйственного производства и ликвидации мелкобуржуазного уклада деревни, которые уже в этот период были в распоряжении партии» (XVI съезд ВКП(б). Стенографический отсчет. М.-Л., 1930. С. 156). Таким образом, тактические расхождения были сняты. Правые убедились в том, что партия располагает достаточными возможностями для ликвидации мелкобуржуазного уклада.

О том, как проводилась сплотившая партию — от правых до левых — сплошная коллективизация, написано не мало книг и статей. В них дана довольно полная картина становления колхозной деревни — невероятная жестокость и глум-

ление над крестьянином. Но есть один аспект социалистической перестройки деревни, на который не всегда обращают должное внимание — целенаправленное создание гигантской армии подневольного труда, ставшей неотъемлемой частью экономики тоталитарного социализма.

Европейская история еще не знала столь чудовищных, столь масштабных репрессий. Ужасы так талантливо описанного Марксом периода первоначального накопления капитала блекнут перед ужасами периода строительства основ социализма. Пожалуй, никогда еще так значимо не проявлялось противоречие человеческого прогресса — осознание ценности человека per se — с одной стороны, и насилие, уничтожающее этого человека — с другой.

То, что на первый взгляд могло показаться пароксимальным приступом бессмысленной жестокости или карьеризма — раскулачиванию подверглись не 2-3% крестьянских дворов, которые действительно составляли так называемую кулацкую прослойку, а 10-15%, а то и 25% — на самом дели было хладнокровно разработанной программой, призванной обеспечить рабским трудом заключенных и спецпереселенцев стройки социализма. Так, в частности, созданная 11 марта 1931 г. комиссия во главе с зампредсовнаркома А.А.Андреевым (в ее состав вошли П.П.Постышев, Г.Г. Ягода и ряд ответственных сотрудников ОГПУ) «рассматривала заявки хозяйственных органов на рабочую силу кулаков, заслушивала доклады о ходе раскулачивания и выселения кулацких семей, составляла политические обзоры по собственному материалу и направляла их в руководящие партийные и государственные органы» (Российская повседневность 1921-1941 гг. Новые подходы. СПб, 1995. С. 50-51). Из протокола заседания этой комиссии, например, 8 июля 1931 г. следует, что удовлетворен «запрос Востокугля на 1000 переселенцев для Черемховского бассейна за счет жителей Башкирии, срок отправки которых был ограничен с 30 июля по 1 августа; на 2000 спецпереселенцев для Анжеро-Судженских копей Кузбасса также за счет башкирских крестьян со сроком отправки с 18 по 24 июля; на 3000 семей для Прокопьевского рудника Кузбасса вновь за счет Башкирии с отправкой 28 июля — 3 августа и на 5000 семей для углепредприятий Минусинского района за чет внутреннего восточно-сибирского спецпереселения в срок с 15 по 20 июля» (Там же). Комиссии было дано право распоряжаться жизнью и судьбой сотен тысяч крестьян, вся «вина» которых заключалась лишь в том, что тоталитарному государству была нужна сверхдешевая рабочая сила.

На основе решений комиссии составлялись разнарядки на выселение того или иного числа раскулаченных. При этом принимались меры к тому, чтобы среди них в первую очередь были трудоспособные. В инструкциях по раскулачиванию специально оговаривалось, что выселению подлежат только те кулацкие семьи, которые имеют работоспособных мужчин (Неизвестная Россия. М., 1992. С. 190). При выселении иногда отсеивали «семьи из глубоких стариков и старух, беременных женщин, инвалидов на костылях» (Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 129). В 1931 г. родственникам репрессированных было разрешено брать на свое иждивение нетрудоспособных членов семьи спецпереселенцев, тем самым государство освобождалось от необходимости расходовать средства на их содержание (Спецпереселенцы в Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 9). Тоталитарному государству нужны были только те, кто был способен работать.

В период массированного «наступления социализма по всему фронту» система содержания заключенных подверглась коренной ломке. В 1928 г., по свидетельству бывшего сотрудника ГПУ Киселева-Громова, несмотря на то, что в концентрационных лагерях содержалось всего около 30 тыс. чел., многих из заключенных нельзя было трудоустроить из-за конкуренции безработных, поэтому на их содержание необходимы были дотации из государственного и местных бюджетов. В 20-е годы законодательство еще запрещало надевать на заключенных цепи и кандалы, применять строгое одиночное заключение, лишать находившихся в изоляции пищи и посещений, а юристами широко пропагандировались идеи о том, что принудительный труд заключенных по сути рабский труд, и что он не совместим с ценностями гуманизма. Положение в корне изменилось в годы первой пятилетки, когда в стране развернулось большое строительство. По некоторым оценкам уже в 1931 г. число заключенных составило порядка 2 млн. чел. Принудительный труд заключенных (разумеется в «воспитательных целях») был провозглашен офи-

циальной доктриной страны, строящей социализм. «Возможности применения исправительно-трудового воздействия значительно выросли на данном этапе... — заявлял секретарь ЦК ВКП(б) П.П.Постышев. — Если несколько лет тому назад труд осужденных в допрах и исправительных домах не всегда можно было использовать потому, что не было еще такого размаха социалистической стройки и даже на воле были десятки тысяч рабочих, не находивших полезного применения своему труду, то сейчас это затруднение отпало (Советская юстиция. 1932. № 33. С. 19).

Переход к широкому использованию труда заключенных происходил отнюдь не спонтанно. Первый закон, разрешавший применение принудительного труда репрессированных был издан 26 мая 1928 г., когда безработица была еще, что называется, в полном разгаре. Во исполнение закона Наркомюст в июне того же года издал распоряжение об обязательном использовании принудительного труда всех заключенных. В 1929 г. специальная комиссия под председательством Янсона по поручению Сталина разработала план «развертывания сети» исправительно-трудовых лагерей. Положение о лагерях было утверждено 7 апреля 1930 г., когда кампания по раскулачиванию деревни уже началась (30-е годы. Взгляд из сегодня. М., 1990. С. 87).

В короткий срок в стране была создана широкая сеть так называемых исправительно-трудовых учреждений, включая колонии для подростков. В исправительно-трудовые учреждения направлялись раскулаченные, нэпманы, бывшие участники партийной оппозиции и члены партий, выражавших несогласие с большевиками и т.д. Однако в первой половине 30-х годов основной контингент концентрационных лагерей составляли репрессированные крестьяне, выполнявшие наиболее физически тяжелые неквалифицированные работы.

Но «единая фабрика» нуждалась и в бесплатной квалифицированной силе. 15 мая 1930 г. ВСНХ и ОГПУ выпустили циркуляр «Об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство», в котором ставилась задача обеспечить концентрационные лагеря квалифицированными инженерами. (Вспомним известный в то время анекдот: глава ГПУ Менжинский упрекает председателя Госплана Куйбышева в слабых хозяйственных успехах. В ответ Куйбышев говорит, кабы у меня было столько инженеров, сколько у тебя! (Шитц И.И. Дневник «великого перелома». Paris, 1991. С. 191).

Как правило, объекты, на которых трудились заключенные, были расположены в глухих необжитых местах. На многих объектах не было или почти не было вольнонаемных. Так, на 27 апреля 1932 г. на строительстве Беломорско-Балтийского канала, где трудились десятки тысяч заключенных, вольнонаемный персонал насчитывал всего 60 чел. (Коровин Н.Р. Рабочий класс в 30-е годы. Иваново, 1994. С. 42).

На подобных объектах основными орудиями труда были топоры, ручные пилы, лопаты, кайла, тачки и т.д. Ценой невероятных физических затрат заключенными создавались намеченные ЦК ВКП(б) очаги цивилизации. «Наиболее враждебных и реакционных кулаков, — писал секретарь Западно-Сибирского обкома Р.Эйхе, — следует отправлять в концентрационные лагеря, в такие «отдаленные районы» Севера, как заполярные Нарым и Туруханск; все остальные должны работать в «трудовых колониях», а не оставаться в своих деревнях. За счет кулацкого труда можно будет выстроить новые дороги и предприятия в необжитых районах тайги» (Цит. по: Конквест Р. Жатва скорби. Л., 1988. С. 187).

В 1931 г. в связи с огромным объемом работ, выполняемых заключенными, главное управление исправительно-трудовыми учреждениями НКЮ РСФСР было включено в систему народнохозяйственного планирования с контрольными заданиями по производственной работе в исправительно-трудовых учреждениях и финансовым планом бездефицитного, бездотационного их существования. Отныне принудительный труд заключенных стал составной частью производственных планов государства тоталитарного социализма. Расходы на содержание одного заключенного по официальным отчетам за 1932-1933 гг. составляли треть средней ежегодной оплаты труда в Советском Союзе (см. Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. Кемерово, 1994. С. 91). Согласно данным, приведенным Д.Даллиным и Б.Николаевским, в 1932-1933 гг. содержание заключенного обходилось в 500 руб. в год, тогда как средняя зарплата по стране равнялась 1496 руб. в год (Dallin D., Nicalaevsky B. Forced labor in Soviet Russia. New Haven, 1947. P.88).

В 1933 г. дневная норма продовольствия заключенного составляла 473 г. хлеба, 30,1 г. крупы, 7,3 г. сахара и 75,4 г. рыбы (Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928-1935 гг. М., 1993. С. 106). На манипулировании такими нормами питания строилась вся система поощрений и наказаний сталинского руководства. Микоян, делясь своими впечатлениями о работе заключенных на Беломорстрое, говорил: «Работают здорово! А все почему? Снабжение зависит от работы. Хорошо работаешь — можно письма из дома получать, жену из дома выписать. Лучше работаешь — можно два раза выписать, а другой не может» (Там же. С. 34).

Все методы повышения производительности труда, действующие в стране для вольных рабочих, использовались и в трудовых лагерях. Здесь также создавались «ударные бригады». Когда же работа была «особенно срочной» и должна была быть выполнена в срок, заключенные якобы «по своей инициативе и желанию» предлагали продлить рабочий день до 12-15 часов» (Там же. С. 29). Не случайно журнал «Советская юстиция», чтобы привлечь внимание читателей жирным шрифтом опубликовал лозунг: «Лишенные свободы несут, распространяют, развивают социалистическое соревнование и ударничество» (1934. № 2. С. 20).

Официальная доктрина, в частности Л.Коганович, утверждала, что «социалистическое соревнование закладывает основы отмирания принудительного труда» (Davies R. The Soviet economy in turmoil 1929-1930. Cambridge, 1989). Тем же, кто в эту доктрину не вписывался — не выполнял нормы, отказывался по каким-либо причинам работать — были уготованы карцеры, сокращенные нормы питания (утром жидкая баланда, вечером — 250 г. хлеба), обрекавшие на голодную смерть. Если же заключенный несколько раз отказывался от работы, его судили, нередко приговаривая к смертной казни. Такая же участь постигала и тех, у кого норма выработки была меньше 30%. «Основная цель манипуляции питанием в концентрационных лагерях, — пишут Д.Даллин и Б.Николаевский, — заключалась в том, чтобы заключенный, находясь в полуголодном состоянии, соглашался больше трудиться в надежде на хоть какое-то улучшение своего мизерного питания (Dallin D., Nicolaevsky B. Forced labor... P. 9).

Действовали и другие меры наказания для тех, кто не выполнял трудовые нормы. Так, в Карелии «на производственных командировках за невыполнение уроков заключенных зимой оставляли на ночь в лесу, где они отмораживали себе конечности... В командировке «Красная горка» на морозе было поставлено на камень 300 заключенных. Из них 150 отморозили себе руки и ноги, после чего им ампутировали конечности» (Их называли КР. Петрозаводск, 1992. С. 13).

Ужасной была и участь спецпереселенцев. Их как скот в пароходных трюмах, железнодорожных вагонах доставляли до места назначения. В вагонах перевозили по 40-50 чел. — мужчин, женщин, детей. Спертый воздух, зловонье стоявших здесь же параш, на десять человек в сутки — буханка хлеба и полведра чая или жидкой похлебки (хотя и не каждый день), иногда вместо чая или похлебки — вода (Конквест Р. Жатва скорби... С. 210-211).

Добравшихся до места назначения обессиленных от голода, плохо одетых людей расселяли по поселкам, коменданту поселка в помощь придавались 2-3 стрелка. Без разрешения коменданта спецпереселенцы не могли выходить за пределы поселка. Он же следил за выполнением ими трудовых норм и правил установленного распорядка. К провинившимся применялись аресты, штрафы, переводы в другие поселки, снятие с работы на 2 месяца с уменьшением норм питания и т.д.

Спецпереселенцы были лишены элементарных человеческих прав: им запрещалось вступать в браки с теми, кто находится на «вольном» положении.

Нормы питания, установленные для спецпереселенцев обрекали их на хроническое голодание. Например, паек в северных спецпоселках составлял для выполнявших норму 600 г. хлеба в день, для невыполнившим — 400 г., для штрафников — 200 г. в день (Конквест Р.Жатва скорби... С. 212). Согласно распоряжению начальника главного управления ОГПУ Когана от 9 августа 1931 г. дневная норма на одного члена семьи спецпереселенца, занятого в промышленности, составляла 300 г. муки, 30 г. крупы, 75 г. рыбы и 12 г. сахара, в сельском хозяйстве — 200 г. муки, 25 г. крупы, 75 г. рыбы и 12 г. сахара (Неизвестная Россия... С. 232). Однако на деле переселенцы получали еще меньше, так как царивший произвол открывал широкий простор для разворовывания про-

довольствия. В отчетах комиссии ОГПУ по Уралу приводились данные о том, что на переселенческих участках «семьи и трудоспособные питались травой, для выпечки хлеба с мукой смешивали траву, древесные опилки, гнилое дерево, мелкие щепки, мох» (Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20-х — 30-х годов. М., 1990. С. 43).

Подобного рода данные власть могла извлечь и из жалоб спецпереселенцев в официальные инстанции. «Бараки наши ломаются, — писали они наркому юстиции Крыленко, — живем в большой опасности. Бараки все обвалены дерьмом, народ мрет, оттаскиваем пю 30 гробов в день. Ничего нет ни дров для бараков, ни кипятку, ни приварка, ни бани для чистоты, а только дают по 300 грамм хлеба в день и все» (Неизвестная Россия. М., 1992. Т. 1. С. 196). Еще один отрывок из письма спецпереселенцев участка № 8 особого назначения Сталинского округа Котельникового района: «Уже 5 месяцев как выселены и стали не похожи на людей; питаемся травой, а хлеба нам не выдают, а заработать нам негде. Мы отрезаны от всего мира, пухлые от голода, а дети совсем при таком пропитании не могут жить и умирают... В настоящее время мы как скелеты. На нас пахали в апреле месяце, когда мы были еще в силе, а в настоящий момент мы уже еле ходим, а в апреле мы еще старались, пахали, тащили 24 человека плуг» (Там же).

Концентрационные лагеря и спецпоселения по сути были филиалами «единой фабрики», где непосредственный производитель находился на положении раба, в отношении которого начальник лагеря — директор в погонах — обладал неограниченным правом принуждения к труду. Тоталитарный режим подобно молоху перемалывал свои жертвы, требуя все новых и новых, и они находились — «враги народа», «социально чуждые элементы», бывшие пленные фашистских лагерей и их семьи. Историческим следствием раскулачивания, ликвидации мелкого крестьянского производства, явилось возникновение, с одной стороны, гигантской армии подневольного труда, с другой — колхозного строя в деревне.

Одним из аргументов необходимости проведения сплошной коллективизации, которые выдвигала партия, был такой аргумент: «... мелкое крестьянское хозяйство не в силах принять и освоить новую технику, не в силах поднять в достаточной степени производительность труда, не в силах увеличить в достаточной мере товарность сельского хозяйства». На этой основе делался вывод: «...остается один путь, путь насаждения крупных хозяйств, вооруженных современной техникой» (XVI съезд ВКП(б)... С. 29).

Неверно думать, что потенциальные возможности индивидуального крестьянского хозяйства были неведомы в нашей стране. Например, А.Чаянов еще в начале 20-х годов полагал, что «сельскохозяйственный кооператив является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его и без такого хозяйства не имеет смысла», что дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства должно быть обусловлено ростом такой кооперации, позволяющей использовать научные и технические достижения (Чаянов А. Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 9).

Единственно в чем кооперированные индивидуальные крестьянские хозяйства не могли конкурировать с колхозом, так это в продаже за бесценок сельскохозяйственной продукции «единой фабрике». Но для директората данное обстоятельство было решающим. Именно оно определило судьбу мелкого крестьянского производства, породив не одно теоретическое обоснование ограниченных возможностей крестьянского хозяйства.

В результате проведенной коллективизации вместо миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств возникло около двухсот тысяч колхозов. В конце 1932 г. один колхоз объединял в среднем 71 двор с посевной площадью 434 га. Его техническая база оставалась преимущественно старой, приспособленной лишь к ведению мелких индивидуальных хозяйств. О ее состоянии можно судить, например, по тому, что «в 1928 г. свыше 70% площадей под яровыми культурами засеивались ручным способом, около 45% всех зерновых убиралось серпами и косами, более 40% всего урожая обмолачивалось цепами и валками. В деревне имелось 5 млн. деревянных сох» (Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 19). Та современная техника, которая предоставлялась деревне в ходе коллективизации, была каплей в море примитивного крестьянского инвентаря. «Даже тем районам, — пишет Н.А.Иваницкий, — где полным ходом проводилась сплошная коллективизация,

выделялся один трактор на 10-15 колхозов, что касается остальных районов, то здесь один новый трактор приходился на 50-60 колхозов» (Иваницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 75).

Примитивная техническая база служила материальной основой полунатурального производства, которое в условиях колхозного строя приобрело своеобразный характер. Колхозная земля делилась на общественное поле и приусадебные участки, в основном за их счет семьи колхозников обеспечивали себя продовольствием. Эти участки стали придатками общественного колхозного производства, призванного обслуживать нужды «единой фабрики». Произведенная на общественных полях продукция по сути изымалась в пользу последней, поскольку государственные закупочные цены были в 10-12 раз ниже рыночных и зачастую едва ли покрывали 20% издержек производства продукции, поступавшей государству (Верт Н. История советского государства. М., 1994. С. 215). В 1930-1931 гг. за сданный пуд хлеба крестьянин мог приобрести промтоваров лишь на 30-40 коп. В 1931 г. крестьянину, чтобы купить яловые сапоги нужно было сдать 100 пудов хлеба (Осокина Е.А. Иерархия потребления... С. 45). По существу здесь мы имеем дело с продолжением уже в новых условиях все той же политики, которую партия проводила в деревне в годы военного коммунизма и нэпа, — закупки, а практически изъятие продукции у крестьян по ценам ниже рыночных только теперь в неизмеримо больших по сравнению с прошлым масштабах.

В начале 30-х годов сталинское руководство попыталось ограничить потребление колхозников продукцией, получаемой ими с приусадебных участков. Постановление Совнаркома «О мерах об отмене зерновых фондов в колхозах» от 16 октября 1931 г. запрещало создавать запасы зерна для внутреннего потребления до тех пор, пока госпоставки не будут выполнены. Тех местных руководителей, которые пытались сохранить в хозяйствах хотя бы семенные фонды, циркуляр от 7 декабря 1932 г., подписанный Сталиным, предлагал исключать из партии, немедленно арестовывать и подвергать тюремному заключению от 5 до 10 лет (30-е годы. Взгляд из сегодня. С. 52). В этом же, 1932, году был опубликован печально известный закон о «колосках», по которому расхищение общественной собственности каралось лишением свободы до 10 лет или смертной казнью. В связи с этим суды оказались загруженными, как юристы цинично называли тогда, делами «парикмахеров» — голодных колхозников и их детей, вся вина которых заключалась в том, что они срывали колоски на колхозных полях. Как писал журнал «Советская юстиция», по закону об охране общественной собственности осуждали на 10 лет за кражу нескольких огурцов, килограмма хлеба, пары яиц, качана капусты (1934. № 2). Только за неполных 5 месяцев по этому закону было осуждено около 55 тыс. чел., из них свыше 2 тыс. было приговорено к расстрелу.

Полное из года в год изъятие зерна в конце концов привело к голоду. В 1932-1933 гг. погибло около 6 млн. чел., отмечены были случаи людоедства и трупоедства. Но сталинское руководство делало вид, что никакого голода нет, что все это слухи, распространяемые врагами социализма. В директиве от 22 января 1933 г. Сталин и Молотов объясняли бегство крестьян из голодающих районов происками контрреволюционеров. «Этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, — писали они, — организован врагами советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации... против советской власти» (Цит. по: Иваницкий Н.А. Коллективизация... С. 204). Воистину, как говорили римляне, клеветать следует дерзко, тогда что-нибудь наверняка прилипнет. Власть запрещала оказывать помощь голодающим, выставляла вооруженные заградотряды на пути спасавшихся от голода людей, семенные и продовольственные ссуды в виде общественного питания выделялись только тем, кто работал на севе, и, как правило, ничего не выделялось тем, кто был нетрудоспособен — старикам, детям и т.д.

Если учесть, что более трети из 9,5 млн. репрессированных крестьян, по данным Дм. Волкогонова, были «расстреляны, замучены, сгинули на этапе, умерли в стылой Сибири и на бескрайнем Севере» (Волкогонов Дм. Семь вождей. М., 1995. Кн. 1. С. 194-195), то вместе с погибшими от голода 1932-1933 гг. число жертв коллективизации составит порядка 10 млн. чел. А это больше, чем потери населения страны за годы иностранной интервенции и гражданской войны, — тогда они составили 8 млн. чел. Уже в 1933 г. по данным

Центрального управления народнохозяйственного учета число умерших превысило число родившихся на 1 млн. 315 тыс. чел. (Осокина Е.А. Иерархия потребления... С. 28-29). А ведь это было только начало реализации мер, направленных на ускоренное производство прибавочной стоимости.

Голод 1932-1933 гг. заставил режим несколько ослабить пресс обязательных поставок зерна государству. В марте 1933 г. было принято постановление, предписывавшее 10% намолоченного зерна от районного плана по хлебозаготовкам еще до сдачи зерна государству распределять среди колхозников в качестве аванса за работу. Однако после того, как колхоз выполнял план госпоставок и засыпал семенной фонд, колхознику, кроме полученного аванса, мало что доставалось (см. Fitzpatrick Sh. Stalin's peasants. N.Y., 1994. P. 72). На один трудодень начислялось обычно 3-4 коп. и 100-200 г зерна (Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря... С. 93).

Приусадебный участок продолжал оставаться основным источником существования семьи колхозника, обеспечивая ему 2/3 дохода, зерно выдавалось на трудодни из расчета в среднем 116 трудодней в год. Что касается денежных доходов, то менее 10% из них поступало в виде вознаграждения за труд на колхозных полях. Остальное составляли доходы от продаж продукции подворья и приработков на стороне. Нередки были случаи, когда колхозы вообще не выплачивали колхозникам денег. Даже в 1940 г. в целом по стране 12% колхозов не начисляли денег колхозникам на трудодни. Но по отдельным областям этот показатель мог быть значительно выше. Например, в Тамбовской области он составил 26%, в Рязанской — 41% (Там же. С. 147).

Помимо выполнения сельскохозяйственных работ на общественных полях, колхозники были обязаны 6 дней в году трудиться на гужевых перевозках. За этот труд им обычно ничего не платили, однако в случае отказа от работы с них взимался штраф — до десятикратной стоимости невыполненного задания. Но хуже всего было тем, кто находился в колхозах, расположенных в районах лесозаготовок. Их обязывали трудиться на лесоповале и вывозе леса. В начале 30-х годов, когда мировые цены на зерно значительно снизились, лес стал основным источником валютных поступлений или, как тогда говорили, валютным цехом страны, а вместе с ним и

проклятием не только сотен тысяч заключенных и спецпереселенцев, но и колхозников.

О том, в каких условиях приходилось работать последним свидетельствуют материалы обследования, проведенного Картошевым в 1927/28 г. В последующие годы их труд не претерпел существенных изменений. «Бараки для лесорубов, — пишет Картошев, — строятся из сырого леса, покрываются дерном или землей. В стенах щели ... Нары одноярусные и двуярусные. Местами и нар нет и лесорубы спят на полу. Нары зачастую сплошные без проходов, неровно застеленные. Во многих бараках нет совершенно столов, скамеек, полок, умывальников, кипятильников, кадок для воды и ковшей. Помещений для сушки одежды и обуви нет. Бараки переполнены сверх всяких норм» (Вопросы труда. 1929. № 3-4. С. 191). Картошев также пишет, что крестьяне работают от восхода до заката солнца, что продукты, которыми их снабжают хозорганы, недоброкачественны, продаются по чрезмерно высокой цене и их явно не хватает (Там же. С. 192-193).

Не правда ли, условия труда и быта «вольных» лесорубов во многом совпадали с условиями труда и быта спецпереселенцев. Подобное было возможно во многом потому, что жизненные притязания большинства крестьян были чрезвычайно ограничены, последнее позволяло им так или иначе адаптироваться к тяжелейшим условиям своего существования, чем, естественно, пользовался директорат.

Исходя из данных о потреблении деревней продовольствия, нередко делают вывод, что после коллективизации она стала жить хуже. Например, Ш. Фитцпатрик, пишет, что в 1937 г. «колхозники потребляли многие продукты меньше, чем в 1923/24 г. Потребление продуктов животноводства составляло не многим более половины уровня 1923/24 г., зерна и мяса они потребляли также меньше, что восполнялось возросшим потреблением картофеля» (Fitzpatrick Sh. Stalin's peasants ... P. 131). Колхозник, получая мизерное вознаграждение за свой труд на общественных полях, был мало заинтересован в результатах своего труда. Поэтому, чтобы заставить его трудиться требовалось внеэкономическое принуждение. Одним из таких внеэкономических принуждений стал паспорт (введен в 1932 г.), который крестьяне не могли по-

лучить без разрешения колхозного правления. Таким образом они лишались права жить и трудиться вне колхоза, оказываясь пожизненно прикрепленными к колхозам, подобно тому, как в свое время были пожизненно приписаны к мануфактурам посессионные крестьяне. Отныне для миллионов крестьян труд на колхозных полях превратился в пожизненную обязанность.

Фиксируя внимание на бедственном положении крестьян в период развернутого социалистического наступления, мы порой упускаем из вида положение рабочих и служащих. Оно было не легче.

В условиях экономического кризиса и острого дефицита товаров потребления для рабочего определяющим стало не то, сколько он получает денег, а то, что он может на них приобрести. Первые признаки дефицита появились еще в 1927 г., когда у магазинов образовались огромные очереди. Например, в Нижегородской губернии в очередь за мануфактурой выстраивалось по 700 и более человек. Отмечались случаи, когда в очередях из-за давки гибли люди. В связи с этим на крупных предприятиях была организована распродажа товаров по спискам, открыты распределители, где товары продавались только по предъявлению книжки члена рабочего кооператива (Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991. С. 64, 74). В 1928-1929 гг. была введена карточная система, которой предшествовала нормированная продажа хлеба в Москве и Ленинграде. Нормы продажи товаров по карточкам постоянно сокращались, сокращался и ассортимент товаров. Так, во втором квартале 1932 г. на основе решения ЦК ВКП(б) была отменена продажа по карточкам рыбы, кондитерских изделий, яиц, овощей молока, сыра и других продуктов. Отныне распределению по карточкам подлежали лишь 6 основных продуктов питания: хлеб, крупа, мясо, сельдь, сахар, животные и растительные жиры.

Рабочие голодали. Вот что, в частности, писали рабочие Ижевского завода в августе 1930 г. Рыкову: «Просим вас от имени 50 тыс. рабочих Ижевского завода спасите нас от голода. Столовые закрываются, дают воду с овсяной крупной и немного хлеба. В магазинах дают по полфунта черного хлеба или муки на человека, больше уже ничего не дают вот уже месяц (а ведь 1930 г. был рекордным по сбору урожая, но собранное зерно вывозилось за границу. — *Ю.И.*). Мы пухнем от голода, работать нет сил... Рабочие бегут с производства, продают все с себя, лишь бы прокормить детей» (Цит. по: Осокина Е.А. Иерархия потребления...С. 42).

Голод давал возможность директорату, следуя ленинской формуле, — распределение продовольствия «есть метод, орудие, средство для повышения производства» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 359) — добиваться с ничтожными затратами повышения производительности труда. За выданное дополнительно продовольствие (в небольшом количестве) голодные люди соглашались повысить выработку. В соответствии с директивами Центросоюза, Наркомснаба и ВЦСПС ударникам производства предусматривалось повышение установленной нормы по мясу — на 25% и по жирам — на 50%, увеличивалось также количество дней с мясными обедами, в первую очередь распределялись дефицитные товары. Но предоставить льготы всем ударникам оказалось невозможно. Уже в 1931 г. 2/3, а в 1935 г. 3/4 рабочих официально считались участниками социалистического соревнования, при этом почти половина всех рабочих — ударниками (Andrle W. Workers in Stalin's Russia. N.Y., 1976. P. 174). Но льготы получали лишь 12%.

В 1932 г. возможности использования нормированной выдачи продовольствия как средства повышения производительности труда расширились: нормированные товары теперь реализовывались только через закрытые заводские распределители. Предприятия выдавали карточки своим работникам, а их отоваривание производили с учетом результатов труда последних.

В годы первой пятилетки обострилась и жилищная проблема в городах. С 1928 г. по 1932 г. население городов увеличилось на 44%. За 5 лет прирост оставил столько, сколько за предыдущие 30 лет. Из 12,5 млн. новых рабочих и служащих — 8,5 млн. были выходцами из деревни. Нормы «жилого обеспечения рабочих, по данным обследований, были ниже общегородских норм на 23%» (Маркус Б. Основные вопросы труда в пятилетке. М.-Л., б/г. С. 45). В официальном издании «Труд в СССР», отмечалось, что «значительная часть притока размещается по углам, причем частично за счет новых рабочих кадров происходят самоуплотнения рабочих,

разместившихся в кооперативных домах, а также у индивидуальных застройщиков, которые путем сдачи углов под наем стараются возместить расходы по постройке, совершенно пренебрегая санитарно-гигиеническими условиями» (М., 1930. С. 61). Не имея места ночлега, рабочие порой ночевали в цехах или на вокзалах. По той же причине многие из них (особенно на периферии) снимали углы в крестьянских избах близлежащих деревень.

Еще в годы нэпы многие рабочие жили в общежитиях — в 1925/26 г. — четверть всего рабочего класса (Рашин А. Заработная плата за восстановительный период хозяйства. М., 1928. С. 61). В рассматриваемый же период их доля, несомненно, увеличилась.

Особенно тяжелыми жилищные условия были на новостройках, где рабочие ночевали в бараках так называемого облегченного типа — дощатых, земляных, саманных. Но и они были перенаселены. В 1932 г., например, в Новокузнецке на одного человека приходилось всего 1,27 м^2. Это меньше площади могилы. «В бараках были заняты под жилье все подсобные помещения, — пишет В.И. Исаев, — сушильные, умывальные комнаты, и т.п. семейные жили вместе с одинокими. Спали на топчанах, часто не было даже матрацев, не говоря уже о постельном белье. Не хватало столов, табуреток. В бараках разводились насекомые» (Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937. Новосибирск, 1988. С. 44). «Бараков не хватало, — писал И. Эренбург о жизни строителей Кузнецкого комбината. — Семья спала на одной койке. Люди чесались, обнимались и плодились в темноте. Они развешивали вокруг коек трухлявое, зловонное тряпье, пытались оградить свои ноги от чужих глаз» (Эренбург И. Собр. соч. М., 1964. Т. 3. С. 153).

На новостройках никто не беспокоился о том, как живут рабочие. «Мы просмотрели, — пишет З. Мордухович, — материалы, протоколы, заключения инспекций труда по проектам новых заводов. Типичные заключения по вопросам жилищного строительства были таковы: «принять к сведению заявления администрации, что жилищами рабочие будут обеспечены», «принять к сведению, что рабочая сила будет набираться из окружающих деревень, так что вопрос об обеспечении ее жилищем отпадает» (Мордухович З. На борьбу с текучестью... С. 75). Это были фактически формальные отписки, позволявшие директорату закрывать глаза на то, что рабочие живут в невероятной тесноте и грязи, что из всех радостей жизни им оставались плотские наслаждения и пьянство, благо водка продавалась на каждом шагу.

Реальный жизненный уровень рабочих тщательно скрывался. Констатация того, что заработная плата безудержно падает, рассматривалась (в частности, Молотовым) как кадетско-меньшевистский выпад (Kyromia H. Stalin‘s industrial revolution... P. 230). Сталин уверял: «...реальная заработная плата у нас все же неуклонно повышается из года в год». По его оценке к середине 1930 г. «реальная заработная плата рабочих, считая социальное страхование и отчисления от прибылей в фонд улучшения быта рабочих выросла в отношении довоенного уровня до 16,7%» (Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 297, 296).

То, что это, скажем так, не соответствовало действительности, сегодня не вызывает сомнения. Но есть одно обстоятельство, на которое стоит обратить внимание. С точки зрения директората «единой фабрики» затраты на социальное страхование и отчисления из фонда улучшения быта рабочих, как и заработная плата — это расходы из одного и того же кармана. При капитализме же такие расходы выплачиваются из разных карманов: заработная плата — предпринимателем, расходы по социальному страхованию — преимущественно общественными фондами: государственными, религиозными, благотворительными и т.д. Сталинская методика сравнения реальных заработных плат в СССР и странах Запада учитывала расходы на социальное страхование, производившиеся только в СССР. Естественно, это давало искаженные результаты.

Главной целью подобных манипуляций было доказать, что люди в других странах живут хуже, чем в Советской стране. Так, в проекте первого пятилетнего плана указывалось: «...реальный уровень жизни московского рабочего в августе 1928 г. был на несколько процентов выше, чем у берлинских рабочих. Таким образом уже теперь наш советский рабочий в Москве по своему уровню жизни выше Берлина и Парижа» (Пятилетний план народно-хозяйстенного строительства в СССР. М., 1929. Т. 2. Ч. 2. С. 15). З.С. Болотин писал: «В

действительности даже в условиях существования карточной системы уровень потребления рабочими СССР продуктов питания был значительно выше довоенного, а по целому ряду продуктов выше и существующих за границей норм питания» (Болотин З.С. Вопросы снабжения. М.-Л., 1935. С. 52). На XVII партконференции Куйбышев в докладе о втором пятилетнем плане торжественно заявил: «Примерные подсчеты норм душевого потребления в 1937 г. по отдельным наиболее важным продуктам личного потребления позволяют нам утверждать, что по уровню потребления Советский Союз будет самой передовой страной мира» (XVII конференция ВКП(б)... С. 178).

Как известно, ни в первой, ни во второй пятилетке не был достигнут даже дореволюционный уровень потребления. По данным М. Давидовича, «среднемесячная порция мужчины в полных рабочих семьях составляла: по хлебу более 30 кг. в месяц против 18,9 кг. в месяц московского — в 1935 г., соответственно сахара — 1,3 кг и 0,8 кг, растительным продуктам (картофель и овощи) — 17 кг. против 15,6 кг... (см.: Осокина Е.А. Иерархия потребления... С. 40). Данную точку зрения разделяют и другие специалисты. Н.Р. Коровин, утверждает, что в 1935 г. уровень 1913 г. по заработной плате и потреблению продуктов питания еще не был достигнут. Это относится по существу ко всем рабочим России (Коровин Н.Р. Рабочий класс в 30-е годы. Иваново, 1994. С. 61). Д. Филтзер пишет: «К 1937 г. реальная зарплата составляла около 60% уровня 1928 г. Однако стоимость товаров и услуг, потреблявшихся одним горожанином, была всего на 6% меньше, чем в 1928 г., так как в семьях стало больше зарабатывающих и меньше иждивенцев» (Filtzer D. Soviet workers and Stalinist Industrialization. The Formation of Modern soviet production relations 1928-1941. L., 1986. P. 125). По мнению ряда специалистов, довоенный уровень реальной заработной платы был достигнут только к 1940 г. (см., например: Антонов-Овсеенко А. Сталин без маски. М., 1990. С. 123).

Все это свидетельствует о том, что в условиях тоталитаризма директорат успешнее, чем капиталисты дореволюционной России, смог удерживать зарплату в границах минимальной стоимости рабочей силы, соответствующей стоимости лишь физически необходимых жизненных средств. В середине 30-х годов, несмотря на экономическую депрессию, потребление товаров и услуг рабочими и служащими почти во всех странах мира было выше довоенного. Например, в 1935 г. по сравнению с 1913/14 г. в Германии оно составило 123%, во Франции — 483%, в Англии — 143%, в Финляндии — 997% и т.д. (Annuare des Statistiques du travail 1935-1936. Geneva, 1936).

Снижение жизненного уровня населения в годы первой пятилетки вынуждало других членов рабочей семьи, помимо ее основного кормилеца, который все меньше был в состоянии ее прокормить, искать работу по найму. Хотя совокупный заработок при этом возрастал, его увеличение не шло ни в какое сравнение с совокупным ростом прибавочной стоимости, создавшейся семьей. Вовлечение членов семьи в работу по найму отмечал еще Маркс. «Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, — писал он, — машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины на всю семью. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы... Таким образом, машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей ареной капиталистической эксплуатации, с самого начала увеличивают и степень эксплутатации» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 406-407).

Как известно, машины исторически создали возможность для широкого вовлечения женщин в сферу индустриального производства. Так было на Западе, так было и в России. До 1928 г. в России использование женского труда в промышленности ограничивалось в основном текстильной и швейной промышленностью, где работницы на машинах выполняли операции, близкие к кругу привычных домашних работ. Безработица среди мужчин в это время суживала границы применения труда женщин. В 1928 г. в семье из 4-х человек число работающих составляло всего 1,23 (Баевский И. Жизненный уровень рабочих СССР. М., 1933. С. 39).

Положение изменилось в годы первой пятилетки, когда открылись возможности использовать женский труд на подсобных немеханизированных работах, бывших до этого монополией мужчин. С 1928 г. по 1932 г. только в промышленности число женщин возросло с 726 тыс. до 1736 тыс. чел., а их удельный вес среди индустриальных рабочих поднялся с 28,7% до 32,9% (Серебренников Г.П. Женский труд в СССР.

М.-Л., 1934. С. 71). Теперь труд женщин все шире стал применяться в тяжелой индустрии, включая горную. В частности, в угольной промышленности их доля среди занятых возросла с 8,4% в 1930 г. до 17,7% в 1932 г., в металлургии соответствующие показатели составили 9% и 17,8%, в машиностроении — 7,1% и 16,8%. Женщины стали заметными фигурами не только в тяжелой промышленности, но и на стройках, лесоповале и т.д. Только на лесоразработках удельный вес женщин достиг 30,2% (Там же. С. 72). Уже в 1931 г. число работающих в рабочих семьях из 4-х человек составляло 1,54, это было свидетельством того, что время, когда в семье работал только глава семьи, стало уходить в прошлое.

Широкое использование женского труда, преимущественнно на низкооплачиваемых работах, требовавших значительных физических усилий, было поставлено во главу угла политики большевистской партии. «Рост промышленности на базе реконструкции и социалистической рационализации... — указывалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1929 г., — дает возможность без ущерба для функции материнства расширять применение женского труда в производстве, в том числе в тяжелой индустрии (Большевик. 1932. № 11-12. С. 110).

Чтобы доказать отсутствие «ущерба для функций материнства» при выполнении физических работ по требованию партии срочно пересматривались медицинские противопоказания. «В число «вредных работ», — как писал журнал «Большевик», — вошел ряд профессий, специфическая вредность которых для женского организма не установлена. Эти профессии были включены в список по традициям, перешедшим от старых гигиенистов — меньшевиков и меньшевиствующих» (Там же. С. 111). В русле этой кампании в ответ на запрос Наркомата труда РСФСР Северокавказский институт экономики, организации и оздоровления труда Наркомата труда РСФСР, Макеевский институт техники безопасности горных работ, Уральский институт Наркомтруда РСФСР и Московский институт имени Обуха «пришли к единодушному мнению, что в каменноугольной промышленности возможно значительное применение женского труда, в том числе и на ряде подземных работ без какого-либо вреда для женского организма» (Серебровский Г.П. Женский труд... С. 204).

Институт им. Обуха убеждал, что «недостаточный свет и пыль не могут быть противопоказанием для женского труда. Северокавказский институт экономики заявлял, что «женщины на подземных работах болеют меньше, чем занятые на поверхности» (Там же. С. 206). Тем самым был открыт зеленый свет для работы женщин под землей в качестве грузчиц, откатчиц и т.д.

Естественно, что на подобные работы принимались преимущественно молодые женщины от 17 до 23 лет. Но несмотря на молодость заболеваемость была чрезвычайно высока. В 1930 г. по данным ВЦСПС случаи временной утраты трудоспособности (без учета родов, карантина и ухода за больными) на 100 женщин составляли: в обработке металлов — 164,1, резиновой промышленности — 166,1, швейной — 211,7, обувной — 204, спичечной — 214, в табачномахорочной — 233,5, Эти цифры — неопровержимое доказательство начала уничтожения национального генофонда. Однако закон об охране женского труда не принят до сих пор. Руководителям предприятий выгодно использовать женский труд на трудоемких низкооплачиваемых работах.

Кампания по вовлечению женщин в производство проходила под лозунгом «превращения женщины из рабыни домашнего хозяйства, домашнего «очага» в производительного работника социалистического общества» (Большевик. 1930. № 17. С. 51). При этом широко пропагандировалось известное высказывание Энгельса о том, что «освобождение женщины, ее уравнение в правах с мужчиной невозможно ни сейчас, ни в будущем, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом. Освобождение женщины станет возможным, — добавлял он, — только тогда, когда она сможет в крупном общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 164).

Как это часто бывает в истории, гениальную идею опошлили ее восприемники. В самом деле, что в обществе с товарными отношениями может означать утверждение: работа по дому должна занимать женщину лишь в незначительной мере? Оно может означать лишь одно: то, что женщина рань-

ше делала по дому сама, теперь должна приобретать за деньги в виде товаров и услуг. А это подразумевает, что домашние работы должны стать разновидностью товарного производства — женщина же должна иметь денег больше, чем раньше, чтобы на них приобретать товары и услуги, переставшие быть частью ее домашних обязанностей.

Ни того, ни другого не произошло. Получая мизерную зарплату, женщина была обречена трудиться и на производстве и дома. Ее рабочий день длился 14-15 часов. Обязанности по дому не уменьшились, а, напротив, возросли, и не только в связи с острейшим дефицитом в стране продуктов потребления. В целом в 30-е годы положение женщин значительно ухудшилось.

За годы первой пятилетки рабочий класс претерпел значительные качественные изменения, что не всегда учитывают исследователи, фиксируя внимание лишь на колоссальном наплыве крестьян в города и их включении в ряды рабочего класса. Дело в том, что в 20-е годы кадровые рабочие, в частности в промышленности, составляли всего 30%. В 1928 г. из общего числа промышленного пролетариата 2,7 млн. чел. — постоянно занятых было лишь 810 тыс. чел.

В 1928 г. срок временного найма не превышал одного месяца, что вызывало колоссальную текучесть кадров. Так, в угольной промышленности — 200%, в текстильной — 30-40%.

Система временного найма была выгодна директорату, искусственно ограничивавшему прием на постоянную работу. Временный работник обходился дешевле: ему не надо было платить компенсацию при увольнении, оплачивать простой. По окончании срока найма его можно было нанять вновь, если он оказывался достаточно покладистым, если нет, заменить другим. За воротами фабрики безработных было много. К тому же дешевый труд позволял не думать о механизации производственных процессов, которая нередко обходилась дороже чрезвычайно дешевого ручного труда.

Временный найм был выгоден еще и потому, что у рабочих становилось меньше возможностей оказывать сопротивление директорату. «Главное следствие системы временного найма, — пишет Д.Филтзер, — безусловно политическое: ослабление сплоченности и боевитости рабочих. Отсутствие гарантии обеспеченности работой, ненадежность положения

на предприятии — особенно во время высокого уровня безработицы — дисциплинирует по крайней мере тех, кого временный найм затронул. Они менее способны оспаривать решения управленческого персонала. В то же время большая текучесть рабочей силы, вызванная сменяемостью работающих, ограничивает возможности роста у рабочих чувства солидарности и осознания себя частью единого рабочего коллектива» (Filtzer D. Soviet Workers... P. 27).

Как отмечает Филтзер, большая текучесть рабочей силы ограничивает возможности формирования у рабочих чувства солидарности, их организованного участия в забастовочной борьбе. Этим, между прочим, объясняется кажущийся на первый взгляд парадоксальным факт: рост числа забастовок в конце 20-х годов при одновременном сокращении числа бастующих.

До тех пор, пока уровень безработицы был высок, пока действовала система временного найма, обострявшая конкуренцию между рабочими, директорат был доволен. Однако в 30-е годы положение в корне изменилось: уровень безработицы снизился, а потребность в рабочей силе возросла. Конкуренцию за рабочее место сменила конкуренция руководителей предприятий за рабочего, угрожавшая ростом заработной платы. Если раньше администрация предприятия относилась к постоянно менявшему место работы как к вполне добропорядочному гражданину, то теперь он стал для нее «летуном», «рвачом», гоняющимся за «длинным рублем». «Многие из рабочих, — писал с возмущением З. Мордухович, — склонны даже использовать наши затруднения, в особенности дефицит в рабочей силе в личных, корыстных целях для рвачества и для погони за «длинным рублем»... Эта прослойка, как показала практика, оказывает самое отрицательное влияние на производство, дезорганизует его» (Мордухович З. На борьбу с текучестью... С. 46).

В качестве одной из мер преодоления подобного рода затруднений руководители предприятий на работу в промышленности стали привлекать крестьян. Для этого нужно было преодолеть сопротивление колхозного руководства, которое требовало уплаты в колхозный фонд до половины заработка колхозника, пытаясь тем самым регулировать уход крестьян из деревни. Крестьянин должен был уплатить «отступное» за

право работать на стороне, подобно тому, как почти сто лет назад платил оброк, уходя трудиться по найму. 16 марта 1930 г. Совнарком принял постановление «Об устранении препятствий по свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы», по которому на орган Наркомата труда возлагалась ответственность за распределение районов вербовки между отдельными хозяйственными организациями с целью избежать конкуренции между ними. Предполагалось, что в сфере деятельности вербовщиков окажется 6-8 млн. чел. Такое число свободной рабочей силы в колхозах называл Колхозный институт труда (Большевик. 1931. № 13. С. 29).

Мартовское постановление так и не решило спора между руководителями городских предприятий и председателями колхозов — кому распоряжаться свободной рабочей силой. Поставление ЦИК и Совнаркома от 30 июня 1931 г., разрешило промышленным предприятиям вербовать колхозников, освободив последних от обязанности отчислять часть своего заработка в колхозную казну, от уплаты сельхозналога. Теперь если колхозник решил работать в промышленности, то колхоз не имел права ему препятствовать, так же как и преследовать его семью, оставшуюся в деревне. Однако, колхозы по-прежнему получали плату за ушедшие «души», но теперь ее платили не колхозники, а хозяйственные организации пропорционально числу завербованных.

Постановление устранило препятствия на пути переселения крестьян в промышленные центры. 1931 г. дал наибольший приток сельского населения в города — 4 млн. чел. Как правило, это были энергичные, способные адаптироваться к новым условиям молодые люди, моложе 23 лет. В начале 30-х годов только в промышленности они составили 70%. Особенно много крестьянской молодежи пришло на новостройки. Так, в 1932 г. на строительстве Горьковского автозавода только 20% рабочих были старше 30 лет. Дефицит рабочей силы вынуждал директоров принимать работников в основном на постоянную работу, что ускорило становление кадрового состава рабочего класса. В 1931 г. в прессе практически не упоминается о временном найме.

Громадный приток неквалифицированной рабочей силы из деревни вновь оживил текучесть рабочей силы. Так, если

в 1929 г. она составляла 115,2, то в 1930 г. — 152,2, в 1931 г. — 136,8, в 1932 г. — 135,3. А это означало, что каждый рабочий в течение года в среднем увольнялся более одного раза. Среднее же время его работы на одном месте в 1929 г. составляло 10,4 месяца, в 1930 — 7,9, в 1931 — 8,8, в 1932 г. — 8,9 месяца (Filtzer D. Soviet Workers... P. 59).

Однако теперь «бегунами» сделались и квалифицированные рабочие, которые из-за снижения жизненного уровня старались найти место, где платили больше.

В связи с этим усиливалась конкурентная борьба между руководителями за квалифицированные кадры, за привлечение их на свои предприятия. «Вопль об утере квалифицированной рабочей силы в процессе ее оборота, — пишет З.Мордухович, — раздается со стороны почти всех обследованных, опрошенных или непосредственно обратившихся в нарком-труд хозорганов» (Мордухович З. На борьбу с текучестью... С. 36). Директора требовали замены стихийной текучести кадров организованным распределением рабочей силы. Если рабочий по своей инициативе менял место работы — это объявлялось пагубным действием рыночной стихии, если по распоряжению администрации, то это называлось организованным плановым распределением рабочей силы, носившим благотворный характер.

Дефицит квалифицированных рабочих кадров, возраставший в связи с увеличением потребностей в них на многочисленных новостройках, способствовал улучшению их положения на рынке труда. Возможности перехода рабочего на новое место, где платили больше или снабжение было лучше. расширились. Борьба с текучестью кадров превратилась в настоящую войну директората с кадровыми рабочими. В начале 30-х годов декреты и постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома по этому поводу следовали один за другим. 23 сентября 1930 г. был опубликован декрет, предусматривавший обязательную запись в расчетной книжке причины увольнения рабочего, независимо от того согласен ли он на то, чтобы была сделана такая запись или нет, как было раньше. 20 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) опубликовал резолюцию, согласно которой квалифицированные рабочие и специалисты могли переводиться из одной производственной отрасли в другую только с согласия профсоюза. Резолюция потребовала пере-

смотра правил внутреннего распорядка и шкалы штрафов, а также лишения рабочего, при самовольном его уходе с предприятия, права работать по найму в течение 6 месяцев. Резолюция содержала и призыв к рабочим к «самозакреплению» на рабочих местах. 15 декабря 1930 г. появился указ, по которому контракты о работе по найму должны были заключаться на срок до 3-х лет.

Но все эти декреты и резолюции оказались малоэффективными. Директора предприятий для того, чтобы выполнить план, всякими правдами и неправдами переманивали рабочих с других предприятий, а рабочие преднамеренно нарушали дисциплину для того, чтобы иметь возможность уволиться. «На предприятиях, — пишет З. Мордухович, — сложилась такая практика, что рабочие, желающие уйти с предприятия и задерживаемые администрацией, сознательно прибегают к нарушению трудовой дисциплины, увольняются за это и таким образом достигают своей цели обходным путем» (Там же. С. 39).

Самовольный массовый переход рабочих с одного предприятия на другое стал сокращаться лишь в связи с введением в 1933 г. обязательной прописки. Прописка ограничивала свободу передвижения рабочего, а вместе ней и свободу выбора места работы. Помимо полицейских функций, она позволяла обеспечивать предприятия рабочей силой на условиях, выгодных директорату.

За годы первой пятилетки большие изменения произошли и в самом директорском корпусе. К началу пятилетки соперничество «красных директоров» с буржуазными специалистами еще не было завершено. Хотя главными директорами, как правило, были партийные выдвиженцы, их роль в управлении предприятиями оставалась все еще эфемерной из-за отсутствия у них профессиональных знаний. Основные управленческие функции продолжали выполнять технические директора, бывшие буржуазные специалисты. «Красным директорам» оставалось лишь, как говорил Сталин, «право улаживать конфликты, председательствовать и играть на балалайке». Они были, по его словам, «хвостиками буржуазных спецов» (Сталин И.В. Соч. Т.11. С. 58,59).

Весьма прочны были и позиции буржуазных специалистов в центральных учреждениях, куда их в свое время пригласил Ленин для решения актуальных экономических задач. Они не были согласны с курсом Сталина на свертывание рыночных отношений и считали пятилетний план невыполнимым.

В 1927 г. нэп еще рассматривался большинством членов партии в качестве неотъемлемой части продолжения ленинской политики. Сталин с этим не мог не считаться. Даже в июне 1930 г., когда шло свертывание нэпа, Сталин был вынужден объявить «болтовней» разговоры «об угрозе отмены нэпа». «Мы еще не отменяем нэпа, — говорил он, — ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, «свободный» товарооборот еще остается» (Там же. Т.12. С. 306, 307). У Сталина был испытанный путь устранения несогласных с ним. Начало судебным процессам положило так называемое шахтинское дело. То, что предъявлялись ложные обвинения не смущало их официальных участников. Якубович — один из обвиняемых по пресловутому делу «Союзного бюро» ЦК РСДРП(м) — рассказывал, что государственный обвинитель Крыленко в разговоре с ним сказал, что у него нет сомнений в его, Якубовича, невиновности, но они оба выполняют свой долг перед партией (Carr E.H., Davies R.W. Foundations of aplanned economy... P. 411). Крыленко тогда не знал, что, соглашаясь «выполнять свой долг перед партией», он тем самым подписывал себе смертный приговор. Через несколько лет ему пришлось выполнять этот долг уже в качестве подсудимого, которого затем казнили.

Судебные процессы решали ряд задач. Во-первых, очистить учреждения от неугодных лиц, в первую очередь — буржуазных специалистов. Во-вторых, списать на «вредительство» все — вплоть до задержек с выплатой зарплаты, дефицита всего и вся. «Аресты, — пишет К. Бейлс, — давали готовое объяснение экономическим трудностям — повсеместному дефициту и невыполнению планов. Без таких судебных процессов ответственность могла бы лечь непосредственно на плечи тех, кто управлял промышленностью (Bails K. Technology and Society under Lenin and Stalin. P. 126).

До сих пор неизвестно сколько буржуазных специалистов было репрессировано в конце 20-х — начале 30-х годов. Их не только судили, их арестовывали без предъявления обвинения и высылали. Судя по тому, что к началу 1931 г. в Дон-

бассе было арестовано половина инженеров и техников, что только на транспорте выявлено 4,5 тыс. «вредителей», а в Промпартии, как утверждал на суде К.М. Разин, было 2 тыс. членов, число арестованных могло превысить 10 тыс. человек. И это при том, что в 1928 г. по данным ВСНХ общая численность инженеров и техников, занятых в крупной промышленности, составляла всего около 30 тыс. чел. (Carr E.H., Davies R.W. Foundation of planned economy... P.547). Чтобы восполнить возникший дефицит инженерно-технических кадров из зарубежа было приглашено на работу 7 тыс. специалистов.

В конце концов многие из уцелевших буржуазных специалистов, чтобы оградить себя от преследований стали вступать в партию. В январе 1930 г. 13 тыс. ленинградских инженеров и техников вышли на демонстрацию с призывом покончить с политическим нейтралитетом инженерно-технических работников. 5 февраля 1930 г. инженеры и техники Москвы присоединились к демонстрации молодых коммунистов, призывавших к выполнению пятилетнего плана.

Но потребность в инженерно-технических кадрах в промышленности была велика. Уже в июне 1931 г. ЦК ВКП(б) рекомендовал директорам шире выдвигать техническую интеллигенцию на должности начальников цехов, руководителей конструкторских бюро, заведующих отделами и т.д., тем самым окончательно определив ее положение в промышленности.

Все нити управления предприятиями сосредотачивались в руках «красных директоров», властные полномочия которых постоянно расширялись. Расширение властных полномочий происходило главным образом за счет урезания прав профсоюзов. Уже в 1926 г. переход от регулирования зарплаты посредством коллективных договоров профсоюзов с администрацией к регулированию ее на основе решений Совнаркома, ежегодного пересматривающего ставки оплаты труда, существенно сузил права профсоюзов. В 1930 г. право устанавливать зарплату без предварительных консультаций с расценочно-конфликтными комиссиями, куда входили представители профсоюзов, было дано руководителям предприятий. Декрет ЦК ВКП(б) от 6 марта 1929 г. предоставил директорам право без согласования с расценочно-конфликтными комиссиями, наказывать нарушителей дисциплины, вплоть до их увольнения с предприятия. 5 октября 1929 г. ЦК ВКП(б), отмечая, что «на предприятиях все еще имеет место непосредственное вмешательство партийных и профсоюзных органов в оперативно-производственную работу заводоуправлений», потребовал «сосредоточить в руках руководителей фабрик и заводов все нити управления хозяйственной жизнью предприятия» (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967). М., 1968. Т.2. С. 126-127). Тем самым профсоюзы лишились права принимать активное участие в выработке хозяйственных решений. Одновременно постановлением ЦК руководители предприятий получили возможность назначать весь административно-технический персонал, не согласуя своих решений с профсоюзами.

В конце концов профсоюзы перестали быть самостоятельными партнерами администрации. Они стали целиком зависеть от нее. Главное, что от них требовали, это выполнение производственных планов. В связи с этим был выдвинут лозунг «Профсоюзы лицом к производству», подразумевавший, что «основным звеном в оживлении и улучшении всей работы профсоюзов ... должно стать социалистическое соревнование и его детище — ударничество» (ВКП(б) в резолюциях и решениях... Ч. 2. С. 435). Что касается улучшения материального положения и быта рабочих, то профсоюзам рекомендовалось подчинять эти вопросы производственным нуждам. «Добиваясь при заключении колдоговоров улучшения материального и культурно-бытового положения рабочих... — указывалось в решениях XVI партсъезда, — профсоюзы должны внимательнейшим образом изучать состояние промышленности, трестов, хозобъединений и предприятий, считаясь с интересами, состоянием данного хозобъединения и интересами развития народного хозяйства в целом (Там же. С. 438).

Лозунг «Профсоюзы лицом к производству» на деле подразумевал лицом к администрации. Старые кадры профсоюзов, традиционно учитывающие настроения рабочих, проводить этот лозунг в жизнь в условиях резкого снижения жизненного уровня и ухудшения условий труда не могли. Партия приняла решение очистить профсоюзный аппарат от тех, кто,

как говорил Н.М. Шверник, «противопоставлял защитные функции профсоюзов производственным задачам и скатывался к защите узкоцеховых интересов», что приравнивалось к «линии на срыв социалистического строительства» (XVI съезд ВКП(б)... С. 649).

В ходе чистки из профсоюзов были изгнаны сотни тысяч профсоюзных работников. К 1 апреля 1930 г. было изгнано 59,5% членов Всесоюзного центрального совета профсоюзов, 51,7% членов президиумов и 67,5% членов центральных комитетов отраслевых союзов, 71% руководителей профсоюзных отделов и 68,1% членов фабрично-заводских комитетов. Многие из них были арестованы (Kyrania H. Stalin‘s industrial revolution. Politics and workess 1928-1932. Cambridge, 1988. P. 47-48).

Переход к плановому хозяйству, к плановой экономике, освобождал директорат, говоря современным языком, от маркетинга, зато требовал знаний производственных процессов. Чтобы иметь эти знания, которых у подавляющего большинства директоров не было, нужно было учиться. С этой целью организовывались различные курсы (с отрывом и без отрыва от производства), а институты приспосабливали свои программы к обучению слушателей, не имеющих элементарных знаний. Многих директоров, так и не окончивших курсы или учебные заведения, замещали молодые выпускники. Среди последних преобладали не рабочие, как утверждала официальная пропаганда, а те, кто уже испытал искус руководящей работы. В частности, удельный вес рабочих «от станка», направленных в вузы из Московской области, в 1928 г. составлял 7%, в 1929 г. — 20%, в 1930 г. — 23,5% (Партийное строительство. 1930. № 15. С. 22).

Советский директор, с гордостью утверждавший, что он представитель рабочего класса, стремился всячески от него отгородиться. Ему казался противоестественным демократизм в отношениях руководителей с подчиненными. Интересно в этой связи наблюдение И. Ильфа и Е. Петрова, посетивших Соединенные Штаты. Они писали: «В американской жизни есть явление, которое должно заинтересовать нас не меньше, чем новая модель какой-нибудь машины. Явление это — демократизм в отношениях между людьми... Внешние формы такого демократизма великолепны. Они очень помогают

в работе, наносят удар по бюрократизму и подымают достоинство человека (Ильф И. Петров Е. Собр. соч. М., 1961. Т.4. С. 441). Но в условиях тоталитарного социализма этот призыв И. Ильфа и Е. Петрова не мог не оставаться гласом вопиющего в пустыне.

С 1929 г. по 1934 г. число промышленных предприятий стремительно росло (с 9 тыс. до 45 тыс.). В связи с этим резко увеличилась численность управленческого персонала — директоров, начальников цехов, заведующих отделами, бухгалтеров и т.д. Социальная мобильность в эти годы была велика, в том числе и среди рабочих, выдвигавшихся прежде всего на должности мастеров-бригадиров. Как правило, это были те, кто уже доказал свою лояльность администрации, принимая участие в партийно-профсоюзных начинаниях. «Для них, — как пишет Д. Филтзер, — выходом из тяжелого материального положения, обусловленного индустриализацией, становился не протест, а попытка уйти из рядов рабочего класса... Добившиеся успеха на этом пути были главной опорой сталинской элиты, если не сливались с ней» (Filtzer D. Soviet workers... P. 48). Многие, начавшие свою управленческую карьеру с должности мастера-бригадира потом успешно продвигались по управленческой лестнице, иногда достигая ее вершин.

В годы первой пятилетки сталинская модель тоталитарного социализма утвердилась окончательно. Но она не могла бы существовать, не имея социальной опоры. Для многих проводимые партией периодические чистки открывали возможность встать на управленческую лестницу, чтобы затем, руководствуясь партийными установками, подниматься вверх.

ГЛАВА 6

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ТОТАЛИТАРНОГО СОЦИАЛИЗМА

То, что мы сегодня называем тоталитарным социализмом в самых общих чертах было предсказано основоположниками марксизма еще в середине XIX в. Они полагали, что в силу экономических закономерностей гибель капитализма неизбежна, что ему на смену придет строй, где средства производства будут принадлежать государству, которое уничтожит рыночные отношения, а вместе с ними и эксплуатацию человека человеком. Грядущий общественный строй представлялся им своего рода земным раем, без насилия и конфликтов, несовместимых с принципами гуманизма.

Идеализация общественного устройства, к которому стремятся реформаторы и революционеры, удесятерят их волю и желания очистить общество от скверны действительности. Но в рассматриваемом случае у идеологов нового строя были и объективные основания.

В середине XIX в. предприятия еще, как правило, находились в индивидуальной собственности. В этих условиях появление директоров предприятий во многом было делом случая, т.е. они могли быть, могли не быть. Предприниматель мог сам руководить производством, мог нанять специалиста. Лишь общественные формы капитала (в основном государственные и акционерные общества) в противоположность его индивидуальным формам делают директорское руководство производством абсолютно необходимым. В середине XIX в. акционерные общества в промышленности были еще немногочисленными, что служило основанием для представлений о том, что грядущее обобществление капитала будет происходить прежде всего по линии его огосударствления.

«Современное государство, — писал Энгельс, — какова бы не была его форма, есть по самой сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем больше граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 290).

Для Маркса и Энгельса полное огосударствление производства при сохранении рыночных связей отнюдь не было тождественно возникновению социализма, как позднее стали утверждать сталинисты, ставя знак равенства между государственной промышленностью и промышленностью социалистической. Основоположники марксизма исходили из того, что рыночные отношения являются той почвой, на которой произрастает эксплуатация человека человеком. Поэтому для них огосударствление средств производства было лишь формальным способом решения проблемы, способом, открывавшим путь к свершению социалистического переворота. Содержанием же последнего должно было стать, по их мнению, уничтожение рыночных отношений. «Раз общество возьмет во владение средства производства, — писал Энгельс, — то будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продукта над производителями» (Там же. С. 295.).

Но раз общество в лице сохраняющегося на какое-то время после социалистического переворота государства «возьмет во владение средства производства», устраняя «господство продукта над производителями», то возникнет «единая фабрика». Именно о такой модели социализма мечтал Ленин, когда писал работу «Государство и революция», в которой фабричная организация производства и фабричная дисциплина проецировались на все общество.

Маркс и Энгельс наметили лишь общие контуры эконо-

мического фундамента того, что позднее определят как тоталитарный социализм. До разработки проекта всего здания было еще далеко. В частности, классики марксизма не предполагали, что товарные формы могут существовать и при социализме и не вписываться в законы рынка. Еще дальше от реалий были их взгляды на надстройку тоталитарного социализма: парламентская республика с ее демократическими институтами представлялась им «специфической формой» государства нового общества (Там же. Т. 22. С. 237). Фактически Маркс и Энгельс пытались совместить несовместимое — безрыночный базис с политической надстройкой, формируемой рынком. Хотя они и восставали против товарного производства, однако их идеи свободы и равенства, говоря словами Маркса, были лишь «идеализированными выражениями обмена меновыми стоимостями» (Там же. Т. 46. Ч.1. С. 191).

В этом заключается известный дуализм марксизма: теоретическое обоснование, с одной стороны, тоталитарного социализма, с другой — несовместимых с ним демократических свобод и институтов, буржуазную ограниченность которых они надеялись преодолеть. Далее на почве дуализма произошла как бы двоякая эволюция марксизма. В странах, где акционерные общества, стали социальной базой подымавшегося директората, где успешно развивались демократические институты, вовлекая в свою орбиту работников наемного труда, представления о грядущем социализме утрачивали тоталитарные черты, приобретая социал-демократическую окраску. В странах же с деспотическими режимами, где на повестке дня стояли революционные перевороты, последователи основоположников марксизма от отрицания ограниченности буржуазной демократии постепенно перешли к отрицанию демократических институтов вообще. Таким образом, проповедуемый ими тоталитарный социализм приобрел целостный характер. Каждое из этих марксистских течений по-своему ревизовало учение Маркса и Энгельса — первое очищало его от тоталитарных представлений, второе — от представлений демократических.

Как известно, русским марксистам, остававшимся приверженцами взглядов Маркса и Энгельса на создание безрыночного общества, был чужд, в силу отсталости России, анализ новейших изменений капитализма того времени. В сфере экономики главным для них был переход от феодализма к капитализму, последствия социального расслоения крестьянства. Однако, и позднее изучение империализма не поколебало их решимости огосударствить экономику, уничтожить рыночные отношения. Неразвитые рыночные отношения в России и многократное усиление государственного регулирования экономики в воюющих государствах лишь укрепило эту решимость. Российская отсталость служила той почвой, на которой произрастали семена тоталитаризма, посеянные основоположниками марксизма.

Октябрьская революция впервые перевела вопрос о тоталитарном социализме из плоскости теоретической в плоскость практическую. В годы военного коммунизма решалась двуединая задача: перестроить экономику на безрыночных началах, создать аппарат насилия, способный принуждать широкие массы к подчинению воле директората, вставшего во главе национализированных фабрик и заводов. Первая из них — создание безрыночного базиса — так и осталась тогда нерешенной, поставила страну на грань гражданской войны — всего народа против находящегося у власти директората и его партии — партии большевиков; вторая — создание политической надстройки — в обстановке иностранной интервенции и гражданской войны была успешно решена.

Большевики постоянно подчеркивали ограниченность буржуазной демократии, обслуживавшей в первую очередь интересы богатых. «Буржуазная демократия, — писал, например, Ленин, — будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых бедных» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 252). В такого рода высказываниях, несомненно, много верного. Но под видом борьбы с ограниченностью буржуазной демократии большевики вели борьбу против всяких демократических институтов, которая обеспечивала директорату неограниченные законом диктаторские полномочия.

Переход к нэпу не был отказом от тоталитарных ценностей. Он рассматривался лишь как временное отступление для создания безрыночной экономики. С этой целью тоталитарный характер политической надстройки был сознательно усилен. Все партии, кроме большевистской, были поставлены вне закона, а в самой большевистской партии были запрещены все фракции. В результате Политбюро ЦК ВКП(б) стало единственным легальным выразителем ее политики.

В глазах большевиков рынок с рождавшимися на его почве демократическими ценностями по-прежнему ассоциировался исключительно с капитализмом. Возникавшие на рыночной основе реалии привычно классифицировались ими согласно канонам классического марксизма. Неслучайно, например, Ленин отождествлял перевод промышленности на хозрасчет с переводом «по сути дела в значительной степени на коммерческие и капиталистические начала» (Там же. Т. 44. С. 210). О том насколько было сильно предубеждение большевиков против рынка свидетельствует тот шок, который вызвал ленинский призыв пересмотреть точку зрения на социализм в свете рыночных отношений. Этот призыв был сделан Лениным в статье «О кооперации», которая была написана им 13 января 1923 г., а опубликована лишь 24 мая 1923 г. Решение о ее публикации принималось Политбюро, так как подобные мысли считались ересью.

Тоталитарный социализм окончательно утвердился в годы первой пятилетки, когда возникшая на базе национализации промышленности «единая фабрика» обрела свой аграрный придаток — колхозную деревню. Благодаря этому придатку она стала иметь то самое продовольствие и сельскохозяйственное сырье, которые с таким напряжением сил и в меньших размерах конфисковывала у индивидуальных крестьян в годы военного коммунизма.

Возникшие новые отношения между «единой фабрикой» и колхозной деревней по своей сути не были товарными, рыночными, как утверждал Сталин. «Других экономических связей, — в частности, писал он, — кроме товарных, кроме обмена, обмена через куплю-продажу в настоящее время колхозы не приемлют. Поэтому товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же

необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость всемерного разворота товарооборота» (Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 16-17).

Но когда Ленин в начале 20-х годов ставил вопрос о «всемерном развороте товарооборота», то он имел в виду всемерное развитие рынка. Между тем отношения «единой фабрики» с колхозами ничего общего с рынком не имели, поскольку в них не продавец, а покупатель назначал цену, обычно в 10-12 раз ниже рыночной, и определял количество и ассортимент продукции, которую колхозы обязаны были производить. Это были отнюдь не рыночные, а командно-административные связи, покоившиеся на внеэкономическом принуждении. Они могли существовать только потому, что почти не затрагивали натуральное производство колхозников. Другими словами, «единая фабрика» могла существовать лишь в условиях отсталого сельского хозяйства, еще не порвавшего с натуральным производством.

Низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию позволяли государству за счет сельского хозяйства дотировать промышленность. Благодаря последнему издержки государства на предметы потребления, в частности на продовольствие, были невелики, обеспечивая тем самым ниже рыночных затраты на рабочую силу, занятую в промышленности. Низкая цена рабочей силы, в свою очередь, уменьшала издержки производства.

Сталинская модель тоталитарного социализма формировалась в обстановке нараставшего товарного дефицита. Товарный дефицит всегда рождает административное регулирование, плановая разновидность, которого представляет лишь его долгосрочную форму.

Введение плановой экономики полностью модифицировало рынок, подменив определяющее движение стоимостей определяющим движением потребительных стоимостей на основе директив плана. В тех случаях, когда рынок функционирует нормально перемещение потребительных стоимостей от производителя к потребителю происходит в форме движения стоимостей. Там же, где ведущим является плановое начало, наоборот, перемещение потребительных стоимостей

становится ведущим, под него подгоняются стоимостные пропорции. Соотношение здесь между стоимостью и потребительной стоимостью оказывается как бы поставленным с ног на голову — потребительная стоимость занимает то место, которое на рынке занимает стоимость.

Известно, что Маркс неоднократно подчеркивал зависимость потребления от производства и был в этом, безусловно, прав. «Производство, — писал он, — создает потребление 1) производя для него материал 2) определяя способ потребления 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и влечение к потреблению (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. С. 29). В условиях рынка это определяющее воздействие производства на потребление происходит через предложение, рождающее платежеспособный спрос, воздействующий на производство.

Взаимодействие между производством и потреблением в плановом хозяйстве происходит иначе — здесь производство подгоняется под уже сложившиеся потребности, которые, говоря языком Маркса, «полагают предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель» (Там же. С. 28). При этом не имеет принципиального значения происхождение потребностей — порождены ли эти потребности национальным производством или мировым хозяйством. И в том и в другом случае потребности одинаково «полагают предмет производства идеально». Однако это не исключает того, что различие в их генезисе служит показателем уровня развития национального производства. Чем больше потребностей привносится извне, тем больше национальное производство отстает от передового мирового хозяйства. Их учет в плановых заданиях, как это было, например, в первой пятилетке, важное свидетельство попытки преодолеть отсталость и выйти на мировой уровень.

Но решить указанную задачу плановая экономика была не в состоянии. Она консервативна в самом своем существе. Подобно натуральному хозяйству она исходит прежде всего из уже сложившихся потребностей, тогда как новые потребности в основном возникают как импульсы извне. Пока плановая экономика решает свои проблемы, рыночная — уже уходит на новый виток развития, на котором производство, рождая новые потребности, революционизирует самое себя. Иначе говоря, плановая экономика ориентируется прежде всего на уже сложившуюся техническую базу у себя или за рубежом, рыночная — на новейшую технику, обеспечивающую более высокую производительность труда. В частности, с 1950 г. по 1962 г. национальный доход СССР ежегодно возрастал за счет роста производительности труда на 29%, тогда как в ведущих странах Запада — Франции — на 75%, США — на 40% (Prybyla J.S. Market and Plan Stanford. 1987. P.37).

Хотя плановая экономика исходит из потребления, тем не менее она хуже удовлетворяет спрос, чем экономика рыночная. Дело в том, что в условиях рынка качество товара определяет сам потребитель, воздействуя на производителя платежеспособным спросом. В связи с этим совершенствование качества — приоритетная задача рыночной экономики. Иначе обстоит дело в плановом хозяйстве. Здесь качество товара определяет не потребитель, а план, дающий задание производителю. Последний не заинтересован в совершенствовании качества продукции, ибо предмет потребления и способ потребления уже предопределены планом. В таких случаях интерес производителя заключается преимущественно в одном — в количестве выпускаемой продукции. Поэтому при плановом хозяйстве качество товаров, как правило, ниже качества товаров, которые производятся в условиях рынка, где главной задачей является поиск потребителя. Исключение составляют те немногие товары плановой экономики, которым приходится конкурировать с товарами рыночной экономики не только в сфере мировой торговли, но и в сфере потребления. Среди них ведущее место занимает производство вооружения. При создании вооружений проблеме качества уделялось первостепенное внимание. Не случайно, в оборонной промышленности были сконцентрированы наиболее квалифицированные кадры. В частности, по данным Кагановича, в 1941 г. в оборонной промышленности и черной металлургии 87% директоров имели высшее образование, тогда как по всем промышленным предприятиям этот показатель составил всего 15% (Bails K.E. Technology and society

under Lenin and Stalin. Princeton 1978. P.291).

Плановое и рыночное хозяйства не совместимы. Но это не исключает того, что и то и другое функционирует в одинаковых товарно-денежных формах, хотя содержание этих форм разное. И в плановой и в рыночной экономике товары производятся на так или иначе обособленных предприятиях с разной производительностью труда. В условиях рынка общественно необходимые затраты фиксируются в деньгах покупателей, являясь материальным признанием их общественной значимости. Иначе обстоит дело в плановой экономике, где общественно необходимые затраты труда фиксируются не после производства, а до него — в виде плановых показателей себестоимости, цены и т.д. Эти плановые показатели лишь идеально фиксируют общественно необходимые затраты труда, которые затем материализуются в ходе выполнения плана. Предприятие здесь всего лишь филиал «единой фабрики», руководство которой само определяет общественное бытие товаров, что позволяет сознательно отклоняться от стоимостных пропорций рынка во имя форсированного ее роста за счет сокращения потребления.

Примат производства над личным потреблением наиболее характерная черта «единой фабрики». Для нее все издержки, связанные с личным потреблением, убыточны, поскольку сказываются на темпах роста ее производства, расширяющего социальную базу директората. Поэтому именно ей принадлежат рекорды роста фонда накопления за счет сокращения фонда потребления. В частности, в 1932 г. доля накопления в национальном доходе возросла до 49%. Это намного больше аналогичного дореволюционного показателя, составлявшего около 10% национального дохода. Примат производственных инвестиций над расходами на потребление — характернейшая черта сталинских пятилеток. На долю таких инвестиций приходилось 35-40% валового национального продукта (Prybyla J.S. Market and Plan... P. 38).

В свете подобных цифр особенно очевидной становится фальшь сталинских заявлений о том, что целью социализма является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества» (Сталин И. Экономические проблемы социализма... С. 40). Социализм, о котором писал Сталин, был далек от осуществления указанной им цели. Лозунги типа «все для человека, во имя человека» были лишь камуфляжем, скрывавшим безудержное расширение производства во имя самого производства.

Это производство базировалось прежде всего на широком использовании ручного труда. Например, в 1932 г. основные издержки производства — зарплата, сырье и амортизация — в себестоимости тяжелой промышленности составляли соответственно 43,5%, 37,4%: и 6%. Чтобы снизить себестоимость продукции требовалось уменьшить расходы на зарплату. Одним из методов был рост цен на предметы первой необходимости, сокращавший личное потребление. Если цены на средства производства росли незначительно, то на предметы личного потребления — стремительно. В 1948 г. цены на средства производства по сравнению с 1927/28 г. выросли в 2 раза, тогда как на предметы личного потребления в (1949 г.) — в 30 раз (Prybula J.S. Market and Plan... P. 22).

Разумеется, рост цен на предметы потребления мог негативно сказаться на уровне рентабельности отдельных предприятий, однако на уровне рентабельности «единой фабрики» в целом он сказывался положительно. В этой связи для читателя может представить интерес комментарий к указанному повышению цен на предметы потребления, сделанный А.Н.Малофеевым. «Первым практическим результатом неизменности отпускных цен промышленности на предметы личного потребления при условии стабильности цен на металл, уголь, лес (которая обусловила убыточность производства названных товаров) стало бы суженное воспроизводство в этих отраслях промышленности, поскольку не оказалось бы источника для покрытия необходимых убыточным отраслям бюджетных дотаций... Поэтому повышение отпускных цен на предметы личного потребления было в рассматриваемый период необходимо для обеспечения внутрипромышленных накоплений, направленных на дело социалистического строительства» (Малофеев А.Н. История ценообразования... С. 161).

Другим источником поддержания на низком уровне себестоимости в промышленности были низкие (убыточные для

производителей) цены на основные сырьевые товары: металл, уголь и лес. Убытки этих отраслей, как и некоторых других отраслей промышленности, компенсировались за счет бюджета, собственно за счет дешевой сельскохозяйственной продукции и инфляционной эмиссии. Только с 1 января 1928 г. по 1 января 1933 г. денежная масса в стране увеличилась в 5 раз. Негативные же последствия инфляции нейтрализовались с помощью принудительных внутренних займов населения. В частности, в 1928 г. в Москве в счет погашения второго и третьего займов и займа Моссовета вычитались две с половиной месячных зарплаты.

Именно дополнительные источники пополнения бюджета позволяли форсировать индустриализацию, не считаясь с громадными убытками от бесхозяйственности, повсеместно царившей на предприятиях. Как сказал, выражая настроения директората, одни из руководителей строившегося Кузнецкого металлургического комбината, «если вы спросите нас, сколько мы израсходовали денег — ответа не получите. Обычно мы руководствуемся формулой — строить во что бы то ни стало и чего бы ни стоило» (Валентинов (Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Munchen, 1971. С. 124). Традиция не считать затраченные деньги, получая недостающее за счет бюджетных ассигнований, сохранилась до наших дней и во многом определяет характер схваток между теми, кто придерживается старых методов хозяйствования, и теми, кто, отказываясь от них, приспосабливается к требованиям рынка.

С точки зрения способности производить, уменьшая затраты труда, предприятия «единой фабрики» не могут не уступать тем, кто ориентируется на рынок. На эту черту первым обратил внимание Е. Преображенский. «Благодаря совершенно правильной социалистической политике, — писал он, — государственное хозяйство, а, следовательно, отдельные государственные предприятия только как часть целого оказываются сильней частных, т.е. сильней в условиях неравенства сторон. Не может быть победы, — добавляет он, — в результате конкурентной борьбы отдельных государственных предприятий и групп с отдельными аналогичными предприятиями капиталистического характера. Для победы этим

путем государственным предприятиям не хватает того главного, что было у капиталистических предприятий, боровшихся с ремеслом: нет индивидуального экономического и технического преимущества над предприятиями исторически более низшей формы» (Преображенский Е. Новая экономика. М., 1926. С. 143).

Преображенский был прав, отмечая, что способность к выживанию индивидуальных государственных предприятий заключается не в них самих, а в том, что они являются филиалами «единой фабрики». Условием же и предпосылкой существования последней являются громадные государственные субсидии за счет сверхдешевой колхозной продукции. Но это было возможно только потому, что в деревне продолжало сохраняться полунатуральное производство, или, иначе говоря, только потому, что стоимостные отношения еще не получили всестороннего развития и были отягощены полунатуральными связями.

Тоталитарный социализм и его сталинская модель могли возникнуть только в отсталой стране, где большинство населения составляли крестьяне, которые, как справедливо подчеркивал Ленин, отличаются от наемных рабочих «более низким уровнем потребления, большим умением голодать и надрываться над работой» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 147). Деревня еще до прихода к власти директората субсидировала зарождавшийся фабричный город продукцией, скупавшейся за бесценок у опутанных долгами крестьян, а также дешевой рабочей силой, которой не надо было платить за увечья, болезни, потерю работы и т.д., так как эти расходы ложились на деревню, куда возвращался крестьянин из города.

Тоталитарный социализм отнюдь не сам изобрел субсидирование фабричного города за счет полунатурального производства. Эксплуатация городом деревни — факт давно известный. Тоталитарный социализм лишь приспособил полунатуральное производство к нуждам «единой фабрики», уничтожив все формы частного субсидирования, конкурировавшие с государственными.

Но история не стоит на месте. В ходе своего развития тоталитарный социализм неизбежно разрушает тот самый по-

лунатуральный базис деревни, который был им законсервирован в колхозной форме с целью форсированного роста «единой фабрики». А вместе с его разрушением под напором рыночных стоимостных отношений рушится и сама «единая фабрика», лишавшаяся возможности подпитывать из бюджета многочисленные убыточные предприятия. На ее месте возникает новый тип организации производства, в котором доминирующее положение занимают акционерные общества — предприятия, ведущиеся, говоря словами Энгельса, «в интересах многих объединившихся лиц» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 234). Такие предприятия отнюдь не устраняют ведущее положение директората в организации производства. Более того, оно укрепляется за счет перехода маркетинга из рук его планировавшей верхушки в руки руководителей возникших фирм. Тот факт, что на базе рыночных отношений растет частное предпринимательство, также не ослабляет ведущую роль директората, ибо частное предпринимательство тысячами нитей связано с крупным бизнесом и зависит от него — от поставок сырья, оборудования кредита, сбыта и т.д.

Тоталитарный социализм лишь обусловленная экономической отсталостью первичная форма господства директората. Экономический прогресс сопровождается товаризацией экономических связей. Их неразвитость — экономическая основа тоталитарного социализма уходит в прошлое. История неопровержимо доказывает, что на пороге третьего тысячелетия время ее существования истекло.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Т.Б. Дегатькова

В печать 5.4.97 Формат 60х90/16
Печать офсетная
Заказ 41 Тираж 250
ТОО «Типография ПЭМ»

121471 Москва, Можайское шоссе,25